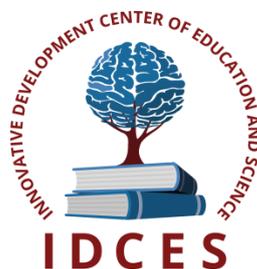

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
В МИРЕ**

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(8 июня 2015г.)**

**г. Казань
2015 г.**

УДК 009(06)
ББК 6/8я43

Современные проблемы гуманитарных наук в мире / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Казань, 2015. 66 с.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Бойко Евдокия Семеновна (г.Красноярск), кандидат искусствоведения Бражникова Юлия Александровна (г.Усть-Каменогорск), кандидат филологических наук, доцент Бутусова Анжелика Сергеевна (г.Ростов-на-Дону), доктор философии, доцент Волосков Игорь Владимирович (г.Сергиев Посад), кандидат филологических наук Дмитриева Елизавета Игоревна (г.Москва), кандидат педагогических наук, докторант Коршунова Вера Владимировна (г.Красноярск), кандидат культурологии, доцент Николаева Елена Валентиновна (г.Москва), доктор искусствоведения, доцент Хватова Светлана Ивановна (г.Майкоп), кандидат филологических наук Чечелева Вера Николаевна (г.Москва)

В сборнике научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Современные проблемы гуманитарных наук в мире» (г.Казань) представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области филологии, искусствоведения и культурологии, общественных деятелей и лиц, проявляющих интерес к рассматриваемым вопросам, Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

© ИЦРОН, 2015 г.
© Коллектив авторов

Оглавление	
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)	6
СЕКЦИЯ №1.	
ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)	6
СЕКЦИЯ №2.	
МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)	6
МЕТОДЫ РАБОТЫ С АРХИВНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ В ПРОЦЕССЕ РЕКОНСТРУКЦИИ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОЙ ПОСТАНОВКИ	
Гурова Я.Ю.	6
ТЕАТРАЛИЗАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ЯЗЫКА ВО ФЛОРЕНТИЙСКИХ КАНЦОНАХ 1539 ГОДА	
Панкина Е.В.	9
СЕКЦИЯ №3.	
КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)	11
КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ В КИНЕМАТОГРАФЕ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ	
Новикова Д.К.	11
СЕКЦИЯ №4.	
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)	14
СЕКЦИЯ №5.	
ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)	14
СЕКЦИЯ №6.	
ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)	15
СЕКЦИЯ №7.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)	15
КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)	15
СЕКЦИЯ №8.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)	15
ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА КАК ФАКТОРА КУЛЬТУРЫ В КОМПЕТЕНТНОМ ПОДХОДЕ В КУРСЕ «КУЛЬТУРОЛОГИЯ»	
Дружинина И.А.	15
СУЩНОСТЬ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ СУБКУЛЬТУРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	
Сюзева Н.В.	17
СЕКЦИЯ №9.	
МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)	19
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)	19
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)	19
СЕКЦИЯ №10.	
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)	19
ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В СИСТЕМЕ ТЕКСТОВОЙ ЛОКАЛЬНОСТИ	
Айрапетова Э.Г.	19
«СТРАННИЧЕСТВО» КАК ТИП МИРОПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПОЭМЕ Н.А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»	
Павленко И.В.	21
СЕКЦИЯ №11.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)	24

СЕКЦИЯ №12.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)	25
РЕАЛИЗАЦИЯ КАНОНИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ КЛАССИЧЕСКОГО ЭПОСА В ПОЭМЕ «ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ» (К ВОПРОСУ О ПРОДУКТИВНОСТИ ДРЕВНИХ ПЕРВИЧНЫХ ЖАНРОВ)	
Пустоветова А.О., Манжелевская Е.В.	25
ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА В РОМАНЕ Э. ЗОЛЯ «ТЕРЕЗА РАКЕН»	
Григорьева В.И., Максимова М.В.	28
ТЕМЫ И ОБРАЗЫ В ТРИЛОГИИ АЙН РЭНД «АТЛАНТ РАСПРАВИЛ ПЛЕЧИ»	
Иванникова Е.С.	31
СЕКЦИЯ №13.	
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)	32
СЕКЦИЯ №14.	
ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09).....	33
СЕКЦИЯ №15.	
ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10).....	33
КРАСНАЯ АРМИЯ В ТУРЕЦКОЙ ПЕЧАТИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	
Сыракая Севтап	33
ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00).....	36
СЕКЦИЯ №16.	
РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01).....	36
АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ОТНОСИТЕЛЬНЫМ ПОДЧИНЕНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	
Гетманская М.Ю.	36
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИНТЕНСИФИКАТОРЫ НАГЛЯДНО-ЧУВСТВЕННОГО ФОНА В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ГЛАГОЛОМ-СВЯЗКОЙ БЫТЬ / БЫВАТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ РЕЧИ)	
Голайденко Л.Н.	38
СЕКЦИЯ №17.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02).....	45
СЕКЦИЯ №18.	
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)	45
СЕКЦИЯ №19.	
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)	45
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	
Пантия Б.С., Данилова М.А.	45
ЗАИМСТВОВАНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ В ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	
Данилова М.А., Пантия Б.С.	47
ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ	
Поползина Л.П., Ворончихина М.В.	49
СЕКЦИЯ №20.	
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)	51
СЕКЦИЯ №21.	
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)	51
СЕКЦИЯ №22.	
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)	52
ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ	
Ковалева О.В.	52

ЮМОР КАК СРЕДСТВО ЭКОЛОГИЗАЦИИ ОБЩЕНИЯ Колосова (Солодовникова) Н.Г.	54
СЕКЦИЯ №23.	
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20).....	58
ЛИНГВО-КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СПОСОБОВ ПОДАЧИ ТЕМЫ СООБЩЕНИЯ В РОССИЙСКОМ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ НОВОСТНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ Тимофеева А.А.	58
СЕКЦИЯ №24.	
ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21).....	60
СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МАНИФЕСТАЦИИ СОМНЕНИЯ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК Ильясова А.Ф., Тарасова Ф.Х.	60
СЕКЦИЯ №25.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)	63
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД	64

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)

СЕКЦИЯ №2.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)

МЕТОДЫ РАБОТЫ С АРХИВНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ В ПРОЦЕССЕ РЕКОНСТРУКЦИИ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОЙ ПОСТАНОВКИ

Гурова Я.Ю.

Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова, г.Санкт-Петербург

Реконструкция музыкально-театральной постановки важный этап в процессе изучения истории театра, особенностей его функционирования и воссоздания атмосферы той или иной эпохи. Полученные результаты раскрывают важные аспекты деятельности постановщиков, некоторых участников и чиновников того времени. Реконструкция каждой постановки неизбежно сопровождается многочисленными трудностями. На этапе сбора информации важным источником достоверных данных служат архивные документы. В ряде театральных жанров именно они содержат бесценные сведения, на основе которых возможно провести реконструкцию первой постановки спектакля. Обращение к документальным свидетельствам помогает определить его место в истории театра и творческой судьбе создателей. Наглядным примером могут служить балетные спектакли Петербурга конца XIX–начала XX столетия. Основным методом в процессе воссоздания будет изучение архивно-рукописных материалов, их тематический и комплексный анализ.

В качестве примера рассмотрим некоторые аспекты работы над реконструкцией балета в 4 действиях, 6 картинах с апофеозом «Кипрская статуя, или Пигмалион». Постановка выдающегося хореографа М.И. Петипа на основе сценария и музыки малоизвестного композитора-любителя И.Ю. Трубецкого. Сценическая судьба спектакля практически не отражена в опубликованных материалах, а имя композитора известно исключительно специалистам. Постановка была осуществлена в переходный период в истории Императорских театров и сыграла значительную роль в судьбах ее создателей, истории русского балетного искусства и функционировании театрального ведомства в целом.

Премьера балета «Кипрская статуя, или Пигмалион» состоялась на сцене Мариинского театра 11 декабря 1883 года. Периодические издания того времени мало информировали о данном спектакле. В биографических публикациях выдающегося балетмейстера М.И. Петипа балет упоминается исключительно в списке его сочинений.

Время создания данного балета для сцены Петербурга доподлинно неизвестно. Обращение к документам фонда императорских театров свидетельствует о факте появления спектакля в результате масштабной Театральной реформы 1882 года, вдохновителем, которой был директор театров того времени И.А. Всеволожский. В ее рамках директор театров инициировал отмену должности штатного балетного композитора, которую на протяжении многих лет занимали, сперва, Ц. Пуни, затем Л. Минкус. Уничтожение монополии написания музыки для балетного театра способствовало рождению на императорской сцене спектаклей на музыку других авторов. Основной целью Всеволожского было возродить интерес публики к балетному искусству. Балет Трубецкого – первая постановка на музыку не штатного театрального композитора, поставленная Петипа по настоянию дирекции.

Методы работы с источниками и извлечение информации из них зависят от сценической истории изучаемого произведения. Популярное в разное время постановки нашли отражение, как правило, в многочисленных отзывах в прессе, опубликованных воспоминаниях и мемуарах современников, о них процитированы, проанализированы в ряде научных источников. Иная ситуация складывается с малоизвестными произведениями музыкально-театрального искусства. Спектакли, которые по разным причинам остались почти не замеченными современниками, восстановить достаточно сложно. При реконструкции спектакля необходимо сопоставлять все данные. В случае, когда сохранились исключительно архивно-рукописные материалы, в

частности, делопроизводственные документы, представить, какой именно была постановка, достаточно сложно. В рассматриваемом случае сбор информации о балете «Кипрская статуя, или Пигмалион» проходил в несколько этапов: изучение литературных и научных трудов, поиск информации о балете и его авторах; изучение справочно-энциклопедических изданий (выявление в них данных о постановке, его авторах, установление личности композитора); обращение к периодической печати и поиск сведений о премьере; сбор архивно-рукописных материалов, делопроизводственных документов; анализ дневниковых записей, воспоминаний участников постановочного процесса.

Балет «Кипрская статуя, или Пигмалион» не упоминается в специализированных музыкальных, балетных и театральных справочных изданиях как отдельная постановка. Сведения о нем мы находим в перечне работ его авторов, указателе одноименных постановок и списке премьер Императорских театров того времени. Поиск автора музыки балета осложнен тем, что инициалы в ряде изданий не указаны, значится композитор как «князь Трубецкой». Данные биографических справочников также не способствуют установлению его личности.

Поиск информации о постановке в периодической печати того времени, показал, что премьеру упомянули на своих страницах менее десятка изданий. Театральный, музыкальный и художественный журнал «Артист» опубликовал небольшую заметку о постановке [15], в которой скупо говорилось о прошедшем событии. Журнал «Всемирная иллюстрация» [9] в разделе «Летопись» обозначил факт состоявшегося события. Подобного рода упоминания встречаем на страницах газет и журналов, в ряду которых — «Театральный мирок»^[11] и «Музыкальный и театральный журнал». В большинстве из них были представлены: название балета как «Пигмалион», имена авторов и дата премьеры. В двух из них мы находим краткие характеристики постановки. Анализ скурых данных периодической печати позволяет нам выявить отношение прессы к постановке, а также место балетного спектакля в ряду других произведений. Отметим, что во всех заметках автор музыки обозначен «князь, Трубецкой». Именно отсутствие инициалов впоследствии привело к тому, что произведение малоизвестного композитора приписывали разным авторам. Впервые инициалы истинного автора появились на страницах «Ежегодника Императорских театров» [14], в котором также представлено содержание балета.

Следующий этап на пути воссоздания балета – изучение воспоминаний авторов постановки, музыкально-театральных деятелей, которые могли иметь непосредственное отношение к спектаклю, а также отразить в своих воспоминаниях состояние театрального ведомства второй половины XIX столетия. «Кипрская статуя», однако, редко упоминалась в опубликованных воспоминаниях современников — артистов, композиторов, музыкально-театральных деятелей. Только обращение к архивно-рукописным документам способствовало воссозданию некоторых особенностей постановки.

В биографических изданиях о М.И. Петипа мы находим упоминание о постановке балета «Кипрская статуя, или Пигмалион». В изданиях А.А. Плещеева «Наш балет» [12], М.В. Борисоглебского «Материалы по истории русского балета» [10] и многих других авторов, в чьих работах нашли отражение постановки второй половины XIX столетия и их создатели, не было выявлено дополнительных данных о постановке. Воспоминания А.Н. Бенуа [3], Т.П. Карсавиной [7], М.Ф. Кшесинской [8] и ряда выдающихся театральных деятелей также не дали новых данных. В исследованиях по истории русского балета видного историка В.М. Красовской постановка не нашла отражения.

Большую же часть сведений о балете удалось выявить в процессе изучения архивно-рукописных материалов, выходящих за рамки официальных делопроизводственных материалов. Именно в них мы находим ответы на некоторые вопросы, почему в основе постановки, лежит музыка малоизвестного в России композитора; кто инициатор постановки именно данного произведения?

Для решения этих вопросов необходимо определить ряд лиц, которые причастны к осуществлению замысла. Первой фигурой в данном списке становится директор императорских театров, влиятельный и инициативный Всеволожский. Он, будучи чиновником, на протяжении всей своей карьеры отдавал предпочтение именно балетному театру. В эпистолярном наследии директора мы находим многочисленные послания другу и верному помощнику, управляющему театральным ведомством В.П. Погожеву. Просматривая многочисленные послания, мы узнаем, что разговоры о постановке «Кипрской статуи» начались еще в 1882 году. В письме к Погожеву 4/16 июля 1882 года директор театров из Лондона сообщает: «У меня наготове балет И.Ю. Трубецкого, который был дан в Вене с большим успехом. Я везу с собой клавирауцуг и либретто. Трубецкой берется прибавить музыку, дабы всем нашим балеринам были бы *na* по усмотрению Мариуса Петипа. Для этого балета легко будет заказать декорации в Вене. А осуществить уже в Москве» [3, л. 26–27]. Всеволожский, вероятно, стремился к стабилизации сложного в то время положения московского балета.

Следующее упоминание о балете, который в данной переписке именуется «Пигмалионом», появляется спустя год. Всеволожский снова пишет Погожеву: «О балете <...> я еще раз напишу Трубецкому и буду просить поскорее выслать музыку. Впрочем, лишь, кажется, что до моего отъезда в Москву был получен еще один акт

музыки, и что и его необходимо передать в контору для препровождения к Христофорову» [5, л.48–49]. На протяжении нескольких месяцев Всеволожский оповещал Погожева о состоянии дел и высказывал предположения о будущей премьере, в том числе, и о важности спектакля. В письме от 9 июля 1883 года директор отмечает: «...прилагаю депешу, полученную сегодня от Трубецкого. Сообщите Платону Павловичу [Домершикову], а также Петипа, и попросите последнего принудить к сочинению этого балета, так как я предвижу блестящий сезон в Петербурге при участии Двора, необходимо предложить хорошую новинку с самого начала» [5, л. 54–55]. Формулировка Всеволожского в «принуждении» балетмейстера к работе вполне объяснима. Как отмечалось, Петипа на протяжении многих лет работал с Пуни и Минкусом, которые беспрекословно подчинялись требованиям балетмейстера и сочиняли музыку по его строго намеченному плану. В данном же случае Петипа предстояло работать с готовым музыкальным материалом постановки, представленной некогда венской публике. Из переписки Всеволожского и Погожева выявлено, что композитор существенно переработал сочинение, дописал ряд новых номеров, но это не добавило энтузиазма балетмейстеру. Тем не менее, Петипа согласился на постановку, премьеры которой состоялась в 1883 году. Афиши императорских театров свидетельствуют о масштабности спектакля, которая состояла из 4 актов и 6 картин. В ней приняли участие ведущие артисты балета, главные партии исполнили Е.П. Соколова (Галатея), Ф.И. Кшесинский (Пигмалион), П.А. Гердт (Озис), Л.П. Радина (Рамис) и другие.

«Кипрская статуя, или Пигмалион» не оправдала надежд, возложенных на нее директором. После премьеры в прессе появилось несколько отзывов. Рецензенты отмечали главный недостаток – музыку к балету. Один из них писал: «Новых балетов мы не видели давно, почти четыре года, так как не считаем последнего произведения князя Трубецкого, его “Кипрскую статую”, художественным созданием» [6]. Несмотря на это, постановка была перенесена в Москву и выдержала несколько возобновлений.

Изучение дальнейшего развития русского балетного театра, а также деятельности Всеволожского позволяет нам аргументировано утверждать, что, несмотря на неудачу, «Кипрская статуя» достойна особого внимания. Постановка данного балета положила начало новой традиции – привлечения к написанию балетной музыки сперва малоизвестных, а затем и выдающихся композиторов. Именно сочинение Трубецкого предвосхитило то развитие балетного театра, которое впоследствии продолжат произведения Чайковского и Глазунова. Всеволожский, в свою очередь, не остановится на достигнутом, и, как показывают архивные документы, будет искать сюжеты для постановок, открывать новые имена.

Данный пример отражает значение документального, в первую очередь, архивно-рукописного материала в процессе реконструкции музыкально-театральной постановки. Делопроизводственные документы раскрывают особенности технического подготовительного процесса. Опубликованные отзывы в периодической печати – восприятие публикой спектакля, личное мнение автора. В воспоминаниях современников отражено субъективное мнение творческого человека на произведение. Анализ и сопоставление ряда данных способствует выявлению особенностей конкретной постановки, ее месте в ряду других и степени влияния на дальнейшее развитие исторического процесса.

Список литературы

1. Архив Дирекции Императорских театров. Ф. 497. Российский государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга.
2. Бенуа А.Н. Мои воспоминания: в 5 кн. / А. Н. Бенуа. – М.: Наука, 1990. – 743 с.
3. Всеволожский И.А.–В.П. Погожеву. От 4/16 июля 1882. Лондон. – Российский институт истории искусств. Ф. 44. Оп. 1. Л. 26–27.
4. Всеволожский И.А.–В.П. Погожеву. – Большая Алешня. 9/2 июля 1883. Российский институт истории искусств. Ф. 44. Оп. 1. Л. 48–49.
5. Итоги балетного сезона. Театральное эхо / Петербургская газета. – 26 февраля 1884. – № 55.
6. Карсавина Т.П. Театральная улица / Т.П. Карсавина. – М.: Центрополиграф, 2009. — 328 с.
7. Кшесинская М.Ф. Воспоминания / М.Ф. Кшесинская. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 1992. – 276 с.
8. Летопись искусств, театра и музыки / Всемирная иллюстрация. – 1883. – Т. 30. – № 780. – С. 506–507.
9. Материалы по истории русского балета. 200 лет Ленинградского государственного хореографического училища. 1738–1938: прошлое балетного отделения петербургского театрального училища ныне ленинградского государственного хореографического училища. Т. 1–2. // сост. М. В. Борисоглебский. – Л.: Изд. Ленинградского государственного хореографического училища, 1939.
10. Петербургский балет / Театральный мирок. – 14 января 1884. – № 3. – С. 4.
11. Плещеев А.А. Наш балет. 1673–1896. Балет в России до начала XIX столетия и балет в Санкт–Петербурге до 1896 года / А.А. Плещеев. – СПб.: тип. А. Бенке, 1896. – 391 с.

12. Хроника / Ежегодник Императорских театров. – Сезон 1894–1895. С. 284–294.

13. Хроника / Артист. – 1891. – Кн.13. – С. 139.

ТЕАТРАЛИЗАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ЯЗЫКА ВО ФЛОРЕНТИЙСКИХ КАНЦОНАХ 1539 ГОДА

Панкина Е.В.

Новосибирская государственная консерватория имени М.И. Глинки, г.Новосибирск

Середина XVI века в итальянской вокальной музыке связана с развитием жанра мадригала, характеризующегося гибким следованием музыки за текстом и породившего многообразные поиски на пути риторизации музыкального языка. Способы выявления содержания слова музыкальными средствами вырабатывались в значительно более ранних карнавальных песнях и фроттолах, в особенности театральных [3]. Некоторые современные раннему мадригалу проявления этого процесса ярко видны в компактной группе созданных в одно время сочинений, а именно в канцонах, написанных для торжественного пира в честь бракосочетания флорентийского герцога Козимо I де Медичи и Элеоноры Толедской, состоявшегося в воскресенье 6 июля 1539 года. Весь литературный и музыкальный материал, созданный в связи с этим событием, был издан уже через год, а флорентийский филолог и историк Пьер Франческо Джамбуллари составил о нем подробнейший отчет [1; 2].

В завершение пира новобрачных и гостей приветствовали две группы персонажей. Первую составили Аполлон и девять муз, вторую – фигуры, воплощавшие Тоскану: города, нимфы рек, гор, иных местностей, во главе с богиней Флорой (персонификация Флоренции). Выход каждой фигуры сопровождался комментарием Аполлона (его девять стансов не были положены на музыку), в последующих канцонах Флоры и отдельных групп «географических» персонажей содержались прославления Козимо и Элеоноры. Музыка для застольного представления создана несколькими авторами: Франческо Кортеччей (канцона Муз), Костанцо Фестой (канцона Флоры и Ареццо), Маттео Рамполлини (канцона Пизы и Пистойи), Джованни Пьетро Мазакони (канцона Вольтерры) и Баччо Москини (канцона Кортонны и Тибра).

Несмотря на различное авторство канцон, в них наблюдаются сходные приемы подчеркивания в музыкальной ткани отдельных слов и фраз. В связи с текстовым наполнением канцон выделяются несколько групп лексем: к первой относятся слова представления персонажей, ко второй – имена новобрачных, к третьей – имена богов и мифологических персонажей, четвертую составляют слова, наделенные повышенной семантической.

Среди лексем первой группы наиболее часто звучит слово «Ессо» («вот, здесь»), например, «Ессо Signor Volterra». С него начинаются три канцона – Пистойи, Вольтерры и Тибра, причем во всех случаях одинаково – имитацией с различным технологическим и художественным воплощением. В 5-голосной канцоне Вольтерры голоса вступают постепенно, что, вместе с равномерным движением лонгами и широкими квинтовыми (тенор) и октавными (квинтус и бас) ходами, создает эффект поступи, выхода Вольтерры и ее свиты «на сцену». В следующей строке «Ессо le nimphe mie» первое слово выделяется длительной имитацией, в которой участвуют все голоса, – единственной 5-голосной имитацией во всех канцонах. Из описания представления следует, что Вольтерру сопровождали пять нимф, – возможно, их количеством обусловлено число голосов. В 4-голосной канцоне Пистойи «Ессо» в первой строке выделено краткой имитацией и ритмической задержкой на первом слоге. Несколько по другому это слово озвучено в канцоне Тибра, – к многократному повторению добавлен «эхо-эффект». С «Ессо» начинаются первая и вторая строки, в обоих случаях используется один и тот же прием. По сравнению с предыдущими канцонами, здесь «Ессо» звучит поистине монументально, – почти сразу полное 5-голосие, на фоне басовой педали переключаются ансамбли голосов: тенор, альт, кантус и квинтус; альт, тенор и кантус.

К этой же группе слов относятся названия городов, практически всегда выделяемые либо увеличением длительностей, либо мелизматикой. В канцоне Тибра приемы объединены, – вместе с ритмическим укрупнением в трех голосах вводится распев в теноре, заметный в контексте преобладания силлабики.

При подчеркивании слов второй группы (имена новобрачных) используются те же приемы с соблюдением «этикетной дистанции», – поскольку Козимо и Элеонора являются главными фигурами праздника, их имена интонируются гораздо более выпукло. Так, в канцоне Тибра во фразе «Cosmo et Leonora», помимо ритмического укрупнения, союз «et» выделяется восходящим мелодическим движением в альтовой партии. Значимость фрагмента усиливается путем повторения имени герцогини; собственное имя Тибр в другом месте произносит

гораздо скромнее. Еще более помпезно имена звучат в канцоне Вольтерры, заканчивающейся фразой «viva Cosmo et Leonora». Многократный повтор фразы занимает приблизительно четверть текста канцоны, при этом имена герцога и герцогини выделяются комплексом способов: распевами крупными длительностями, имитациями, разделением фактуры на два пласта (скандирование текста в кантуса, альте и теноре, имитации в квинтуса и басу).

Среди слов третьей группы – имена Гименея, Немезиды, Пандоры, Флоры и Нептуна. Ни одно их упоминание не остается без соответствующего музыкального выражения. Так, имя Нептуна в канцоне Пистойи ритмически выделено (лонги в окружении бревисов). В канцоне Флоры имя богини произносится дважды, в обоих случаях оно подчеркнуто. В первый раз – посредством небольшой имитации, в которой участвуют пары голосов (кантус и альт, тенор и бас). Во втором случае имитация фразы «Flora la bella» происходит между альтом, тенором и басом, в то время как в кантуса звучит самостоятельная мелодическая линия, в которой эти же слова проводятся в ритмическом увеличении. Имя Флоры упоминается в канцонетте Тибра: «del Tebro et Rom'anchora n'andra la fam'alciel d'Arno et di Fioga». В этих словах, как и в их музыкальном воплощении, скрыта определенная политическая идея. При упоминании о Тибре звучат три нижних голоса, причем бас и тенор ритмически и мелодически менее подвижны, – это основа для гибкой мелодии альта. Фактурное рассредоточение усиливается несовпадением текста по вертикали. Слово «Roma» подчеркнуто включением кантуса и небольшим распевом в теноре. Перед следующей строкой, в которой провозглашаются имена Арно и Флоры, выдерживается небольшая пауза. Начало новой строки отмечено введением квинтуса, далее текст скандируется всеми голосами, а слова «d'Arno et di Fioga» выделяются ритмическим увеличением.

В канцоне Муз одной из ключевых фраз является призыв Гименея. В первой строке его имя произносится один раз с увеличением длительностей во всех голосах, кроме двух нижних, и небольшим мелизматическим распевом во втором теноре. В конце строфы, а также в завершении всей канцоны имя бога произносится в общей сложности (совокупность имитаций) восемь раз, при этом заключительный возглас отличается большим количеством внутрислоговых распевов. В музыкальной ткани имитациями и мелизматикой подчеркнуты также имена Немезиды и Пандоры; в новой строфе на их место приходятся слова «mondo honora» («мир почитает [этот род]»), – поэт расположил ключевые слова, обеспечив их выделение при повторе музыкального материала.

Четвертую группу составляют слова, имеющие особую значимость. Так, в канцоне Пизы слово «letitia» («радость») выделено сменой метроритмической пульсации: преобладает равномерное движение бревисами, но на «letitia» вводятся (единственный раз во всей канцоне) трехдольные ритмические фигуры. В этой же канцоне слово «pregan» («молят») выделено повторением и эхо-эффектом. Как и в предыдущем случае, прием носит единичный характер, следовательно, может рассматриваться как исключительный, сознательно направленный на подчеркивание слова. Маркирование слова «vita» («жизнь») распевом тенора используется в канцоне Ареццо.

Наиболее часто встречаются лексемы «honore, honorarte» («честь (слава), прославлять»), что объясняется панегирическим характером текстов. Почти в каждом случае слово выделено способами, подчеркивающими торжественный характер. Введением мелизматик и 4-кратного повтора (вербальная имитация) оно высвечено в канцоне Флоры, посредством ритмической остановки (лонги максимы в окружении бревисов) – в канцонах Пистойи и Вольтерры, эквиритмическим 5-голосием – в канцоне Тибра.

Показателен фрагмент канцоны Кортонны «Prendi dunque il desio» («Прими мои пожелания»): поочередное вступление голосов и довольно длительные имитации создают почти осязаемую картину подношения даров. Формирование зрительной иллюзии обнаруживается в канцоне Ареццо, где на словах «o bella coppri'et gara» («o, прекрасная и редкостная пара») происходит выключение альта и баса, – в окружении плотного 4-голосия это звучание высокого и низкого голосов словно создает образ супругов.

Включение изобразительно-выразительных элементов музыкального языка, наряду с некоторыми особенностями композиции и фактуры, позволяет усматривать в канцонах черты раннего мадригала, исполняемого, однако, не камерной, но в концертной обстановке. Более того, в данном случае налицо концертная ситуация, усиленная театрализацией, отразившейся в музыкальной стилистике. Перед авторами свадебных канцон явно ставилась особая задача создания современной сценической музыки. На театрализацию здесь указывают немногочисленные, но довольно яркие примеры ощущения пространства, а именно эффекты приближения, появления персонажей, а также «событийная» насыщенность фактуры, проявившаяся в создании зрительно осязаемых картин посредством различных вариантов внутренней ансамблировки.

Список литературы

1. Apparato et feste nelle noze dello Illustrissimo Signor Duca di Firenze, & della Duchessa sua Consorte, con le sue Stanze, Madriali, Comedia, & Intermedij, in quelle recitati. Fiorenza: Benedetto Giunta, 1539. 171 p.

2. Minor A.C., Mitchell B. A Renaissance entertainment: festivities for the marriage of Cosimo I, Duke of Florence, in 1539. Columbia: University of Missouri Press, 1968. 373 p.
3. Osthoff W. Theatergesang und darstellende Musik in der italienischen Renaissance: 15. und 16.Jh. Tutzing: Hans Schneider, 1969. V.I-II. 376 s., 249 s.

СЕКЦИЯ №3.

КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ В КИНЕМАТОГРАФЕ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Новикова Д.К.

Северо-Кавказский федеральный университет, г.Ставрополь

В последнее время большое внимание уделяется сфере понятийных исследований, в частности – образным рассуждениям о научных фактах с точки зрения «примерных умозаключений», а не принятых ранее догм и научных доказательств. Иными словами, анализу подвергаются знания, которые не имеют под собой истинности или неопровержимых доказательств, а, наоборот, допускают существование множества противоречивых теорий и разноплановых мнений.

Концептология получила статус самостоятельного научного направления, которое оперирует концептуальными понятиями и апеллирует значительным количеством отдельных концептов, объединенных в концептосферы и концептуальные поля. Известно, что «языковое сознание членится на релевантные фрагменты осмысления действительности, которые имеют вербальное выражение и допускают этнокультурное, социокультурное и личностно-культурное измерение» [6, с. 6]. Каждый концепт может быть изучен и подвергнут анализу с разных сторон, при этом под концептом можно понимать практически любой объект и с ним связанные реалии, которые так или иначе определяют его. Ю.С. Степанов отмечал в связи с этим: «...концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры» [11, с. 47].

В основе каждого концепта лежит набор конкретных номинаций, «выбор которых не зависит от внешних условий, а является результатом случайных ассоциаций» [10, с. 155]. Языковая картина мира субъективно отражает мир [там же с.119]. Под картиной мира подразумевается целостная совокупность образов действительности в коллективном сознании, при этом концепты определяют специфику поведения конкретного народа.

Задача данной статьи – рассмотреть номинативное поле демонологической концептосферы с акцентом на такие ее ключевые компоненты, как вампиры, демоны, другие мифические существа. При рассмотрении ядерных компонентов выбранных ключевых номинаций были проанализированы не только литературные и литературоведческие источники (романы и энциклопедии), но использовались и кинематографические примеры. Материалом исследования послужил популярный американский сериал «Сверхъестественное» (Supernatural), который изобилует персонажами потустороннего мира [17]. Некоторые персонажи сериала ранее никогда не ассоциировались с «темными силами», вызывающими такую сильную эмоцию, как страх. «Органы чувств дают нам более богатую информацию о мире по сравнению с языком», а одно из самых сильных чувств, присущих человеческому существу является страх [10, с. 130].

Существует теория дифференциальных эмоций психолога К. Изарда, в которой страх отнесен к базовым эмоциям, то есть выступает врожденным эмоциональным процессом. Следовательно, страх порождает любопытство: появляется желание узнать о нем больше, чтобы быть готовым с ним справиться [4, с. 55]. Ничто не вызывает эту эмоцию настолько сильно, как столкновение с потусторонними силами, с чем-то необъяснимым, с сверхъестественным. Как известно, область мифологии и мифологические персонажи, (МП) – это существующие без реального объекта понятия, поэтому маркер «необъяснимое» всегда будет присущ им. Лексические единицы, например, мифологемы и демонологемы скрываются в основном придуманные персонажи – несуществующих героев и вредоносных существ, вызывающие неподдельный интерес и дающие широкий простор для полета фантазии.

Именно этим и объясняется популярность выбранного нами телесериала. Впервые «Сверхъестественное» появился на экранах США в 2005 году и до сих пор имеет обширную аудиторию и массу поклонников. Научный

интерес представляет, на наш взгляд, изучение концептуальных понятий этого фильма, так как в его основе лежит демонологическая составляющая, он изобилует лингвокультурными концептами, такими как: вампир vampire, дух spirit, демон Азазель demon Azazel, всадники Апокалипсиса Horsemen of the Apocalypse, Лилит Lilith, левиафаны the Leviathans, призрак vengeful ghost и т.п. На первый взгляд здесь все эти номинации однозначны и понятны. Однако, это обманчивое впечатление, так как в телесериале многие из этих персонажей представлены не в том свете, в котором мы привыкли их узнавать. Обратимся сначала к энциклопедическим словарям, которые содержат эти лексемы, истолковывая их значение и приводя этимологию.

Так, в энциклопедии С.А. Токарева «азазель» обозначено как слово еврейского происхождения (Azazel) и имеет прямое значение – демоническое существо [7, с. 34]. В «Септуагинте» оно переведено как «тот, кто должен быть отослан», что соответствует термину, которым пользуется Мишна (первый письменный текст, содержащий в себе основополагающие религиозные предписания ортодоксального иудаизма): «отсылаемый козёл» [13]. Ряд исследователей утверждает, что Азазель — это название скалы, с которой сбрасывали козла, отсылаемого в пустыню (Вавилонский Талмуд, Трактат Йома, лист 37). Одним из примеров употребления образа Азазеля, как прототипа литературного персонажа, является Аззелло — выдуманный персонаж романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», демон, член свиты Воланда. «Сбоку всех летел, блистая сталью доспехов, Аззелло... Исчез бесследно нелепый безобразный клык, и кривоглазие оказалось фальшивым. Оба глаза Аззелло были одинаковые, пустые и черные, а лицо белое и холодное. Теперь Аззелло летел в своем настоящем виде, как демон безводной пустыни, демон-убийца» [1, с.921]. В Библии лексема «азазель» употребляется только в контексте «козла отпущения», здесь можно проследить происхождение идентичного идиоматического выражения – козла отводили в пустыню в качестве жертвоприношения демону Аззелло, при этом козел олицетворял искупление всех грехов народа. Существует также и иное толкование этого термина. Очень давно Азазель появился как падший ангел в апокрифической «Книге Еноха» еще в 2 веке до н.э. Здесь, как утверждают исследователи, он предстал в виде «совратителя человечества, научившего мужчин войне, а женщин нанесению макияжа и вытравлению плода» [7, с. 41]. Считалось, что Азазель был изгнан с небес архангелом Рафаилом и после страшного Суда брошен в огонь. Имеется также упоминание о том, что от порочной связи этого ангела с земными женщинами появились на свет «исполины», поднявшие впоследствии мятеж против самого Бога.

На гравюрах изображение Азазеля весьма однозначно – из-за его непосредственной связи с козлом на голове присутствуют небольшие рожки, ноги в виде звериных лап когтями и обязательный атрибут – хвост, иногда в правой руке он держит трезубец, который символизирует преданность Азазеля самому сатане. В кинематографическом толковании Азазель не так однозначен, как в энциклопедических источниках. В телесериале «Сверхъестественное» - это черный дым, вселяющийся в тела людей, после чего у жертв начинали светиться желтым глаза. Его миссия на Земле – выпустить из Ада сатану, являющегося его отцом. Здесь возникает одно из противоречий Библиейским источникам – если Азазель в прошлом ангел, то какое отношение он может иметь к темному миру. Однако предательство Бога Азазелем может быть вызвано именно этим – родством с темным лордом. Отсутствие реального референта и истинности, основанной на мифологии и фольклористике, не может дать нам точного представления о том, каким конкретно образом Азазель связан как с дьяволом, так и с Богом. В сознании современного читателя и зрителя одно остается однозначным – концептуальное понятие «Азазель» сочетает в себе представление о потустороннем существе, представляющем опасность для человека.

Лексема «левиафан» впервые упоминается в Библии и восходит к еврейскому *liwyatan, lawa* («свертываться», «витья»). В мифологии – это морское животное в виде крокодила, скрещенного со змеей, «непостижимое божественное творение», созданное творцом задолго до архангелов и всего остального [7, с. 580]. Некоторыми исследователями образ левиафана сроднен с первоначальным хаосом, «враждебным богу-творцу и некогда им покоренным, ныне же пребывающем в состоянии сна, однако могущем быть разбуженным» [там же: с. 581]. Одно из самых развернутых описаний левиафана содержится в книге Иова: «нет столь отважного, который осмелился бы потревожить его, круг его зубов – ужас, от его чихания показывается свет, глаза у него – как ресницы зари, дыхание его раскаляет угли, из пасти выходит пламя... он царь над всеми сынами гордости» (Иов 2 – 26). В теле(кино)сериалах левиафаны присутствуют во множественном числе в виде сгустков энергии, которые вселяются в главного героя и провоцируют в нем видения от самого Люцифера – герой видит ад глазами сатаны и все, что происходит с самим дьяволом. Так, создатели «Сверхъестественного» избегают реального изображения этого монстра, наделяя его размытым образом.

Наиболее популярный в наше время персонаж из мифологии и фольклористики – вампир (от старославянского *vъpьrь*, и польского *wampirz*). Вампиром в низшей мифологии народов Европы считался мертвец, по ночам встающий из могилы или являющийся в облике летучей мыши, сосущий кровь у спящих людей, насылающий кошмары [15]. Очень подробно о нем написал Р.Х. Роббинс в своей «Энциклопедии колдовства и демонологии». Мы приведем только самые яркие описания этого монстра – получеловека,

полудемона: «его кожа была румяной и светлой, ногти длинными и злобно искривленными, рот еще сочился кровью от последнего ночного пиршества» [9, с. 72]. Автор утверждает, что само слово «вампир» венгерского происхождения, так же может иметь турецкий корень *uber* (ведьма), чему в испанском языке соответствует *bruja* (женщина - птица, сосущая кровь детей).

Существует две точки зрения, по мнению исследователя, на сущность вампира: первая – это демон, входящий в мертвое тело, и вторая – дух умершего, вернувшийся в его тело. Образ этого МП перекликается с реальными фактами – часто вампирами называют людей, которые черпают энергию у своих близких, намеренно с ними ссорясь и провоцируя конфликты, тем самым пополняют свою ауру и черпают из негативной энергетики жизненную силу. В Пуэрто-Рико в 1950-х годах вампирские особенности приписали реально существующему животному – чупакабре *chupacabras* (от испанского *chupar* «сосать» и *sabra* «козел»). В наше время в 2011 году в Ставропольском крае фермерами были обнаружены полностью обескровленные тушки кроликов, а местные СМИ (печатные и телевизионные) писали и показывали очевидцев – местных жителей, видевших странное животное, похожее на лысую собаку с длинными когтями и клыками [12].

В литературных источниках образ вампира встречается нередко. Известным примером могут служить персонажи романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», который многократно был экранизирован отечественным кинематографом, – Гелла и Варенуха. Именно они воплотили в себе некоторые яркие особенности кровопийц. Гелла описывалась следующим образом: «появилась в передней совершенно нагая девица – рыжая, с горящими фосфорическими глазами... Он почувствовал, что ладони эти еще холоднее, что они холодны ледяным холодом» [1, с. 726]. Варенуха же в свою очередь обладал бледно-зеленым цветом лица и не отбрасывал тени, кроме того от обоих «тянуло по полу гнилой малярийной сыростью» как от покойников. Так же автор подчеркивает еще одну отличительную особенность – отсутствие тени: «над спинкою на полу не было теневой головы Варенухи, ровно как под ножками не было ног администратора» [там же: с. 757-758]. Представляя себе этих героев, читатель, основываясь на своем личностном восприятии мифологических персонажей, может развить свою фантазию и воображение.

Среди современных ученых бытует мнение, что «вампиризм», или по-научному «порфирией», могут страдать некоторые люди – у них есть такие признаки, как невозможность воспроизведения организмом красных телец, что в свою очередь отражается на дефиците кислорода и железа в крови; в крови и тканях нарушается пигментный обмен, и под воздействием солнечного ультрафиолетового излучения или ультрафиолетовых лучей начинается распад гемоглобина, в процессе болезни деформируются сухожилия, что в крайних проявлениях приводит к скручиванию [16]. Все это заставляет больного прятаться от солнечного света, что согласно всем источникам является одним из основных признаков вампира. Ссылаясь на Р.Х. Роббинсон, нам также хотелось бы отметить, что существуют также психологические отклонения, связанные с симптомами «вампиризма» - некрофилия (совокупление с трупом), некрофагия (поедание мертвых тел) и некросадизм (повреждение трупов для полового удовлетворения) [9с.75]. Однако, широкое использование в литературных источниках и популярных киноработах эти нездоровые отклонения не получили.

В заключении хотелось бы обратить внимание на лексему «ангел», чье восприятие на первый взгляд, кажется однозначным. Известно, что христианская церковь на протяжении многих веков представляет его исключительно положительным божественным существом, приписывая ему непосредственную связь с богом и приносящим людям только добро. Лексикографические источники однозначно дают нам следующее значение: ангел – посланник бога, его служитель, исполнитель его воли, бестелесное божественное существо, иногда изображается крылатым отроком, юношей; существо духовное, одаренное разумом и волею; сверхъестественное [2; 3; 8].

Существуют также переносные значения словоформы «ангел»: добрый человек, великодушный, милый, ласковый, готовый на бескорыстные поступки, но для нашего исследования интересны исключительно значения, связанные с необъяснимыми явлениями. В рассматриваемом нами кинематографическом источнике персонаж, воплощающий образ ангела (Кастизель), несколько отклоняется от общепринятых норм: являясь ангельским существом, он обладает рядом сверхъестественных способностей, в том числе способностью убивать демонов одним прикосновением. В отличие от стереотипного представления ангела, Кастизель, в сериале «Сверхъестественное» не всегда помогает людям, он может, при необходимости даже убить невиновного. В библейских источниках никогда ангел не был представлен в таком виде – единственное исключение падшие ангелы, изгнанные из Рая за проступки.

Изображение мифологических и религиозных персонажей в письменных и кино- источниках может отличаться друг от друга. Одни авторы (народ, время, эпоха) стремились сделать акцент на их способностях, другие (авторы телефильма) концентрировали свое внимание на совершенно ином – брали за основу внешние атрибуты. Кинематограф воплощает визуальными образами посредством грима, компьютерной графики, игры

актёров, основываясь, как один из вариантов, на литературоведческих и культурологических источниках, изображая МП согласно индивидуально-авторскому замыслу и личностному восприятию режиссера. Писатели, скорее всего, также прорабатывают разные энциклопедические материалы и изобретают посредством художественного слова свои собственные персонажи нечистой силы. Однозначным остается один факт – все последующие интерпретации тех или иных МП основаны на общем преставлении: негативном влиянии на человека и обладанием необъяснимыми сверхспособностями. Каждый человек склонен делать свой выбор и решать, чему верить, а что подвергать сомнению; однако одно остается однозначным – с каждым новым витком в развитии человечества на передний план будут выдвигаться актуальные для той эпохи реалии и представление о них, которые не имеют и никогда не имели конкретного референта, будут искажаться и обрастать новыми догадками и подвергать сомнению ранее существующие предположения. Но мы считаем, что в каком бы виде не представляли перед нами МП, они всегда будут волновать умы людей разных наций и вызывать страх от неопределенности, неоднозначности и беспомощности человеческого существа перед сверхъестественным.

Список литературы

1. Булгаков, М.А. «Мой бедный, бедный мастер...»: Полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита» / Михаил Булгаков, под ред. В.И. Лосева; науч. ред. Б.В. Соколов. – М.: Вагриус, 2006. – 1006 с.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великоросского языка. – М.: Цитадель, 1998. – 4249 с.
3. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. – М.: Русский язык, 2000. [Режим доступа: <http://efremova.info/Angel-1421.html>]
4. Изард, К.И. Эмоции человека, М., 1980. С. 52-71.
5. Книга Иова. Ветхий Завет. [Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/bible/iov/>]
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: «Перемена», 2002. – 480с
7. Мифы народов мира. Энциклопедия под ред. С.А. Токарева. М.: Изд-во «Энциклопедия», 2008. – 1147 с.
8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка (совместно с Н.Ю. Шведовой). 22-е изд. 1992.[Режим доступа: <http://ozhegov.org/word>]
9. Роббинсон, Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. – М.: Локид, МИФ, 1996. – 562 с.; ил.
10. Серебренников, Б.А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977, 256 с.
11. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992с.
12. Ставрополье ТВ. Архив видеонюостей. «Чупакабра в регионе». [Режим доступа: http://www.stavropolye.tv/events/view/40328?sphrase_id=1947844]
13. Электронная энциклопедия Википедия: Мишна [Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%88%D0%BD%D0%B0>]
14. Электронная энциклопедия Википедия: Талмуд: [Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D0%BB%D0%BC%D1%83%D0%B4>]
15. Электронная энциклопедия Википедия: Вампиры. [Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B0%D0%BC%D0%BF%D0%B8%D1%80%D1%8B>]
16. Электронная энциклопедия Википедия: Порфирия. [Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D1%8C_%D0%93%D1%8E%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0]
17. Телесериал «Сверхъестественное» (Supernatural) /Сценарий Э. Крипке. США, – 2005. – 11 сезонов.

СЕКЦИЯ №4.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)

СЕКЦИЯ №5.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)

**СЕКЦИЯ №6.
ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)**

**СЕКЦИЯ №7.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)**

КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)

**СЕКЦИЯ №8.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)**

**ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА КАК ФАКТОРА КУЛЬТУРЫ В КОМПЕТЕНТНОСТНОМ ПОДХОДЕ
В КУРСЕ «КУЛЬТУРОЛОГИЯ»**

Дружинина И.А.

Казанский национальный исследовательский университет им. А.Н. Туполева–КАИ

Культура выражает себя через мир символических форм, важнейшим её фактором является языковая семантика, которая передаётся от человека к человеку, от поколения к поколению. Язык – система знаков, с помощью которых совершается человеческое общение, мышление и самовыражение. Это средство познания мира, создания, хранения, переработки и передачи информации.

Сегодня важны инновации изучения в передаче символики, смысла и значения языка как важнейшего фактора культуры.

На историческом пути, пройденном человечеством от древности до настоящего времени, зачастую соединялись прогрессивные и регрессивные явления – с одной стороны, приверженность к привычным формам жизни, и стремление к новому, желание перемен, с другой стороны, идеализация прошлого. В XXI веке сложность и противоречивость этого пути выявилась наиболее чётко. Сложные и масштабные ставятся проблемы существования человека, чем старше становится человечество, чем больше накапливается знаний в мире.

О важности образовательной тематики заявил Д. Ливанов в рамках Петербургского международного экономического форума в 2014 году: «Действительно фиксируем очень глубокие проблемы, и в нашем образовании, и в нашей науке. За последние 20 лет мы полностью утратили международную конкурентоспособность в этих сферах. Мы ее просто потеряли. В СССР была хорошая наука и хорошее высшее образование, но их уже нет. То, что мы имеем сегодня, это не соответствует даже минимальным требованиям». Без развития языковых и семантических умений и навыков невозможно поднять конкурентоспособность образования и науки в России.

В поисках разрешения проблем существования человека и человечества главную роль всегда играла культура. Именно с её помощью адаптировался человек к постоянно меняющимся условиям жизни. Культура в широком понимании помогала ему найти смысл и цель своей жизни, сохранить человеческое достоинство в человеке в любых условиях и различных ситуациях. Интересно, что этимологически сам термин «культура» в переводе с санскрита означает сакральное «поклонение свету». А в переводе с латинского языка означает «возделывание», «преобразование», и возникает в I веке до н.э. в отношении облагораживания земли. До нашего времени это этимологическое понимание сохраняется как корень в понятии «культивирование».

Слово «культура» – одно из наиболее употребительных сегодня, как в научном, так и в практическом обиходе. Не случайно в России 2014 год был объявлен годом культуры.

Мы часто используем это понятие, почти не задумываясь о его содержании. Между тем это одно из наиболее сложных понятий, используемых человеком, поскольку оно имеет множество смыслов. Различные аспекты развития культуры довольно давно привлекли внимание философов, историков, психологов, социологов, этнологов, археологов, лингвистов. Однако только в XX в. ученые осознавали потребность в специальном междисциплинарном исследовании культуры. Это и послужило основой для возникновения самостоятельной научной дисциплины о культуре, получившей название культурология. В ответ на потребность сконцентрировать и

систематизировать огромную и разнообразную информацию об истории разных народов, отношениях социальных и языковых групп, стилей поведения, мышления и искусства возникает в середине XX в. культурология как наука о культуре.

Длительное развитие других наук о человеке и накопление многочисленных фактов о его духовной жизни, накопление знаний в областях философии культуры, антропологии, этнологии, филологии, социологии, психологии способствовали выделению культурологии в самостоятельную область знания. Культурологическая наука и сегодня находится в процессе развития, ее содержание и структура постепенно обретают четкие научные границы. Как и в философии, исследования в ее рамках разноречивы, так как существует много методологических подходов к определению предмета этой науки. И в наше время достаточно широко распространена точка зрения, что своего предмета исследования у культурологии нет, он «растекается» по другим научным дисциплинам – лингвистике, истории, психологии, социологии, антропологии, искусствоведению и т.д. Только в одном из немногих пунктов, все, безусловно, согласны – объектом культурологии является культура. Само понятие также являющееся многоаспектным тоже изучается культурологией.

Споры вокруг предмета культурологии происходят на наших глазах, в борьбе различных мнений и точек зрения. Мы согласны с теми культурологами, которые считают, что все социальные и гуманитарные науки, в конечном счете, являются науками о культуре – «знанием о видах, формах и результатах человеческой деятельности». Важнейшей формой деятельности людей является филологическая.

Тема изучения языка в курсе «Культурология» как важнейшего фактора культуры определяется «Стратегией государственной национальной политики РФ, утвержденной в декабре 2012 года», в которой важна поддержка языков народов России и русского языка как государственного. Также эта тема актуальна в связи с постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 25.10.2013 №794 «Об утверждении государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014-2020 годы».

«Вопросы сохранения и развития языков, а также формирование и реализация языковой политики имеют важнейшее значение для гармонизации межнациональных отношений в стране, для ее культурного развития, для решения задач образования, воспитания, просвещения, укрепления единства многонационального российского народа», – отметили 19 мая 2015 года в Кремле на совещании, под руководством В.В. Путина.

Ситуация, когда сосуществуют разнородные, противоречивые установки и способы отношения к миру, может разрешиться двумя способами: культура и образование не сумеют выбраться из хаоса и неопределенности, что чревато апокалипсисом; или произойдет плавная адаптация друг к другу всех явлений, что обеспечит переход культуры к какому-то новому состоянию, означающему смену культурной парадигмы в XXI веке. Нам более вероятным и необходимым представляется второй вариант развития событий.

Формирование современного культурологического знания происходит по требованиям Федерального Государственного Образовательного стандарта на компетентностном уровне, который предусматривает: «Понимание значения гуманистических ценностей для сохранения и развития современной цивилизации; способностью к совершенствованию и развитию общества на принципах гуманизма, свободы и демократии».

Для повышения интереса к преподаваемому курсу используется такой интерактивный инновационный метод как выполнение студентами творческих заданий как непосредственно на занятиях, так и при выполнении домашних заданий.

Например, студентам даётся задание проанализировать свою личную культуру, культуру семьи, национальные и конфессиональные её факторы. Обращается внимание, что язык является одним из важнейших факторов культуры. Поэтому уважительное и бережное отношение к таким факторам культуры как язык, историческое наследие и культурные традиции помогает воспитывать «толерантное восприятие социальных и культурных различий».

Язык позволяет духовно и мысленно осваивать окружающий мир. Человек без слов, без имени вещей, изолирован от мира, он не развивается без речи. Речь человека, в отличие от животного, формулируется словами, которые оформляются в мысли.

Рассматриваемая тема языка и межнационального общения, имеет государственный характер сохранения культуры и повышение уровня изучения языков культуры в курсе «Культурология». Изучение и преподавание культурологии в технических вузах имеет существенные отличия от изучения и преподавания этого предмета в вузах гуманитарного профиля. Во-первых, количество часов в учебных планах очень мало, во-вторых, на многих факультетах и институтах дисциплина изучается студентами первокурсниками в первом семестре, который для них является адаптационным. Поэтому изучение темы «Символическая природа культуры, Языки и символы культуры» в курсе «Культурология» должно иметь инновационный характер. Форумы, блоги, Wiki-страницы –

неформальное общение со студентами, позволяющее более углубленно рассматривать интересующие их вопросы образования.

Такие важные компетентностные знания, навыки и умения как «Владение культурой мышления, способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения, стремление к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства» формируются в курсе «Культурология».

СУЩНОСТЬ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ СУБКУЛЬТУРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Сюзева Н.В.

ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г.Екатеринбург

Проблема коррупции имеет междисциплинарный характер, и меры противодействия ей предпринимаются различными институтами общества. Приходится констатировать, что интенционально коррупция допустима, приемлема в социуме, потому она так широко распространена, и обусловленность эта в значительной мере имеет культурогенный характер. Именно направленность, в частности, антикоррупционная или коррупционная обуславливают соответствующее поведение. Трудность же состоит в том, что у антикоррупционной направленности менее прочные культурно-исторические основания. Потому предупреждение и предотвращение коррупции не могут вестись в расчёте на автоматизм благоприятных последствий. Напротив, и борьба, и особенно предупреждение требуют целенаправленной, организованной активности, способной противостоять автоматически воспроизводящимся сформировавшейся культурой интенциям.

Практической задачей становится избавление носителей культуры, в тенденции – и её самой как над-, трансличного феномена – от стереотипа допустимости коррупции. И в её решении должна быть велика роль системы образования как специализированного социокультурного института, обеспечивающего и трансляцию, и трансформации культуры.

Отношение к коррупции формируется непосредственно в условиях актуальной локальной правовой культуры. Правовую культуру мы рассматриваем не как некую часть культуры, например, культуры образовательной организации, а как сфокусированную на правовых реалиях всю культуру данной организации. Правовая, нравственная, художественная, исследовательская и пр. выделяемые как некие специализированные виды культур неразрывны в рамках единой культуры, они – специализированные модификации одной и той же культуры в её единстве. Специфику, например, современной правовой культуры в отличие от правовой культуры русского общества начала XX в. нельзя адекватно понять в отрыве от состояния нравственной, художественной, исследовательской и пр. культуры соответствующей эпохи. В частности, в трактовке Л.Л. Степанова правовая культура входит в систему культуры как целого и опирается на культуру носителей правового сознания [4, С. 17]. В том же ключе рассматривает правовую культуру Я.В. Зубова, считая, что «правовая культура входит в систему «культура–право», а её разновидности являются подсистемами»[2, С. 201].

В структуре правовой культуры принято выделять правовой менталитет (традиции, стереотипы, обладающие национальной спецификой), правовое сознание (ценностное отношение к праву) и правовую социализацию (транслирование норм и ценностей) [3, С. 62]. Актуальное же состояние правовой культуры характеризуется правовым нигилизмом, стремлением действовать в обход формальных правил и норм, доминированием материальных ценностей над духовными, несформированностью ценностного отношения к праву, в связи с чем важным фактором в предупреждении коррупции, является своевременное воздействие на актуальное состояние правовой культуры личности с целью формирования альтернативной модели поведения и изменения ценностных доминант. В этой связи мы придерживаемся мнения П.С. Гуревича о том, что «очагом культурных нововведений» является субкультура [1, С. 26], которая одновременно отражает спецификацию одной и той же культуры в зависимости от особенностей ее носителей, хронотопа, иерархизации относительно друг друга доминирующих ценностей, принципов и идей. «Суб-» как «под-» – это и возможность обозначить нечто и как часть, и как преддверие. Вопросы сущности субкультуры и её места в структуре доминирующей культуры предметом неослабевающего интереса многих исследователей. Так, Т.Б. Щепанская определяет ее как «скрытые, неофициальные культурные пласты, подстилающие «дневную поверхность» господствующей культуры... Субкультура не представляет собою самостоятельного целого. Ее культурный код формируется в рамках более общей системы, определяющей основу данной цивилизации и целостность данного социума (ее мы и обозначаем словом «культура») [6, С. 26]. Как «способ выработки иных, альтернативных отдельным сегментам

доминантной культуры, идей, на основе которых и происходит дистанцирование» рассматривает субкультурную структуризацию А.Ю. Павлова [5, С. 14]. В этой связи мы под антикоррупционной субкультурой понимаем и часть правовой культуры, и такую ее часть, которая чревата серьезными трансформациями правовой, а значит и всей актуальной культуры в последовательно нелояльное к коррупции состояние.

Наиболее органичной для формирования и воспроизводства антикоррупционной субкультуры представляется ситуация образовательной организации, поскольку она одновременно и институализованная (потому управляемая), и ориентированная на освоение обучающимися лучшего в культурном наследии (разомкнута на лучшее), и относительно защищена от прямых воздействий со стороны внешних негативных субкультур (замкнута на лучшее). Поэтому культурологическое исследование антикоррупционной субкультуры именно образовательной организации позволяет понять её в достаточно «чистом» виде, репрезентативном в отношении антикоррупционной субкультуры иных организаций и, с известными оговорками, ограничениями и корректировками, в отношении общества в целом.

Носителями же антикоррупционной субкультуры могут стать обучающиеся образовательных организаций, поскольку молодежные субкультуры создают не просто что-то новое, а нередко меняют доминирующую, в том числе официальную культуру, активно влияют на нее, что являются и способом самореализации личности, утверждения персональной позиции, в том числе альтернативной общепринятой. Формирующаяся и воспроизводящаяся антикоррупционная субкультура образовательной организации может выступать способом трансформации актуальной системы ценностей и выработки альтернативных (антикоррупционных) стереотипов поведения.

Под антикоррупционной субкультурой образовательной организации мы понимаем относительно автономную подсистему правовой культуры образовательной организации, носители которой обладают антикоррупционным мировоззрением, право занимает в иерархии их ценностей высшее место, а сознательный и эмоциональный отказ от коррупции является результатом переосмысления культурных образцов поведения, заданных исторически сложившимися традициями и стереотипами. Антикоррупционная субкультура включает в себя антикоррупционное мировоззрение, прежде всего, убеждение в неприемлемости коррупции, социально-психологический протест относительно традиций подношения и лояльности к коррупции. Поведение носителей антикоррупционной субкультуры выражает их готовность сознательно и эмоционально (на уровне спонтанных поведенческих и знаковых реакций) отказываться от использования коррупционного поведения в ситуациях конфликта интересов в профессиональной деятельности и в быту.

Таким образом, реализацию национальной политики по противодействию коррупции возможно и необходимо осуществить не только государственно-административными, уголовно-правовыми, но и управленческими и педагогическими мерами на уровне отдельных (всех) образовательных организаций – путем целенаправленного формирования их антикоррупционной субкультуры. Значительных результатов в этой работе в стране пока не наблюдается, что требует своего теоретико-культурологического осмысления.

Список литературы

1. Гуревич П.С. Проблемы субкультуры в современной зарубежной культурологии.//Субкультурные объединения молодежи: Критический анализ: Препр. докл. Всесоюзной научной конференции «Культура и ее роль в активизации человеческого фактора». С. 24 – 31. – М.: 1987. С. 26.
2. Зубова Я.В. Правовое образование в развитии правовой культуры формирующегося гражданского общества в современной России: 22.00.06. Дисс...д.с.н./Я.В. Зубова. - Майкоп, 2010. 373с.
3. См., напр.: Сазанов О.В. Правовая культура России: проблема модернизации: дисс. ... кандидата фил. наук: 24.00.01.- Ростов-на-Дону, 2006.- 121 с.
4. Степанов Л.Л. Правовая культура в контексте культурологического анализа: Автореф. дисс. ... к.филос.н.: 24.00.01 / Степанов Леонид Леонидович; [Рост. гос. ун-т]. - Ростов н/Д: 2003. - 22 с.
5. Павлова А.Ю. Мировоззренческие основы субкультур в современной России: Автореф. дисс.... канд. культур. 24.00.01 / А.Ю. Павлова, 2012. Челябинск. 22с.
6. Щепанская Т.Б. Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. 45 с.

СЕКЦИЯ №9.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)

СЕКЦИЯ №10.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В СИСТЕМЕ ТЕКСТОВОЙ ЛОКАЛЬНОСТИ

Айрапетова Э.Г.

Пятигорский государственный лингвистический университет, г.Пятигорск

Логическая и содержательная структура любого текста, в том числе и художественного, определяется такими универсальными категориями, как пространство и время, которые в своем существовании и взаимодействии составляют понятие континуума. В рамках данной статьи мы исследуем роль художественного пространства, его основные характеристики и средства его реализации в тексте. Глубокое обоснование связи времени и пространства было дано М.М. Бахтиным, который утверждал необходимость «видеть время, читать время в пространственном целом мира», а также «воспринимать наполнение пространства... как становящееся целое, как событие» [Бахтин, 1979].

Наиболее систематическое описание пространственной организации художественного текста было проведено Р.О. Якобсоном. Ученый отмечал, что «все пласты высказывания... образуют сложившуюся конструкцию, основанную на симметриях, нарастаниях, противопоставлениях, параллелизмах и т.п., которые в совокупности складываются в настоящую пространственную структуру» [Якобсон, 1975]. Вопросы, связанные с исследованием пространственной организации текста, получают решения и в работах В.Н. Топорова (1983), Н.А. Николиной (2003), А.Ф. Петренко (2011), О.Б. Костылевой (2011) и других.

Принято различать несколько видов пространственного континуума:

- объективное пространство, предполагающее отражение реальности через мироощущение субъекта;
- концептуальное пространство, которое отражает явления, не имеющие объективной природы локальности, но передает концепцию автора;
- психологическое пространство, которое также отражает явления, не имеющие объективной природы локальности, однако наполняется психологической мотивацией;
- социальное пространство передает явления вне объективности и связано с процессами общественного характера;
- художественное пространство присуще исключительно тексту художественной литературы и является той формой эстетической реальности, которая создается автором.

Художественное пространство преломляется сквозь призму метавосприятия писателя. Примером может служить произведение В. Пелевина «Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда» (ДПП/NN). Здесь уже само название выполняет функцию определения структуры пространства.

В каждом конкретном художественном тексте могут оказываться наиболее рекуррентными не все свойства пространства, а некоторые из них или даже одно. Например, в романе А. Белого «Петербург» городское пространство, что обозначено уже в заглавии, претерпевает «геометризацию» образов, связанных с конкретными геометрическими объектами, такими как куб, параллелепипед, квадрат, линия и т.п.: «...и ему захотелось... чтобы сеть параллельных проспектов, пересеченная сетью проспектов, в мировые бы ширилась бездны плоскостями квадратов и кубов: по квадрату на обывателя...».

К средствам передачи локальных отношений в тексте относятся синтаксические конструкции с

пространственным значением (например, «по ту сторону озера», «около избы» и т.п.), бытийные предложения повествовательного характера (например: «Он вступил в широкие сени, откуда подул холодом, как из погребца». Н.В. Гоголь), предложно-падежные сочетания со значением местонахождения (например, «на море», «в горах» и т.п.), глаголы, обозначающие положение во времени и пространстве или движение (например, «идти», «бежать», «стоять», «лежать» и т.п.), пространственные наречия (например, «здесь», «туда», «всюду», «везде» и т.п.), топонимы (например, «Петербург» А. Белого, «Стихи о Москве» М. Цветаевой и т.п.).

Семантическое поле художественной локальности многомерно и включает в себя пространственные границы (предел, край, грань), координаты пространства (низ, верх, бок, центр, периферия, правый, левый), расстояние (длина, близко, далеко), ограниченное место (улица, проспект, дорога), нахождение и движение в пространстве (идти, лететь, стоять, лежать), изменение положения или направления в пространстве (взлететь, вставать, падать) и некоторые другие. Приведем примеры из стихотворения М. Цветаевой «Рас-стояние: версты, мили», в котором пространственную структуру текста составляют почти все названные нами элементы: «рас-стояние», «версты», «мили», «дали», «рас-ставили», «рас-садили», «расклеили», «распаяли», «развели», «рассорили», «расслоили», «расселили», «не расстроили», «растеряли», «рассовали», «разбили», «по двум разным концам земли», «по трупам земных широт».

Также яркой иллюстрацией изменения художественного пространства является отрывок из рассказа Л.Н. Андреева «Полет», в котором последний момент жизни главного героя, Юрия Пушкарева, становится его бешеным полетом в небо и стремительным падением на землю: «Я иду выше... Волнуется моя душа, стремится из тела, стремится к горнему и дальнему полету – я иду выше и без конца... То, что, крутясь, низверглось с высоты и тяжестью раздробленных костей и мяса вдавилось в землю, уже не было ни он, ни человек – никто».

Художественное пространство, как правило, более точно, чем художественное время. Нередко в тексте даются реальные географические названия места действия. Однако даже при условии, что топонимы называют конкретное место, художественное пространство остается явлением условным, поскольку способно легко сжиматься и расширяться. Иначе говоря, трехмерность реального восприятия мира может переходить в многомерность или всего лишь в точку. Так, например, в стихотворении О.Э. Мандельштама «Наушнички, наушнички мои!» лирический герой говорит на «языке пространства, сжатого до точки», или же в романе А. Белого «Петербург» Невский Проспект «состоит из пространства для циркуляции публики; нумерованные дома ограничивают его», а сам город, обозначенный на карте «в виде двух друг в друге сидящих кружков с черной точкою в центре», которая не имеет измерения, заявляет о том, что он существует. В то время как в отрывке из стихотворения М. Цветаевой «Семь холмов – как семь колоколов» художественное пространство Москвы значительно расширяется:

Семь холмов – как семь колоколов,
На семи колоколах – колокольни.
Всех счетом: сорок сороков, –
Колокольное семихолмие!

Пространственная реалья нередко становится весомым, а порой и единственным основанием для создания художественного образа. Можно назвать здесь образ окна, который в нашем сознании ассоциативно связан с одиночеством, тоской, печалью. Приведем три примера из произведений, написанных в разное время, которые, однако, оказываются созвучными. В одном из стихотворений из цикла М.И. Цветаевой «Бессонница» лирическая героиня описывает окно, «где опять не спят», где отражаются встречи и разлуки, где горят свечи, и все это не дает ей покоя, ее томит бессонница и печаль.

Другой пример из стихотворения И. Елагина. Герой, казалось бы, привык к чужой стороне и не испытывает ностальгии, но на самом деле он тоскует по родине, признавшись, что ему не хватает самого обыкновенного русского окна:

Оно мне вспоминается доньше,
Когда в душе становится темно, –
Окно с большим крестом посередине,
Вечернее горящее окно.

Наконец, в рассказе В. Астафьева «Окно» этот образ тоже ассоциируется в сознании читателя с безысходностью: «Ничто не наводит на меня такую пространственную печаль, ничто не повергает в такое чувство беспомощности, как одиноко светящееся окно...».

Исследование пространственного континуума, по мнению Н.А. Николиной, включает следующие этапы:

- определение пространственной позиции автора по отношению к его героям;
- выявление характера данной позиции в ее связи и взаимоотношении с временной составляющей, где функционируют такие понятия, как сверху-снизу, динамика-статика и т.д.;

- описание основных локальных характеристик художественного текста (установление места действия, возможность его изменения, перемещение персонажа, тип пространства и т.д.);
- анализ основных пространственных образов художественного текста;
- характеристика речевых средств, создающих художественное пространство текста [Николина, 2003].

Кроме того, анализ пространственной структуры художественного текста может включать такие элементы текста, как его графические формы: скобки, фигурные стихи, характер расположения слов в строке или в строфе, названия на полях и т.д.

Подводя итог, подчеркнем, что художественное пространство является необходимым и предельно важным элементом художественного текста, его структуры и системы образов.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Костылева О.Б., Петренко А.Ф. Художественный мир прозы Ореста Сомова. Пятигорск, 2011.
3. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М., 2003.
4. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семиотика и структура. М., 1973.
5. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Структурализм: «за» и «против». Сборник статей. М., 1975.

«СТРАННИЧЕСТВО» КАК ТИП МИРОПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПОЭМЕ Н.А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Павленко И.В.

Армавирская государственная педагогическая академия, г.Армавир

«Странничество» стало своего рода символом всего развития России. Оно сделалось необходимой принадлежностью социальной, культурной жизни русского общества, во многом определило смысл и стиль этой жизни, легло в основу художественного образа XIX века. Для русской почвенной культуры характерно ощущение безграничного пространства. Русские странники скитаются отнюдь не от скуки или ради того, чтобы повидать диковинные места, дорога для них – это поиск истины, сути, поиск смысла жизни. Для них вся жизнь становится паломничеством, посещением святынь, поисками в пространстве Бога. Интересно, что странник не обретает Бога, а постоянно ищет его. В этом духовном развитии, думается, и состоит высокая религия. Посредством «странничества» разрешается конфликт между законами жизни и свободолюбивой душой человека, ибо вера – свобода, духовность свободы. А «свобода и «странник» - понятия неразделимые. Вечное «странничество», как утверждает С.Л. Франк, - «единственное человеческое дело...», которое «...только в том и состоит, чтобы вне всяких частных, земных дел искать и найти смысл жизни» [7, с.14].

Н.А.Бердяев считал «странничество» важным элементом русского мировоззрения, самосознания: «Россия – страна безграничной свободы духа, страна странничества и исканий Божьей правды... Русский человек с большой легкостью духа уходит от всякой нормированной жизни. Тип странника характерен для России и так прекрасен. Странник – самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет приземистости. Странник свободен от «мира» и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника. Русский тип странника нашел в себе выражение не только в народной жизни, но и жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции. И здесь мы знаем странников, свободных духом, ни к чему не прикрепленных, вечных путников, ищущих невидимого града...

Русской душе не сидится на месте, это не местная душа. В России, в душе народа есть какое-то бесконечное искание, искание незримого дома. Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами» [1, с. 17-18]. В этой цитате указаны истоки «странничества», которые нужно искать в особенностях русского мировоззрения, самосознания, в ней содержится намек на устоявшийся мотив «странничества» в русской литературе, ставший традицией...которая особенно активно проявилась в XIX веке. Прямо с «корабля на бал» попадает в фамусовский дом герой Грибоедова Александр Андреевич Чацкий, в странствия отправляется герой Пушкина Евгений Онегин, не слезает с коня лермонтовский Печорин, колесит по российским просторам неутомимый Павел Иванович Чичиков Гоголя, неустанен в своих исканиях «очарованный странник» Лескова Иван Северьяныч Флягин, по дороге в поисках «счастливого» бредут и некрасовские странники.

В те годы, когда Н.А. Некрасов писал самое главное свое произведение, поэму «Кому на Руси жить хорошо», появилась новая, демократическая интеллигенция, внимательно изучавшая крестьянскую жизнь. Они странствовали по деревням, собирали народные песни, сказки, пословицы, поговорки (Е.В.Барсов, С.В.Максимов, П.Н.Рыбников П.В.Шеин, П.И.Якушкин, и другие). Само слово «странники», как и само явление, вызывало интерес современников Некрасова, имело различные толкования. В.И.Даль усматривал несколько значений слово «странник», и в их числе:

1) «путник, путешественник»;

2) «обрекшийся на тунеядное странничество под предлогом богомолья; скиталец, бездомный проходимец» [2, с. 335-336].

Розанова Л.А. приводит документальные факты из статьи Л. Трефолева «Странники» о странничестве на Руси в некрасовский период: «Странниками», или «бегунами», называлась активно действовавшая в 50-х годах, особенно на территории Ярославской и частично Костромской и Владимирской губерний, раскольничья секта. При общей расплывчатости, неясности религиозной и общественной программы члены секты стояли на том, что «надо бегать, душеньку спасать» [6, с. 253]. Вполне вероятно, что Н.А. Некрасов знал о деятельности «бегунов», когда изучал материал, работая над поэмой «Кому на Руси жить хорошо».

Интересно узнать, кого сам автор называет странниками и богомольцами?

Бездомного, безродного

Немало попадает

Народу на Руси,

Не жнут, не сеют - кормятся

Из той же общей житницы,

Что кормит мышку малую

И воинство несметное:

Оседлого крестьянина

Горбом ее зовут [5, с. 208].

К странникам и богомольцам автор относит и тех попрошайек, нищих, которые кормятся трудом народа. Это подкрепляется конкретными примерами. Странницы-воровки, выманивающий пряжу паломник, становящиеся ключниками и домоправителями «мастера великие подлаживаться к барыням» [5, с. 209], - все они представляли одну категорию типов «бродячей Руси».

Странниками становились и оседлые крестьяне, их поднимал с места голод. В своих очерках С.В. Максимов указывал, например, что в Пензенской губернии целые селения и деревни уходили на «нищеводный промысел» [4, с. 43]. По его наблюдению, всю Русь «вдоль и поперек бороздит «бесчисленное и несоследимое сонмище» [4, с. 68] неимущих лиц:

Пускай народу ведомо,

Что целые селения

На попрошайство осенью,

Как на доходный промысел

Идут: в народной совести

Уставилось решение,

Что больше тут злочастия,

Чем лжи...[5, с. 208].

Н.А. Некрасов обращается к странникам с призывом, выраженным в категоричной форме:

Стучись же, гость неведомый!

Кто б ни был ты, уверенно

В калитку деревенскую

Стучись! [5, с. 211].

И сразу мы узнаем о душевных качествах коренного крестьянина: он не подозрителен. Интересна картина взаимоотношения странника и крестьянской семьи. Нужно заметить, что основу ее составляет нечто иное, нежели в исследованиях этнографов. В книге С.В.Максимова описан, например, «ритуал» встречи странника в крестьянской семье. Почти на две страницы развернуто описание того, как накрывают на стол, как хозяйка приглашает к столу и так далее. У Н.А. Некрасова это сжато буквально до нескольких строк. Но то, что для С.В. Максимова существовало как деталь: «Вот, батюшка-странничек, покушай горяченького, да сказывай, что видел, что слышал. Больно мы странных захожих людей любим: живем в лесу, молимся пню» [4, с. 36], для автора поэмы оказалось самым важным – это-то и составило основу картины взаимоотношений странника и крестьянской семьи. Цель «странничества», по Некрасову, - в просвещении народа. Искренняя

заинтересованность, любопытство, волнение, с которым и стар и млад слушают рассказы, дают основания для весьма важного обобщения:

.....ни работою,
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь [5, с. 213].

Странники оказываются, по Н.А. Некрасову, для оседлых крестьян источником сведений о мире. Своими рассказами они касаются самых сокровенных струн русской души. Они привносят в крестьянское сознание то возбуждение, которое приоткрывает скрытые в народе силы. В отношении к услышанному раскрываются самые существенные черты «души народа русского»:

Услышишь шепот ужаса,
Увидишь ряд испуганных,
Слезами полных глаз!
Пришла минута страшная –
И у самой хозяйюшки
Веретено пузатое
Скатилося с колен... [5, с. 212].

Поэт показывает Русь, охваченную движением духовного порядка. Н.С. Лесков сделал такое наблюдение: «Как долго у русского человека подготавливается ... процесс потери терпения и зато как неотразимо его развитие после расчина» [3, с. 413]. В некрасовских «странниках и богомольцах» отражена та стадия народной жизни, когда «расчин» уже произошел, пример чему - история старообрядца Крапивникова и легенда «О двух великих грешниках»:

Чуден ему и памятен
Старообряд Кропильников,
Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.
Пришел в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовет в леса дремучие
Спасаться [5, с. 210].

Старообряд, старообрядец – человек, придерживающийся старой веры. Странник призывает русский народ к нравственному очищению через веру, через путь к Богу, через преодоление безбожия. Ведь русский человек по сути своей - православный человек, религиозный. Религия рождается как ориентация в жизни, как желание жить лучше. Без религии, без веры русский человек живет в душевном разброде, несчастливо. Для некрасовского героя вера в Бога - духовная опора во враждебном мире, это святость, это терпение, это милосердие.

В изображении «бродячей Руси» Некрасов стремился к полноте и многогранности воспроизведения явления, к определению его места во всем ходе жизни. Нельзя согласиться с мнением И. Шаморикова, что в поэме «Кому на Руси жить хорошо» «выведена целая сатирическая галерея ... «божьих» людей», что «в одном ряду с юродивыми идут у Некрасова «странники и богомольцы» [8, с. 128].

Господу богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим [5, с. 214].

Так начинается завершающая главу легенда «О двух великих грешниках», напоминающая по своей общей форме духовный стих, то есть нравоучительное фольклорное произведение религиозного содержания. Чаще всего в духовных стихах сообщалось о прегрешениях и раскаянии, о благочестивой жизни, страшном суде и так далее. Легенда рассказывается странником Ионой Ляпушкиным, вследствие этого в речи рассказчика много таких словосочетаний, как «господь бог», «честные христиане», «прегрешения отмаливать», «божий промысел» и так далее.

Ни в одном фольклорном источнике, где упоминалась эта легенда, не показывались переживания Кудеяра и его отшельническая жизнь. Некрасовский же Кудеяр, изменив образ жизни, делает все, что, согласно

христианскому учению, считалось самым верным и даже единственным путем спасения грешника – и молитвы, и покаяние, и странствия, и даже путешествия к гробу господню.

«Странничество» героев поэмы помогло осуществить Н.А. Некрасову смотр русской жизни, основных ее процессов и типов. Герои-странники оказываются для крестьян источником сведений о мире. Сила народа русского в неистребимом стремлении к правде. Интересно отметить, что хождение странников по русской земле у Н.А. Некрасова совсем не сводится к упованиям на победу правды, как это было в народных сказках. Писателю гораздо важнее сам взбудораженный народ, его думы, его вопрос о том, где счастье. Он приходит к выводу, что народный идеал счастья предполагает человеколюбие, сострадание, братство, добро, честь, правду и свободу. Странники призывают народ к нравственному очищению через веру, через путь к Богу, через преодоление безбожия. Для некрасовского героя вера в Бога – духовная опора во враждебном мире, это святость, это терпение, это милосердие.

Таким образом, «странничество» – особый тип мироповедения, обусловленный мировоззрением русского человека, которому не сидится на месте, в душе которого есть какое-то бесконечное искание. И как выражение этого русского сознания выступает в художественной литературе странник, в котором присутствует мечта, искра Божия. «Русская душа, - писал Н.А.Бердяев, - сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни. Она вечно печалует о горе и страдании для всего мира, и мука ее не знает утolenия. Душа эта поглощена решением конечных, проклятых вопросов о смысле жизни. Есть мятежность, непокорность в русской душе, неутомимость и неудовлетворимость ничем временным, относительным и условным...

Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей...» [1, с. 19].

Именно поэтому к образу скитальца обращались, обращаются сейчас и будут обращаться русские писатели и поэты, ибо странник – фигура, которой можно передоверить часть своих мечтаний, сделать выразителем заповедных дум и чаяний всего народа.

Список литературы

1. Бердяев Н. Судьба России. – М.: Издательство МГУ, 1990. – 240 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1989.
3. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 2. – М.: Правда, 1989. – 416 с.
4. Максимов С.В. Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. 5. – М.: Советская Россия, 1981. – 560 с.
5. Некрасов Н.А. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 3. – М.: Правда, 1979. – 415 с.
6. Розанова Л.А. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Комментарий. – Л.: Просвещение, 1970. – 319 с.
7. Франк С.Л. Смысл жизни. – М.: Правда, 1990. – С. 607.
8. Шамориков И. Антирелигиозные мотивы в лирике Некрасова. – М.: Просвещение, 1963. – 354 с.

СЕКЦИЯ №11.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)

СЕКЦИЯ №12.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)

РЕАЛИЗАЦИЯ КАНОНИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ КЛАССИЧЕСКОГО ЭПОСА В ПОЭМЕ «ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ» (К ВОПРОСУ О ПРОДУКТИВНОСТИ ДРЕВНИХ ПЕРВИЧНЫХ ЖАНРОВ)

Пустоветова А.О., Манжелевская Е.В.

Южный федеральный университет, г.Ростов-на-Дону

В данной статье мы проанализируем художественный эпос «Гайавата» на предмет реализации в нем канонических признаков древнего первичного (классического) эпоса. Под классическим эпосом подразумевается одна из первых литературных форм, возникшая задолго до нашей эры (например, шумерский эпос «Гильгамеш» датируется 22-м веком до н.э.) и обладающая набором канонических признаков, которые обуславливают ее своеобразие и делают отличной от других литературных форм. К таким каноническим признакам относятся: 1) мощный и могущественный герой (часто полубожественного происхождения); 2) действие охватывает обширные пространства; 3) дальние путешествия героя; 4) великие битвы; 5) присутствие потусторонних сил; 6) возвышенный стиль; 7) присутствует доля объективности (т.е. прототипы героя – реально существовавшие личности); 8) детальное описание и перечни воинов, кораблей, вооружения и т.п.; 9) аллитерация (Malcoln, Lapidge, 1977).

Анализ литературного эпоса «Песнь о Гайавате» показал, что его автор - американский писатель Генри Лонгфелло в 19 веке, спустя тысячи лет после появления первых эпических произведений, успешно актуализировал в своей поэме практически все аспекты древнего эпического канона. Рассмотрим эти аспекты.

Образ главного героя полностью соответствует эпическим стандартам. Он имеет мифологические и исторические прототипы (Osborn S., Osborn Ch., 1944). Исторический Гайавата жил в XVII в. в Северной Америке и стал одним из основателей лиги пяти ирокезских племен. Как и положено герою классического эпоса, Гайавата - легендарный полубожественный герой (родители - земная девушка Венона и мистический дух - Владыка Ветра Запада Мэджеквивис), также упомянуто, что он - внук звезды Нокомис. Вождь Гайавата обладал нечеловеческой силой и мощью, интеллектуально он тоже был гораздо выше своих соплеменников. Он являлся для индейских племен великим учителем, который научил индейские народы земледелию, искусству врачевания и другим жизненно важным премудростям. Своей нечеловеческой силой Гайавата расчистил от дремучего леса земли под пашни и был для своих подданных гарантом мира и благополучия. Гайавата выступил в роли пророка и учителя для своего народа. Гайавата несет мир и порядок индейским племенам, постоянно сражается со злом и защищает добро.

Место действия произведения характеризуется широкой географической протяженностью, о чем можно судить, опираясь на представленные в «Песни о Гайавате» названия территорий, владений, островов: край Понима, край Вабассо, страны Востока, долина Вайоминга, Острова Блаженных, царства Западного Ветра, песчаные холмы Нэго-Воджу и другие местности с характерными индейскими названиями. Этнографический охват произведения можно проанализировать, изучив названия племен, упомянутые в произведении: Чоктосы, Команчи, Шошоны, Омоги, Гуруны, Делавэры, Могоки, Оджибвеи и Дакоты.

Путешествия. В сюжете поэмы можно выделить 8 странствий. Все они предусматривают преодоление Гайаватой больших расстояний для достижения определенных, как правило, благородных целей.

Таблица 1

Цель	Местности (направление) и детали путешествия
1. Поиск отца и мести за смерть матери	Гайавата переплывает реки Эсконабо и Миссисипи, минует Степные Горы, степные страны и приходит к Скалистым Горам, где находится царство Западного ветра.
2. Очищение реки от коряг и мелей	Гайавата отправляется в путь со своим другом Квазиндом. Они плывут по реке Таквамино и очищают её от коряг и мелей.
3. Убийство злого волшебника	Гайавата спускает пирогу на воду и плывет всю ночь на запад, к жилищу злого чародея Меджисогвона, которое окружено змеями.

4. Сватовство	Гайавата отправляется в страну Дакотов, где он однажды встретил прекрасную Миннегагу. Гайавата кладет перед Миннегагой убитого им оленя и просит у отца Миннегаги ее руки. Миннегага соглашается последовать за Гайаватой, и они вместе возвращаются в земли Оджибве.
5. Обучение народов священному искусству врачевания	После смерти своего друга Чайбайабоса Гайавата от горя заболевает, и его исцеляют с помощью заклинаний и магических плясок. После этого Гайавата отправляется на Восток и на Запад, где поучает людей употреблению волшебных и целебных трав.
6. Погоня за По-Пок-Кивисом	Гайавата пускается в погоню за По-Пок-Кивисом по лесам, он пробирается через скалы и реки. Он ловит По-Пок-Кивиса, когда плотину прорывает, но его дух ускользает от Гайаваты и вскоре превращается в казарку. По-Пок-Кивис не справляется с ветром, падает на землю и пытается убежать, но Гайавата настигает его и превращает в орла.
7. Поиск пищи	Наступает зима, и приходит голод. Гайавата отправляется в печальные леса и чащи, где он долго бродит в тоске и тщетно пытается найти пищу. Миннегага умирает от голода, и, слыша ее зов, Гайавата возвращается в свой вигвам.
8. Гайавата выполнил свое предназначение и отправляется в царство вечной жизни	Гайавата принимает бледнолицых гостей и, когда они засыпают, он, простившись с Нокомис и со своим народом и завещая внимать мудрым наставлениям присланных из царства света гостей, уплывает в своей пироге на Закат, в Страну Понима, «к Островам Блаженных — в царство / Бесконечной, вечной жизни!»

Битвы. В поэме описано 6 сражений Гайаваты. Мы укажем его противников в этих битвах, причины битв и их результат.

Таблица 2

Противник	Причина	Битва и ее результат
1. Мэджеквис, отец Гайаваты, Ветер Запада	Гайавата желает отомстить своему отцу за гибель матери Вены	Гайавата начинает бой с Мэджеквисом и вынуждает его отступать. После трёхдневного сражения отец просит Гайавату прекратить бой. Мэджеквис бессмертен. Он призывает сына вернуться к своему народу, сделать все для его благополучия и обещает сделать его после смерти владыкой Северо-Западного ветра.
2. Мондамин появляется в ответ на молитвы Гайаваты	Гайавата постится и обращается к Гитчи Манито с молитвами о благе и счастье всех племён и народов	Три дня Гайавата борется с посланником Владыки Жизни. На третий день он побеждает Мондамина, хоронит его и затем не перестаёт навещать его могилу. Над могилой взошли побеги кукурузы, пищи, посланной людям Гитчи Манито.
3. «Мише-Нама, Царь всех рыб, осетр тяжёлый»	Гайавата строит пирогу и вместе с Квазиндом плывет по реке Таквамино, чтобы очистить её от коряг и мелей и сделать безопасной	В заливе Гитчи-Гюми Гайавата трижды забрасывает удочку, чтобы поймать Великого Осетра — Мише-Наму. Мише-Нама проглатывает пирогу вместе с Гайаватой, и тот, находясь в чреве рыбы, изо всех сил стискивает сердце огромного царя рыб, пока тот не погибает. Нокомис заготавливает жир осетра на зиму.
4. «Волшебник злобный Меджисогвон, Дух Богатства», Жемчужное Перо	Нокомис просит Гайавату одолеть Меджисогвона, который убил ее отца и который посылает недуги и лихорадки их народу.	Битва продолжается долго, но одолеть противника Гайавате удается только при помощи зеленого дятла Мэма, который сообщает ему о том, что уязвимое место Меджисогвона — темя. Гайавата пускает Меджисогвону в темя три стрелы, и тот умирает. Гайавата забирает богатства волшебника и делит их со своим народом.
5. Кагаги, Царь-	Кагаги и его стая	Гайавата покрывает посев сетями и ожидает воронов в

Ворон, с шайкой «черных мародеров»	хотят уничтожить посевы народы Гайаваты	закаде. Когда они прилетают, он ловит их в свои тенёта и беспощадно истребляет их. Он борется с Кагаги, но решает пощадить его и оставить в заложниках. Посев спасен, он приносит богатый урожай.
6.По-Пок-Кивис	Дерзкий красавец По-Пок-Кивис учит мужчин своего племени играть в кости и безжалостно их обыгрывает. Зная, что Гайавата отсутствует, По-Пок-Кивис разоряет его вигвам	Вернувшись домой, Гайавата пускается в погоню за По-Пок-Кивисом, а тот, убегая, оказывается на бобровой плотине. Гайавата появляется на плотине. Вода прорывает плотину, и бобры поспешно скрываются. Гайавате удаётся поймать По-Пок-Кивиса, но не убить. Дух По-Пок-Кивиса ускользает. Убегая от Гайаваты, По-Пок-Кивис превращается в казарку. Он не справляется с ветром и падает на землю, но снова бежит, и Гайавате удаётся справиться со своим врагом, только призвав на помощь молнию и гром.

В действие произведения вовлечены сверхъестественные силы.

- верховное божество индейцев–Гитчи Манито, Владыка Жизни, «сотворивший все народы», начертанный пальцем русла рек по долинам;
- Мэджеквис, Властелин Западного Ветра; Вебон, Властелин Восточного Ветра; Южный — Шавондази, Властелин Южного Ветра, Кабибонокке, Властелин Северного Ветра;
- злые духи, заключившие союз против Гайаваты и утопившие в водах реки его ближайшего друга-музыканта;
- привидения, явившиеся с островов Загробной Жизни в вигвам Гайаваты, чтобы наставить живущих.

Все произведение написано возвышенным стилем. Важно заметить, что в тексте используется большое количество слов, обозначающих индейские реалии. В произведении также использовано большое количество стилистических фигур, некоторые из них рассмотрены в таблице.

Таблица 3

Троп/Фигура	Пример оригинального текста	Пример перевода
Аллитерация – повтор согласного звука в начале близко расположенных слов или ударных слогов	I have given you <u>bear</u> and <u>bison</u> , I have given you <u>roe</u> and <u>reindeer</u> , I have given you <u>brant</u> and <u>beaver</u>	Дал медведя и бизона, //Дал оленя и косулю, //Дал бобра вам и казарку (в переводе аллитерация не соблюдена)
Звукоподражание	<u>Minne-wawa</u> !" said the Pinetrees, <u>Mudway-ushka</u> !" said the water	" <u>Минни-вава!</u> " - пели сосны, " <u>Мэдвэй-ошка!</u> " - пели волны.
Эпитеты	<u>Полжительные (о Гайавате):</u> Strong heart Fearless Noble wise and thoughtful gracious	сильный бесстрашный благородный мудрый и рассудительный милосердный
	<u>Отрицательные:</u> Heartless Mudjekeewis Wicked Magician cunning Pau-Puk-Keewis	коварный Мэджеквис злой волшебник хитрый По-Пок-Кивис
Сравнения	Like a living coal his heart was	И, как уголь, разгорелось //Гневом сердце Гайаваты

В произведении сохранена доля объективности. Как уже было отмечено выше, Гайавата имел реальный прототип, племя оджибве также существовало в действительности. Лонгфелло писал свое произведение, опираясь на работы этнографа Генри Роу Скулкрафта (Schoolcraft, 2012), что позволило ему воспроизвести быт индейцев как можно правдоподобней.

Итак, мы рассмотрели канонические признаки древнего эпоса, которые Генри Лонгфеллоу мастерски использовал в художественном эпосе «Гайавата». Это сам образ могущественного героя, пространные путешествия, великие битвы, сверхъестественные силы и особенный возвышенный, торжественный стиль.

Единственным важным отклонением от канона древнего эпоса можно считать тему любви, которая раскрыта в поэме. Гайавата сватается к прекрасной девушке Миннегаге из племени Дакотов и они счастливо живут вместе. Отметим, что в первичном древнем эпосе тема любви отсутствовала, потому что в те жестокие и дикие времена была попросту неактуальна. Акцент делался на самой фигуре героя-избавителя от зла и его великих деяниях. Использование темы любви - это дань новому времени, когда без темы любви уже не создавалось ни одно масштабное произведение, рассчитанное на успех у читателей. Еще один нюанс – дань эпохе романтизма: Гайавата – не только героический, но при этом и романтический персонаж, воплощающий идеал американских романтиков, их мечту о положительном герое-спасителе, который при этом наиболее полно слит с природой. Романтизированы отношения между Гайаватой и его женой Миннегагой, между Гайаватой и его друзьями. Гайавата объединяет в себе черты воина и поэта.

Как мы видим, Г. Лонгфелло успешно соединил в своем произведении канонические черты древнего эпоса с требованиями современной ему литературы. Отметим, что автор обратился к канону древнего эпоса с определенной идеологической целью. Дело в том, что высокоразвитая в свое время индейская цивилизация во времена Лонгфелло была в полном упадке. Этому упадку в большой степени способствовали белые европейцы, пришельцы на американском континенте. Начав заселять Америку, они повели себя не как гости, уважающие обычаи коренного населения, а как жестокие захватчики. Индейцев частично истребили, частично загнали в резервации – убогие огороженные территории. В результате уникальная древняя индейская культура оказалась на грани исчезновения. Своим Эпосом «Гайавата» Лонгфелло хотел обратить внимание своих современников – белых американцев – на варварски уничтожаемую индейскую культуру. Показывая благородные героические деяния, великие свершения индейцев под руководством великого вождя, Лонгфелло тем самым подчеркивал, что индейцы – не дикари, а древняя высокоразвитая цивилизация, достойная уважения и бережного сохранения.

В качестве вывода отметим, что анализ эпической поэмы «Песнь о Гайавате» показал продуктивность и удивительный потенциал жанра «эпос», заложенный в него в глубокой древности неизвестными народными гениями, выделившими основные аспекты человеческого бытия, которые, как показала литературная практика, остаются интересными для читателей, спустя века и даже тысячелетия: борьба и битвы, перемещения и путешествия и, конечно же, образ героя-спасителя, так необходимого угнетенным и страждущим. Обращение автора 19 века к древнему эпическому канону говорит о том, что древний жанр эпоса не исчез в ходе исторического развития литературы, но напротив, и по сей день является продуктивным, продолжает вдохновлять писателей и служить основой для создания современных грандиозных эпических произведений.

Список литературы

1. Osborn S., Osborn Ch. S. "Hiawatha" with its original Indian legends, compiled, with essays on its authentic background of Lake Superior country and Chippewa Indians. - The Jaques Cattell Press, 1944.
2. Schoolcraft H. R. Algc Researches, Comprising Inquiries Respecting the Mental Characteristics of the North American Indians, Vol. 2 of 2: Indian Tales and Legends. - New-York: Create Space Independent Publishing Platform, 2012. - 168 p.
3. Malcolin Godden Ed., Lapidge M. Old English Literature. – Cambridge, 1977.
4. Лонгфелло Г. У. Песнь о Гайавате. – Спб.: Лениздат, 2013. – 224 с.

ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА В РОМАНЕ Э. ЗОЛЯ «ТЕРЕЗА РАКЕН»

Григорьева В.И., Максимова М.В.

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г.Якутск

Предательство – обман доверия близкого человека, нарушение верности. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современной жизни люди часто сталкиваются с таким явлением как «предательство». Тема предательства активно фигурирует в художественных произведениях. Наиболее подробно эта тема рассмотрена в произведении Данте Алигьери «Божественная комедия», написанном в период с 1307 по 1321 годы. Несмотря на то, что поэма была написана в XIII веке, она затрагивает те грехи, которые

имеют место в нашем современном мире. В мире должно царить правосудие и если человек не был наказан при жизни законом, то его ожидает расплата в загробном мире.

Как нам известно, в католическом мире загробный мир состоит из ада, чистилища и рая. Рассмотрим подробнее место, куда попадают грешники. В поэме Данте разделит ад на 9 кругов: чем больше круг, тем суровее наказание. И такой поступок, как предательство поэт расположил в самом последнем круге ада. Он разделен на четыре пояса: предатели родных, предатели родины и единомышленников, предатели сотрапезников, предатели Благодетелей и учителей. Здесь, в 9 кругу покоятся те, кто предал доверившихся. Например, Иуда, предавший Христа, Марк Юний Брут, предавший Юлия Цезаря. В качестве наказания они вмерзли в лед, и будут испытывать вечные муки холодом. Они обречены на одиночество и пустоту.

В этой статье будет рассмотрено предательство со стороны главной героини романа Эмиля Золя, написанном в 1867 году, Терезы Ракен. Почему женщина предала близкого человека? Какое наказание она понесла? На эти вопросы можно найти ответы, проанализировав роман «Тереза Ракен».

Актуальность анализа произведения Э. Золя также обусловлена тем, что в 2015 году исполняется 175 лет со дня рождения писателя. И в этом же году отмечается 750-летие великого Данте Алигьери.

Эмиль Золя — французский писатель, политический деятель. Золя являлся представителем реализма второй половины XIX века, а также главой натуралистического движения. Он формулировал натуралистическую теорию в течение многих лет и опубликовал в предисловии к роману «Тереза Ракен». Золя охарактеризовал свой замысел: «В „Терезе Ракен“ я поставил перед собой задачу изучить не характеры, а темпераменты. В этом весь смысл книги. Я остановился на индивидуумах, которые всецело подвластны своим нервам и голосу крови, лишены способности свободно проявлять свою волю и каждый поступок которых обусловлен роковой властью их плоти». [1; 6] Современники восприняли роман «Тереза Ракен» как художественный манифест натурализма.

Тереза Ракен, рано оставшись без родителей, воспитывалась своей властной теткой, вышла замуж за своего двоюродного брата Камилла. Болезненный и эгоистичный Камилл никогда не нравился Терезе, и при первой же возможности она заводит бурный роман с одним из его друзей, Лораном, который обернулся трагедией. «Здесь верен каждый звук, здесь все дышит правдой: и чувства, и атмосфера, и монотонность повседневного существования, которое влчат супруги Ракен, и пламя, внезапно охватившее Терезу, когда Лоран появился в убогом жилище четы».[2]

Эмиль Золя преследовал научный интерес – изобразить людей, как носителей всех людских грехов. В романе изображена жестокая драма, чьи последствия описывает автор. «Низменные страсти», - вот что хотел отобразить Золя в романе «Тереза Ракен». Здесь наблюдаются такие грехи, как их изложил Данте в своей комедии: сладострастие (2 круг ада), жадность (4 круг ада), насилие над ближним (7 круг ада), обольщение (8 круг ада), предательство (9 круг ада).

Девятый круг ада в поэме Данте «Божественная комедия» - место для тех, кто совершил предательство. Здесь, самый главный «преступник» - падший ангел Люцифер. Данте ярко проиллюстрировал то, что ожидает грешников в 9 круге ада. Настолько ярко, что даже от мыслей очутиться там, становится страшно. Девятый круг ада – самое страшное место. При жизни те, кто попали сюда, совершили немыслимые поступки, которые, к сожалению, имеют место и в нашем современном мире.

Как выяснилось, когда человек совершает предательство, его душа попадает сразу в ад, несмотря на то, что плоть еще жива. В душу преступника вселяется бес и находится в нем до самой смерти человека.

«Здесь, в Толмее, так заведено,
Что часто души, раньше, чем сразила
Их Атропос, уже летят на дно». [4]

Вернемся к роману Э. Золя «Тереза Ракен». Почему Тереза предала Камилла, кузена, супруга? Тереза желала вырваться на свободу, стать свободной, счастливой. Мысль избавиться от Камилла пришла в первую очередь в голову Лорана. Одурманенный страстью, податливостью Терезы, он стал пленником сладострастия. Идя на поводу у любовника, Тереза приняла идею убийства супруга. Она была готова отказаться от всего, понести позор, объявив Лорана своим любовником, но осторожность последнего не позволила ей этого сделать. Таким образом, решение избавиться от Камилла было необходимым.

В день убийства Камилла семья Ракен и друг семьи Лоран отправились на прогулку. У Лорана появился план - утопить друга. Когда трое решили прокатиться в лодке по Сене, Лоран предупредил Терезу, что собирается сбросить Камилла за борт. Мысль о реальном убийстве взбудоражила женщину. Она побледнела и замешкалась, в ее душе шла борьба. И лишь тогда, когда супруг начал отпускать шуточки по поводу ее трусости, Тереза порывисто прыгнула в лодку. Когда лодка отплыла достаточно далеко от берега, Лоран сбросил Камилла в воду. Несчастный звал на помощь Терезу, но та разразилась рыданиями и бросилась на дно лодки. Психика женщины не выдержала. Она так и продолжала лежать там, пока Лоран избавлялся от препятствия на пути к их «счастью».

Можно сделать вывод, что Тереза была психически больна с самого детства. Она была вынуждена жить жизнью чужого человека, так как будучи здоровой девочкой, была привязана к кровати тетей, которая излишне волновалась за здоровье детей. Г-жа Ракен долгое время боролась за жизнь сына и отвоевала его у смерти.

Два месяца брака не принесли молодым «счастья», к которому они стремились. Брак принес им лишь нестерпимые страдания. Если раньше они любили друг друга животной страстной любовью, то сейчас в страхе быть разоблаченными, эта любовь переросла в физический ужас. Каждый из них знал, что убийство Камилла будет мучить их всю оставшуюся жизнь. Эта мысль приводила их в ужас и в отчаяние. Выводя друг друга на скандалы, упрекая, бранясь, Тереза и Лоран пытались облегчить свои страдания, но никто не хотел признавать, что их самое главное наказание за убийство – это их брак. Не выдержав мук совести, Тереза и Камилл выпили отравленную воду, чтобы покончить со своими мучениями.

Наказание Терезы заключалось в том, что у женщины наблюдалось сильнейшее психическое расстройство. Ей всюду мерещился Камилл, его призрак. Угрызения совести медленно доводили женщину до сумасшествия. Лоран держался достойно, но стоило ему остаться с Терезой наедине, как они оба ощущали присутствие покойного. Доходило вплоть до того, что они не касались друг друга, так как боялись коснуться Камилла. Через некоторое время Тереза узнала, что беременна от Лорана. Она посчитала, что это может быть ребенок покойного Камилла. Ей казалось, что внутри нее развивается разлагающийся утопленник. Она настолько боялась, что специально довела Лорана до бешенства и подставила под удар живот. У нее случился выкидыш, но это не принесло ей спокойствия. А ведь Тереза могла избежать этого, если бы остановила Лорана и предотвратила бы убийство невинного человека. Во время очередного скандала, Лоран назвал ее соучастницей преступления, на что Тереза ответила, что не она сбросила Камилла за борт, следовательно, она невиновна. Как сказала Тереза: «Ты не спас меня от меня самой, ты воспользовался моей слабостью, тебе доставляло удовольствие коверкать мою жизнь... Все это я тебе прощаю... Но, прошу тебя, не обвиняй меня в том, будто я убила Камилла. Оставь свое преступление при себе, не внушай мне этой ужасной мысли – с меня и так довольно».[1; 243] В современном мире существует статья в уголовном кодексе за соучастие: «Статья 35. Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)».[3] Наказание подсудимых зависит от тяжести преступления. Следовательно, Тереза Ракен была бы признана виновной, если бы преступление было бы совершено в XXI веке.

Образ Терезы Ракен находит свое отражение в образе Катерины Измайловой, героини повести Н. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». Обе героини произведений имеют сложную судьбу и делают сложный выбор. Однако вина Катерины была доказана земным судом, а вина Тереза будет доказана Божьим судом.

Роман Э. Золя «Тереза Ракен» учит нас одному очень важному уроку. Память человека – оружие для самоуничтожения. Знаменитый французский писатель и философ – моралист Франсуа VI де Ларошфуко сказал: «Мы легко забываем свои проступки, когда они известны лишь нам одним». [5] Только человек без совести сможет забыть то, что сделал. Проблема совести – проблема каждого человека. Совершив противозаконные действия, вы будете помнить их до конца своей жизни. Можно сказать, что совесть – это внутренний Бог каждого человека. Она регулирует его поведение, формирует личные ценности.

Разобрав девятый круг ада Данте, мы узнали, что как только человек совершает преступление, в его душе поселяется бес и душа «умирает», отправляется в ад. Страдания Терезы и Лорана вызваны именно бесами, поселившимися внутри них. Все время, прошедшее после убийства Камилла, Тереза и Лоран представляли собой «тела без душ». И, действительно, есть такое выражение как «продать душу дьяволу», что значит совершить Богопротивный поступок, нарушив одну из заповедей. «Трупы пролежали всю ночь на полу столовой, у ног г-жи Ракен, скрюченные, безобразные, освещенные желтоватым отсветом лампы. Почти двенадцать часов, вплоть до полудня, г-жа Ракен, неподвижная и немая, смотрела на них, уничтожая их своим тяжелым взглядом, и никак не могла насытиться этим зрелищем».[1; 285] Главные герои обрели утешение в смерти. Им хватило смелости осознать всю порочность своей жизни и покинуть мир, отправившись на суд Божий.

Список литературы

1. Тереза Ракен : [роман] / Эмиль Золя; пер. с фр. Е.А. Гунста – Москва: АСТ, 2014. – 285, [3] с. – (Зарубежная классика).- ISBN 978-5-17-083920-9
2. Труайя, А. Эмиль Золя [Текст]: Биографический роман/ Анри Труайя [Леон (Лев) Асланович Тарасов (1911-2007)]; перевод с французского Александры Николаевны Васильковой.- М.: Эксмо, 2005.- 444 с.- (Роман-биография «ЭКСМО»).
3. Уголовный кодекс (УК РФ), N 63-ФЗ от 13.06.1996
4. Антология литературы средних веков [электронное издание] / [сост.: М.В. Максимова, В. Мигалкина].- Якутск: Сахада, 2013.- ISBN 978-5-905228-08-7. Агентство СІР НБР

5. Франсуа VI де Ларошфуко. Максимумы и моральные размышления [электронное издание]; перевод с французского Эльги Львовны Фельдман-Линецкой, – М.: Наука, 1993. 21 с.

ТЕМЫ И ОБРАЗЫ В ТРИЛОГИИ АЙН РЭНД «АТЛАНТ РАСПРАВИЛ ПЛЕЧИ»

Иванникова Е.С.

Аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, факультета славянской филологии и журналистики, Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Айн Рэнд американская писательница российского происхождения. Родилась в Петербурге, школу закончила в Евпатории. В последствии ее семья, разорённая большевиками переезжает обратно в Петербург. Именно в Евпатории и сформировались ее взгляды на жизнь, которые впоследствии нашли свое отражение в ее романах.

Ее взгляды формировались под влиянием большевиков. В своих романах она описывает ненависть к слабым и отказ против любой помощи людям. У большевиков ненависть противопоставлялась солидарности трудящихся. В своих романах Айн Рэнд не упоминает о пользе солидарности и коллективизма, она призывает в своих произведениях отказаться от чувства сострадания и помощи к людям.

Целью данной статьи является рассмотрение тем и образов романа «Атлант расправил плечи».

В 1960-е гг. в московском театре «Современник» шла пьеса Чингиза Айтматова «Восхождение на Фудзияму». В ней рассказывалось, как в Японии, согласно обычаю, старых людей, после того, как они переставали «производить» (если воспользоваться любимым глаголом Рэнд), отводили на гору и оставляли умирать. В пьесе сын, несмотря на мольбы отца соблюсти обычай, отказывается это делать и возвращается с горы домой вместе с отцом. Знаменитая книга Норберта Элиаса «Процесс цивилизации» (1939) как раз и посвящена этому медленному движению человека от варварства и жестокости к «цивилизованному поведению», в которое никак не вписывается обращение героя «Атланта» Реардэна со своей матерью, как бы ужасна она ни была [8, с. 2].

В романе «Атлант расправил плечи» герои специально создают полную разруху. К примеру герой романа Рагнар Даннешильд регулярно взрывает корабли «грабителей» — Да какие там учения, — безразлично произнесла старая дева. — Все на побережье прекрасно знают, что это было. Береговая охрана опять гонялась за Рагнаром Даннешильдом. Он опять взрывает корабли.

— Рагнар Даннешильд — в заливе Делавэр?

— Да. И не в первый раз.

— Его поймали?

— Нет.

— Никто не может его поймать, — сказал один из мужчин.

— Народная Республика Норвегия объявила вознаграждение в миллион долларов за его голову.

— Не многовато ли за голову пирата?

— Но откуда же возьмется порядок и о какой безопасности в мире или планах на будущее можно говорить, если этот пират спокойно разгуливает по морям и океанам?

— А вы знаете, что он захватил прошлой ночью? — сказала старая дева. — Огромное судно с гуманитарной помощью, которую мы посылали Народной Республике Франция.

— А как он сбывает захваченные товары?

— Этого никто не знает [1, с. 75].

Еще один герой Франциско Данкония взрывает медные рудники мира.

Владельцы многих предприятий разрушили их перед тем, как бежать, назло властям. Во второй книге «Атлант расправил плечи» взрывы можно найти на каждой странице. По сравнению с этим, гражданская война в России выглядит вполне терпимо [8, с. 2].

Герои Рэнд — Рорк, Галт, Д'Анкония и Реардэн — безупречные рыцари в защите своих идеалов, как революционеры наподобие Власова у Горького, Левинсона у Фадеева и Корчагина у Островского. И у Рэнд, и у советских авторов им противостоят абсолютные негодяи, такие, как промышленник-предатель Хаггарт и злобный прислужник государства Феррис и Мауч [8, с. 3].

Тема смерти в романе является важной частью сознания героев. Каждый из них готов погибнуть за дело в любую минуту. Еще одна важная тема в романе любовные отношения. Тут она следует большевистскому

пониманию любви и идейности [8, с. 3]. Как рассуждает один из ее главных резонеров Франциско Д'Анкония: «Только обладание героиней дает чувство удовлетворения» [1, с. 77].

Дэгни Таггарт в романе любит троих мужчин, с которыми у нее глубокая идеологическая близость. Автор подчеркивает, что без идейного родства партнер вряд ли мог бы рассчитывать на сексуальный успех. Идейные мотивы героев романа «Атлант» делают невозможным возникновение ревности — буржуазного чувства, сурово осуждавшегося большевиками в 20-е гг. У Дэгни была восторженная любовь со всеми тремя главными героями романа, что не мешало им поддерживать добрые отношения [8, с. 4].

Советские писатели 20-х гг. ярко описывали роль идеологии в любовных отношениях между мужчиной и женщиной. К примеру, повесть Бориса Лавренева «Сорок первый», в которой девушка-красноармейка убивает любимого ею белого офицера. Любовь Яровая в одноименной пьесе Константина Тренёва без колебаний подчиняет любовь делу и предает мужа. Впоследствии любовь между людьми, преданными советской власти, стала центральной темой [8, с. 5].

Тема демократии и выборов практически отсутствует в романе. Главный герой «Атланта», Джон Голт, в своей заключительной речи откровенно заявляет, что нельзя поручать выбранным политикам решение задач, которые стоят перед индивидуумом. [8, с. 5]. Общественное мнение как демократический институт в романах Рэнд только высмеивается [8, с. 5]. Алиса Розенбаум наблюдала то же самое в Петрограде, когда большевики клялись в своей любви к народу и одновременно закрывали негодные им газеты и игнорировали то, что большинство думало об их власти. Беспощадны и большевики, и герои Рэнд к буржуазному суду. Суд над Рорком в феврале 1931 г., где его осудили за творчество и оригинальное строительство храма, является тому примером [8, с. 5].

Айн Рэнд призывает построить свое идеальное общество. Герои романа используют силу и забастовку для смены социальной системы. Президента Томпсона отстраняют от общения с народом насильственным путем. Джон Голт, главный герой романа произносит те же слова, что и матрос Железняк, изгнавший учредительное собрание в январе 1918 г. - «Мистер Томпсон сегодня не будет говорить с вами. Его время истекло» [8, с. 6].

Еще одна важная тема в романе – культ вождя, который она наблюдала в России [8, с. 6]. Герой Джон Голта это Ленин. Он более 12 лет прячется от полиции. Его имя стало легендой надеждой для страны. Когда же настало время, он по праву указал стране, как ей надо жить, в чем недостатки общества и как их надо исправить. Рэнд — индивидуалистка, но она требует от народа следовать предписаниям вождя, грозя хозяйственной катастрофой, опять буквально повторяя тезисы большевистской пропаганды [8, с. 6].

В заключении можно сказать что жизнь в Евпатории отложила большой отпечаток в сознании писательницы. В ее произведениях прослеживается взгляды, которые сформировались под влиянием большевизма, его идеологии и практики.

Список литературы

1. Айн Рэнд Атлант расправил плечи // пер.Ю.Соколов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 436 с.
2. Джваршейшвили Р.Г. Психологическая проблема художественного перевода. М.: Тбилиси, 1984.
3. Кустарев А. Айн Рэнд, комиссар индивидуализма. URL: http://www.sps.ru/?id=206905&cur_id=210785 (дата обращения: 10.02.2015).
4. Рэнд Э. Мы - живые // пер. Д.В. Костыгина, С.А. Костыгиной. – СПб. : Изд. отд. Ассоциации Бизнесменов Санкт-Петербурга «Призма-15», 1993.
5. Рэнд А. Романтический манифест: философия литературы. М.: Альпина Паблишер, 2011. – 199 с.
6. Хугаев И.С. К проблеме этнокультурной идентичности транслингвального текста (этнический субстрат литературного осетинского русскоязычия). М.: Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология», 2010. № 1. – С. 168-178.
7. Юзефович Н.Г. Субстрат «идеология коллективизма» в произведениях А. Рэнд. М.: Екатеринбург, 2012. № 4 (42) – С. 242-248
8. Шляпентох В. Айн Рэнд: ее марксистские и большевистские корни / В. Шляпентох – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 1-8.
9. Binswanger H. The Ayn Rand Lexicon. Objectivism from A to Z / H. Binswanger. N. Y.: Meridian Printing, 1988.

СЕКЦИЯ №13.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)

СЕКЦИЯ №14. ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)

СЕКЦИЯ №15. ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)

КРАСНАЯ АРМИЯ В ТУРЕЦКОЙ ПЕЧАТИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сыракая Севтап

Аспирантка, Анкарский университет, Анкара, Турецкая Республика / аспирантка, Казанский федеральный университет, г.Казань

Ежегодно в годовщину создания Красной армии в турецкой прессе появлялись материалы, отражавшие значение этого события, а также содержавшие речи ведущих государственных деятелей СССР. Так и в 1942 году в газете «Улус» была опубликована статья ее внешнеполитического обозревателя А.Ш. Эсмера, в которой отмечалось, что хотя вооруженные силы Советского Союза формально существуют немногим более двух десятков лет, они имеют гораздо более давние исторические корни: фактически, это армия Российской империи, 24 года назад преобразованная большевиками в Красную. При этом новая власть учла опыт Первой Мировой войны, когда русские войска оказалась в тяжелом положении из-за нехватки снаряжения, которое ввозилось из других стран, и сделала акцент на создании и развитии военной промышленности [6 с.3].

В газете «Ган» был опубликован ряд статей англичанина Сиднея Уэбба, который долгое время жил в СССР и наблюдал за происходящими там событиями. Одна из них была посвящена вооруженным силам. Автор писал, что в Советском Союзе армия является не только военным учреждением, но и гражданской школой. В библиотеках при воинских подразделениях насчитывается более двадцати миллионов книг, выпускаются различные журналы и газеты, а неграмотные красноармейцы обучаются чтению и письму. Кроме того, во время прохождения службы бойцы посещают уроки географии, истории, музыки, экономики, а также профессиональные курсы. Ежегодно около 500 тысяч военных, получивших образование таким образом, возвращаются в родные края и занимают важные посты в социальной и политической сферах. Таким образом, армия предоставляла образование советским гражданам и готовила административные ресурсы для регионов [13 с.3].

Согласно сведениям Уэбба, вооруженные силы СССР состояли исключительно из рабочих и крестьян, в них не было представителей дворянства и буржуазии. Военная служба была обязательной. Ее срок составлял два года в сухопутных силах, три года — в воздушных и пять лет — в морских. Самых здоровых и крепких мужчин отправляли в воинские подразделения, остальные же служили в милиции и иногда вызывались в армию на одну-две недели. Общий срок службы таких призывников составлял 8-10 месяцев в течение пяти лет. Уэбб сообщал, что молодые люди не пытались избежать военного призыва, наоборот, некоторые старались попасть в армию раньше положенного срока. Журналист считал, что это объяснялось отсутствием резкой субординации между офицерами и рядовыми в армии, а также ее положительным имиджем в глазах народа. Военному призыву подлежали мужчины младше 24 лет. Граждане от 24 до 40 лет считались военнообязанными и призывались на службу только в случае необходимости [13 с.3]¹.

Одна из редких в турецкой печати статей, посвященных советскому флоту, принадлежала перу сотрудника газеты «Улус» А. Даверу, моряку и депутату. В этой статье Давер прежде всего проанализировал сообщение, опубликованное стокгольмским корреспондентом агентства «Гавас». Журналист опровергал утверждение о том, «что советский флот в Черном море находится в отчаянном положении», и приводил сведения о военно-морских силах СССР. В статье говорилось, что в начале войны у Советского Союза имелись 2 броненосных крейсера, 5 тяжелых крейсеров и 3 легких, множество миноносцев, подводных лодок, торпедных катеров и вспомогательных

¹ Рабоче-Крестьянская Красная Армия, созданная для укрепления достижений Октябрьской революции, опиралась на милиционный принцип. Во время проведения реформ в период Первой мировой войны, а также гражданской войны, в советских вооруженных силах был проведен ряд преобразований. Первым из них стала обязательная для всех мужчин служба в Красной армии, которая была разделена на сухопутные, воздушные и морские силы. Срок обязательной службы составлял 2 года в наземных войсках, 3 года — в воздушном флоте и 5 лет — в морском флоте. Сам период службы делился на три этапа: 1 — допризывная подготовка, начиная с 19 лет и до призыва в армию, 2 — обязательная служба в армии, 3 — нахождение в запасе с 24 до 40 лет. [22 с. 66-68; 15; 18; 16; 19; 23]

судов. В середине 1942 года, по оценкам Германии, СССР располагал 1 тяжелым крейсером, 4 легкими крейсерами, 6 большими миноносцами, 11 малыми миноносцами, 38 подводными лодками, множеством торпедных катеров и канонерок². Несмотря на то, что черноморские порты Новороссийск и Туапсе находились под угрозой германского нападения, советский флот мог укрыться в портах Поти и Батуми. Вполне возможно, что СССР обладал гораздо большим числом крейсеров, миноносцев, подводных лодок, торпедных катерков и канонерок, но точное количество судов держалось в тайне [17 с.546-552]. Приводя эти данные, Давер отстаивал мнение, что положение черноморского советского флота было не так мрачно и безнадежно, как описывала Германия [5 с.2].

В своей статье, опубликованной в «Тан» под заголовком «Как осуществляется призыв граждан в Красную Армию и демобилизация?» Уэбб упоминает, что в СССР должность наркома по военным делам поочередно занимали Троцкий, Фрунзе и Ворошилов. Как сообщает автор, во время нахождения в этой должности Ворошилова существовал Народный комитет обороны, куда входили 900 тысяч граждан, проходящих обучение в воздушном и морском флоте [13 с.3]. Это ведомство позднее разделилось на две части. Нарком обороны имел своих представителей во всех государственных структурах³. Уэбб цитировал мнения экспертов, которые еще до войны утверждали, что советская армия со своими мехаризированными корпусами представляет собой одну из самых совершенных армий в мире [13 с.3]. Сразу после нападения Германии на СССР Сертель писал в своей колонке, что после войны 1914-1918 года Советы первыми поняли необходимость механизации армии и осуществили ее. Более того, в 1931 году Германия отправила в СССР военные отряды с поручением исследовать советскую систему механизации, и нацисты оснастили свои войска техникой, изготовленной по советским образцам [11 с.5]. В той же статье Сертель писал, что СССР впервые использовал парашюты в военных целях, а позднее все страны переняли опыт маневров с использованием парашютного полка, проведенных Красной Армией в 1935 году [11 с.5; 12 с.29]. В своей статье Уэбб утверждал, что боеспособность советского воздушного флота находилась на высоком уровне [13 с.3]. Говоря о «советском чуде», Сертель привел подтверждавшие его собственные наблюдения выводы американского корреспондента газеты «Чикаго Дэйли Ньюс», который неделю провел в Красной Армии. Согласно этим выводам, советская армия превосходила другие по использованию танков и самолетов [10 с.1-2].

Бывший посол США в Москве Джозеф А. Дэвис привел в своей статье, опубликованной в газете «Тан», слова германского генерала фон Кестриха, с которым он познакомился в Москве: «В целом, воинскому составу и техническому оснащению Красная Армия можно дать только превосходную оценку» [9 с.3]. Однако Дэвис полагал, что единственным слабым местом советской армии было снабжение ее техникой и боеприпасами – военная промышленность не производила их в достаточном количестве. Атай был солидарен с Дэвисом в том, что советская армия отставала от германской по числу самолетов, танков и артиллерийских орудий [2 с.1]. СССР надеялся, что страны антигитлеровской коалиции помогут ему восполнить этот недостаток [2 с.1; 9 с.3].

С другой стороны, в других сообщениях говорилось о численном превосходстве советской армии над противником. Когда началась война между Германией и СССР, Сертель писал, что СССР обладал бесчисленными людскими ресурсами, достаточными для ведения продолжительной войны [11 с.5]⁴, а Атай говорил, что, без всякого сомнения, число проходивших обучение военных в несколько раз превышало число сражавшихся на фронте [2 с.1].

В своей статье, опубликованной в середине войны, А. Ш. Эсмер утверждал, что СССР еще до начала войны вел подготовку к ней, успешно скрывая это, и два с половиной года противостояния вермахту демонстрируют высокий уровень этой подготовки. Журналист писал, что мировая общественность заговорила о «советском чуде», став свидетелями успехов СССР в войне с Германией. Несмотря на то, что главным элементом была, прежде всего, героическая Красная Армия, существовали и другие факторы, способствовавшие становлению этого «советского чуда» [10 с.1-2]. Прежде всего, это была заслуга советского народа, самоотверженно работавшего в тылу, как простых людей, так и руководителей разного уровня, которые с честью выполняли свой долг в это трудное для страны время. Следует отметить, что всякого рода ложные сообщения и антисоветская пропаганда, имевшие целью показать слабость СССР и разглагольствующие об отсутствии

² В этот период французское агентство «Тавас», после оккупации страны Германией ставшая рупором фашистской пропаганды, сообщало о потопленных немцами на Черном море советских кораблях и подводных лодках и об отчаянном положении советского флота. Зная об этом, Давер в своей публикации проанализировал статью корреспондента «Тавас» и выделил элементы, противоречия и ошибки такой пропаганды. Для информации по потопленным Германией советским миноносцам, подводным лодкам и крейсерам см.: [4 с.149-178] Для информации по потерям Германии и СССР во время войны см.: [17 с.556] Для подробной информации по советскому флоту см.: [14 с.105-109]

³ Созданная в 1920-е годы по милиционному принципу Красная Армия, состоявшая из 500 тысяч солдат, была реорганизована, а страна разделена на военные округа. В июне 1927 года в СССР насчитывалось 10 военных округов, а в 1941 году – 16. [21 с.37-62; 20 с.8]

⁴ Ф.Р. Атай утверждал, что население СССР было равно 200 миллионам. [1 с.1]. Юнус Нади, подобно Атаю и Сертелю, также говорил о многочисленности советского населения. [8 с.1].

дисциплины в Красной Армии, нехватке военного снаряжения и недовольстве народа большевистским режимом, внесла свой вклад в появление «советского чуда» [6 с.3].

Спустя около двадцати дней после начала войны в газете «Тан» появилась статья под заголовком «Какие военачальники управляют Красной Армией?» В ней рассказывалось о пяти советских маршалах, которых дала 1-ой Конная Армия, их опыте и стараниях усовершенствовать Красную Армию в соответствии с современными военными принципами. Первой в статье приводилась история жизни К.Е. Ворошилова, который с молодых лет боролся против царского режима, благодаря чему получил прозвище «орел революции». До 1940 он года был народным комиссаром, а также являлся близким другом Ленина и Сталина. В статье также рассказывалось о самом молодом маршале и наркоме обороны СССР – С.К. Тимошенко, который, несмотря на многочисленные ранения, всегда шел в первом ряду возглавляемых им войск. Одной из самых популярных личностей в СССР и Красной Армии был назван Семен Буденный, сыгравший важную роль в создании 1-ой Конной Армии и награжденный двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени и тремя орденами советских социалистических республик [7 с.3]. В статье также упоминались также Григорий Кулик, который внес большой вклад в создание советской артиллерии, и посвятивший сорок лет службе в армии, закалённый в боях маршал Борис Шапошников [7 с.3].

Несколько месяцев спустя после появления этой статьи в «Тан» газета «Улус» опубликовала статью лейтенанта Эдди Бауэра «Боевой состав войск, противостоящих друг другу на Восточном фронте» из швейцарской газете «La tribune de Geneve». В ней анализировалось германо-советское противостояние, а также упоминались отдельные советские военачальники. Эдди Бауэр утверждал, что отношения между Тимошенко и Шапошниковым испортились из-за чрезвычайно осторожности последнего [3 с.3]. Он также писал, что на место Тимошенко и Ворошилова пришел жесткий, решительный и непреклонный генерал Жуков, который, как считалось, командовал фронтом от Северного моря до Курска [3 с.3]. Бауэр также сообщал о дислокации войск вокруг Москвы и привел имена их командиров. По его сведениям, армия под руководством генерала Хоменко располагалась у Калинина, под руководством генерала Говорова – у Волоколамска, под руководством генерала Голубева – у Можайска, под руководством генерала Болдина – у Малоярославца, под руководством генерала Захаркина – у Серпухова и под руководством генерала Конева в Туле⁵. В британских и американских источниках также сообщалось о формировании двух новых армий под предводительством маршалов Ворошилова и Буденного. Эти войска должны были защищать Кубань и Кавказ от германского вторжения и оборонять линию Волги в случае прорыва Московской линии обороны [3 с.3].

Список литературы

1. Atay F.R. Almanya ile Sovyetler Birliği Arasında Harp // Ulus. 1941 23 Haziran.
2. Atay F.R. Kızılyıldız'ın Bir İması // Ulus. 1941. 1 Eylül.
3. Bir İsviçre Gazetesinin Askeri Yazarı Cephedeki Durumu Nasıl Görüyor! // Ulus. 1941. 19 Kasım.
4. Breyer S. German Navy Vol.2 The German navy at War 1939-1945. West Chester: Schiffer Publications, 1989.
5. Daver A. Denizci Gözüyle Karadeniz'deki Rus Filosu // Ulus. 1942. 9 Ağustos.
6. Esmer A.Ş. Dış Politika- Kızıl Ordunun Yıldönümü // Ulus. 1942. 24 Şubat.
7. Kızıl Ordu'yu İdare Eden Komutanlar Kimlerdir? // Tan. 1941. 3 Temmuz.
8. Nadi Y. Moskova Muharebesi // Cumhuriyet. 1941. 21 Ekim.
9. Rusya'ya Taalluk Eden Hayati Ehemmiyeti Haiz 13 Mesele // Tan. 1942. 24 Ağustos.
10. Sertel M.Z. Sovyet Mucizesinin Sırrı Nedir? // Tan. 1943. 1 Şubat.
11. Sertel M.Z. Sovyetlerle Almanlar Harp Halinde // Tan. 1941. 23 Haziran.
12. Shtemenko S. İkinci Dünya Savaşında Rus Harekâtı 1941-1945 /Çev.G. Korulsan ve Y. Uçar. İstanbul: Ararat Yayınevi, 1971.
13. Webb Sidney Kızıl Orduya bir Vatandaş Nasıl Girer Nasıl Çıkar? // Tan. 1943. 25 Şubat.
14. Бережной С.С., Аммон Г.А. Героические корабли российского и советского Военно-Морского Флота. М.: Воениздат, 1990.
15. Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924-1925гг.). М.: Воениздат, 1958.
16. Богденко М.Л., Зеленин И.В. Совхозы СССР. М.: 1976.
17. Боевой путь Советского Военно-Морского Флота / под ред. А.В. Басова. М.: Воениздат, 1988.
18. Данилов В.Д. Органы руководства Советскими Вооруженными Силами. 1921-1941. М.: Институт военной истории МО СССР, 1982.
19. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977.

⁵ О командирах Красной Армии, упомянутых в статье: [20 с.119-120, 130-132, 143, 159, 205-206, 218-219].

20. Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940-1941 гг. Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы. – М.: Летный сад, 2005. С.8.
21. Мелина А.А. Становление эвакуационного планирования как элемента мобилизационной подготовки экономики (1921-1928) // Экономика и финансы. 2002. №2. С.37-62.
22. Гарханова Н.С. Красная Армия и Сталинская коллективизация 1928-1933 гг. М.: РОССПЭН, 2010.
23. Трифонов И.Я. Ликвидация зажиточных классов в СССР. М.: Политиздат, 1975.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)

СЕКЦИЯ №16.

РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ОТНОСИТЕЛЬНЫМ ПОДЧИНЕНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Гетманская М.Ю.

Пятигорский государственный лингвистический университет, г.Пятигорск

Актуальное членение предложения является одним из основных факторов, организующих сложноподчинённую конструкцию посредством прямого влияния на расположение главной и придаточной частей, а также на определение позиции союзного слова как важнейшего структурно-семантического компонента сложной синтаксической структуры с относительным подчинением. Более того, «наличие тема-рематических отношений является обязательным условием связности речи» [Кормановская 1987:102]. Природа актуального членения предложения бинарна и подразумевает деление речевого сегмента на тему и ремю. При этом, если тема является исходным моментом коммуникации, содержащим базовую менее значимую информацию, на основании чего её можно рассматривать как «то, что» сообщается, то рема представляет собой ядро процесса коммуникации, то есть это та информация, ради которой и сделано сообщение [Кормановская 1987: 103]. С этих позиций сложноподчинённое предложение, равно как любая синтаксическая единица, распадается на два компонента: А видите, какое дело, паньч, ... ни одного грамотного нет у нас в деревне (Куприн. Олеся); Стреляйте... меня из того вальтера, который я вам достал (Липатов. Серая мышь). В этих конструкциях в самом общем плане можно говорить о соответствии их частей компонентам актуального членения предложения. Так, в первом примере теме соответствует постпозитивная придаточная часть, вводимая союзным словом (какой), а главное предложение представляет собой ремю. Обратная связь наблюдается во второй синтаксической единице, в которой постпозитивная придаточная часть, маркируемая относительным местоимением который, является ремой, а главная, соответственно, темой. Подобная характеристика тема–рематических отношений, определяющая рассматриваемое высказывание как цельную коммуникативную единицу, является лишь первой ступенью многоярусного актуального членения сложноподчинённого предложения. Под термином «многоярусность актуального членения предложения» понимается «способность его компонентов (обычно ремы) в свою очередь члениться на второстепенные тему и ремю, соотнесение которых обязательно реализует дополнительный аспект основного коммуникативного задания» [Кудашина 2003: 130]. На первом этапе актуального членения предложения для нас важно, что придаточная часть, вводимая союзным словом, включается в контекст сложной синтаксической структуры как обязательный компонент, выполняющий функцию либо темы, либо ремы. В соответствии с этим выделяются два представленные ранее типа придаточных: тематические (первый пример) и рематические (второе предложение). Последующие ступени актуального членения сложноподчинённого предложения строятся уже исходя из данного положения и подразумевают выявление тема–рематических отношений в структуре придаточной части. Учитывая наличие двух обозначенных типов зависимых компонентов сложного предложения с относительным подчинением, мы считаем целесообразным построить дальнейшее их описание на основе последовательного рассмотрения каждого типа.

Для современного русского языка в большей мере характерны рематические сложноподчинённые конструкции, что обусловлено «семантической нагруженностью придаточной части, создающейся за счёт её

диктумного характера» [Абашина 1980: 6]. Как показал анализ исследуемых структур, рематические придаточные предложения, как правило, постпозитивны по отношению к главной части, соответственно, типичной для современного русского языка будет модель тема–рема, обнаруживаемая в структурах, оформляемых релятивными и соотносительными союзными словами: Он станет сомневаться в том, что было, и заблуждённому он поверит вновь! (Лермонтов. Измаил-Бей); В УВД держалось ещё несколько лошадей и маленькая конюшня, которую ведал дяди Пашин друг ... (Астафьев. Печальный детектив). Отметим, что роль союзного слова, обладающего собственной семантикой, в актуальном членении сложного предложения с относительным подчинением значительна. Так, в представленных примерах относительное местоимение который входит в состав комплексной ремы, образуемой совместно с глаголом–сказуемым (ведал), а в первом примере соотносительное союзное слово что образует самостоятельную рему. Проведённый нами анализ сложноподчинённых предложений с относительными прономинативами в роли средства связи частично подтверждает тезис В.Н. Абашиной об обусловленности расположения элементов придаточной части морфологической природой подлежащего [Абашина 1980: 13]. Так, мы полностью согласны с тем, что местоименная природа подлежащего определяет следующий словопорядок: союзное слово – подлежащее – сказуемое: Возвращаю вам вашу саблю, которую вы можете носить и у нас в России, где, надеюсь, вы не будете иметь причины к какому-либо недовольству (Акунин. Турецкий гамбит); ... поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать (Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Метель). В указанных структурах автономные союзные слова (где, когда) входят в состав комплексной ремы со сказуемыми (не будете иметь, можем выдумать), в препозиции к которым располагаются подлежащие, выраженные личными местоимениями (вы, мы). Таким образом, полностью сохраняется предлагаемая В.Н. Абашиной схема словорасположения. Однако в случае выражения подлежащего придаточной части именем существительным мы обнаруживаем расхождение с теорией В.Н. Абашиной. Так, наш материал содержит ряд контекстов, в которых нарушается предлагаемая ею модель: союзное слово – сказуемое – подлежащее: Под утро, когда гости разошлись, Соня оставила Ясю ночевать в пустующей комнате (Улицкая. Сонечка); Я напишу про него статью, которую моя газета с удовольствием напечатает (Акунин. Турецкий гамбит). В этих примерах союзные слова (когда, который) входят в состав комплексной ремы со сказуемыми (разошлись, напечатает), однако, подлежащее, выраженное именем существительным, располагается по местоименному образцу - в препозиции к сказуемому придаточной части. Мы считаем необходимым выделить в системе рематических придаточных особую группу элементов с дистантным расположением союзного слова: ... три красавицы, обладать коими автор научился (Голстая. Русский человек на randevu); И стоило жене выйти в огород, в углу которого стояли ульи, он тут же отворял леток (Астафьев. Печальный детектив). В примерах этого типа союзные слова образуют комплексную рему уже не со сказуемым придаточной части, а с препозитивным элементом. При этом основная семантическая нагрузка ложится именно на первое полнозначное слово придаточного предложения, относительное же местоимение маркирует определённый тип отношений и обеспечивает включение указанного элемента в структуру зависимого компонента сложноподчинённого предложения.

Рематическими, на наш взгляд, являются придаточные, вводимые условно-уступительными союзными словами: И сколько я ни бьюсь, более определённых признаков болезни не находится (Куприн. Олеся); Я больше не нёс на себе роковой ответственности за всё, что бы ни случилось на свете (Булгаков. Морфий). Характерно, что в этих синтаксических структурах союзные слова (сколько ни, что бы ни) выполняют синтаксическую функцию ремы в составе рематического зависимого компонента.

Второй группой придаточных предложений являются так называемые тематические структуры, ядро которых составляют изъяснительно-объектные придаточные части: Я понимаю, куда клонит Михаил Александрович (Акунин. Турецкий гамбит); Я уже не помню, когда в последний раз видела, чтоб паровоз стоял на рельсах (Акунин. Турецкий гамбит). Указанные конструкции характеризуются «особым коммуникативным заданием и актуальной малозначимостью информативного содержания придаточной части» [Абашина 1980: 16], которые подчёркиваются соотносённостью с предикативным элементом главного предложения. По нашим наблюдениям, в качестве контактных слов в таких конструкциях выступают глаголы со значением понимания (первый пример), мыслительной деятельности (последнее предложение) и др. Характерно, что во всех перечисленных примерах союзные слова (куда, когда) выступают в качестве комплексной ремы, образуемой ими с глаголом–сказуемым тематической придаточной части (клонит, видела), отношения внутри которой определяют следующий словопорядок: союзное слово – сказуемое - подлежащее, выраженное именем существительным (первый пример), или союзное слово – подлежащее, выраженное местоимением, - сказуемое (второе предложение).

Близкую в структурно-семантическом плане группу составляют сложноподчинённые предложения с изъяснительно-объектными придаточными типа: На каких лошадях, интересно знать, я со станции поеду в

Горелово? (Булгаков. Морфий.); Из каких это высоких идей можно убить человека, объясните-ка мне, господин интриган (Акунин. Турецкий гамбит). Эти предложения отличаются высокой степенью эмоционально-экспрессивной окрашенности и стилистической маркированностью, что подчёркивается природой контактных слов модально-оценочного типа (интересно, объясните-ка). Всё вышеуказанное обуславливает изменение тематического членения предложения. В результате придаточная часть уже рассматривается как рематическая со сложными ремами (на каких лошадях, из каких идей), а главное предложение переходит на позицию темы. Особую группу тематических придаточных составляют синтаксические структуры, связь частей которых оформляется с помощью союзных слов с постпозитивным субстантивным распространителем: Уж не знаю, каким образом ему удалось поменять «Плевну» на «Никополь» ... (Акунин. Турецкий гамбит). Союзное слово какой входит в состав комплексной темы наряду с частично десемантизированным субстантивом образ.

Таким образом, актуальное членение является важнейшим фактором, оказывающим существенное влияние на структурно-семантическую организацию сложноподчинённой конструкции и определяющим специфику её функционирования на коммуникативном уровне языка и, соответственно.

Список литературы

1. Абашина В.Н. Порядок слов в придаточных частях сложноподчинённых предложений: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1980. – 23 с.
2. Кормановская Т.И. О коммуникативной организации сложноподчинённого предложения//Вопросы языкознания. – 1987. - № 3. – С.102-110

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИНТЕНСИФИКАТОРЫ НАГЛЯДНО-ЧУВСТВЕННОГО ФОНА В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ГЛАГОЛОМ-СВЯЗКОЙ БЫТЬ / БЫВАТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ РЕЧИ)

Голайденко Л.Н.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г.Уфа

Категория представления (наглядно-чувственный образ, воспроизводимый в памяти или конструируемый в воображении на основе переработки прошлого чувственного опыта – ощущений и восприятий; семантика воспоминания / воображения, которая выражается равноуровневыми средствами языковой системы [8]) диалектически связана и активно взаимодействует в мышлении и языке с категорией бытия / бытийности («выраженное средствами языка значение существования в действительности предметов, процессов, признаков, явлений» [5, с. 81]). Эта лингвокогнитивная связь проявляется в способности бытийных глаголов быть, бывать, наряду с глаголами воспоминания / воображения представлять, вспоминать, припоминать, воображать, мечтать, фантазировать и др. [9], выражать семантику представления.

Данная способность носит опосредованный характер: глаголы быть (“1. Существовать, иметься. 2. Присутствовать, находиться. 3. Происходить, случаться. 4. Употребляется как часть составного сказуемого” [14, с. 70]), бывать (“1. Быть, случаться, происходить. 2. Быть часто, постоянно или иногда” [14, с. 70]), называя «процесс бытия, существования, наличия» [5, с. 82], переводят этот процесс благодаря грамматическим категориям времени и наклонения в план прошлого – воспоминания (прошедшее время) – или будущего – воображения (будущее время, сослагательное наклонение) [7].

Ярче всего связь категорий бытийности и представления в семантике глаголов быть, бывать проявляется тогда, когда они выполняют в предложении функцию простого глагольного сказуемого. Вместе с тем эта связь, на наш взгляд, сохраняется и при употреблении данных глаголов в функции связки в составном именном или сложном сказуемом именного / смешанного типа [6].

Способность глагола-связки быть / бывать выражать в художественной прозаической речи семантику воспоминания / воображения [10] обуславливается тем, что, по мнению В.В. Бабайцевой, «глагол быть в функции связки не утрачивает полностью своего лексического значения бытия, существования признака во времени» [4, с. 327], совмещая в себе бытийную семантику и модально-временные значения [4, с. 326]. Например:

– Мать у меня была раскрасавица, прямо цыганка! (К. Паустовский. Разливы рек); Насыщенное было время! (А. Битов. Пушкинский дом); – Я учителем буду... литературы... – тихо, но твёрдо произнесла Маша (П. Храмов. Инок); Снег кончится, он найдёт топливо для костра, и снова жизнь будет прекрасна и удивительна (О.

Куваев. Территория); А как счастлив бывал он в этой комнате некогда! (И. Гончаров. Обыкновенная история); Как хорошо было бы проспать пять часов и проснуться только на станции (Д. Мамин-Сибиряк. Орда) и т.п.

Семантика воспоминания передаётся в высказывании предикатом с глагольной связкой быть / бывать в форме прошедшего времени, а семантика воображения – глаголом-связкой в форме будущего времени / сослагательного наклонения:

Съезд был изрядный; весёлый хозяин ходил по всем комнатам, где расположились гости, шутил, смеялся <...> (В. Даль. Башкирская русалка); А как счастлив бывал он в этой комнате некогда! (И. Гончаров. Обыкновенная история); Завтра я буду счастлив! У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; <...> у него есть настоящее <...> (И. Тургенев. Ася); «Как хорошо было бы жить с другом на берегу какой-нибудь реки!» И в глазах его через реку перекинулся мост (А. Ремизов. Огонь вещей).

Очень часто в предложениях с глагольной связкой быть / бывать используются лексико-грамматические интенсификаторы наглядно-чувственного фона высказывания, к которым относятся некоторые местоимения (какой, каков; субстантиват это) и эмоционально-оценочные частицы (какой, как, что за, до чего же и др.). Последние в речи, в том числе художественной прозаической, наиболее частотны. Например:

Как простодушно умна, как непритворно чувствительна тогда бывала она! (А. Бестужев (Марлинский). Часы и зеркало); «Господи, – сказал он себе, – <...>! Какая превосходная была жизнь!» (В. Пьецух. Прощальное путешествие); До чего же я в то время был наивен и прост! (М. Пришвин. Женьшень); «Как он будет горд и доволен, получив мою записку!» (Л. Толстой. Анна Каренина).

Указанные частицы являются «важнейшим синтаксическим средством репрезентации богатой палитры эмотивных значений» [12, с. 9]: в первом примере – восхищения, во втором – восхищения, удивления и сожаления, в третьем – удивления и досады, в четвёртом – досады и злорадства.

«Частицы, способные принимать участие в формировании эмотивной стороны высказывания», П.А. Купоросов квалифицирует как эмоционально-экспрессивные [12, с. 9]. Поскольку, по мнению Е.М. Галкиной-Федорук, «выражение эмоций в языке всегда экспрессивно» [12, с. 9], определение «эмоционально-экспрессивные» частицы видится нам семантически избыточным.

Мы используем термин «эмоционально-оценочные частицы», потому что эмоциональный компонент является одним из «различных модусно-оценочных компонентов целого высказывания (персуазивных, аксиологических, экспрессивных, иллокутивных и др.)» [12, с. 10]. Эмоции являются следствием той или иной оценки отражённых в человеческом сознании объектов действительности. Оценка же не всегда может быть эмоциональной, поэтому определение «эмоционально-оценочные», на наш взгляд, подчёркивает актуальный для коммуникантов оценочный характер рассматриваемых частиц, обусловленный оценочной семантикой существительных и прилагательных, к которым эти частицы примыкают (умна, чувствительна, превосходная, наивен и прост, горд и доволен), и эмоциональную окрашенность соответствующей оценки.

Так как категории оценочности и эмоциональности когнитивно связаны с категорией представления [8], эмоционально-оценочная частица усиливает наглядно-чувственный фон высказывания, в центре которого находится вспоминаемый или воображаемый предикативный признак предмета, отнесённый в план прошлого или будущего глаголом-связкой быть / бывать в соответствующей временной форме.

Самыми частотными из эмоционально-оценочных частиц являются какой и как, которые, выполняя действительную функцию, «могут выражать как отрицательную, так и положительную оценку факта» [13, с. 11–12]. Более того, они являются одним из универсальных средств «выражения разнообразных оттенков высокой / низкой степени проявления признака: плавный восходяще-нисходящий тон характеризует» каждую из этих частиц «как интенсификатор положительной или отрицательной оценки» [11, с. 69]:

Какие <...> мы были тогда счастливые! Я все детали того дня отлично помню <...> (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); Но как Лужин был мягок и мил в эти дни... (В. Набоков. Защита Лужина).

Подчеркнём также, что благодаря своей экспрессивности как и какой, наряду с другими эмоционально-оценочными частицами, в художественной речи выступают в качестве средств активизации читательского внимания, побуждая читателя чувствовать, представлять и оценивать описываемое так, как это чувствуют, представляют и оценивают литературные герои.

В отличие от соответствующей эмоционально-оценочной частицы изначально вопросительное местоимение какой, употребляясь в восклицательном высказывании в качестве основной части составного именного сказуемого с глаголом-связкой быть, обнаруживает явное – не только формальное, но и семантическое – тяготение к прилагательному: в его общекатегориальной семантике указательности максимально актуализируется признаковый компонент. Поэтому можно говорить о ярко выраженном лексико-грамматическом синкретизме местоименного слова какой, совмещающего в себе значения местоимения и прилагательного. В связи с этим Н.Ю. Шведова пишет: «Местоимение какой означает (наше подчёркивание)» «градулируемый

(открываемый или приписываемый)» «признак кого-чего-нибудь – лица, совокупности лиц или предмета, совокупности предметов, состояния, свойства, понятия, явления, ситуации, события, собственно бытия» [16, с. 80]. Например:

Какой был вечер! Каким чудным светом озаряла нас постепенно угасающая заря, как темнела понемногу вся окрестность! (С. Аксаков. Детские годы Багрова-внука); Ах, какой это был дом! Одних только жилых помещений в нём было четыре: изба-зимовка, изба-летница, вышка с резным балкончиком, горница боковая (Ф. Абрамов. Деревянные кони).

В смысловом пространстве местоимения какой Н.Ю. Шведова выделяет три сегмента: определённости, неопределённости, отсутствие [16, с. 80]. Именно сегмент неопределённости, в заполнении которого данное местоимение стремится участвовать прежде всего [16, с. 81], позволяет усиливать наглядно-чувственный фон высказывания, интенсифицировать выражение семантики воспоминания / воображения, наряду с глаголом-связкой быть / бывать в форме прошедшего / будущего времени.

Семантически неопределённый прономинатив какой «размывает» границы описываемого наглядно-чувственного образа объекта, представленного в памяти / воображении литературного героя одним из своих признаков, актуальных для говорящего / думающего в настоящем. Конкретизирует это представление художественный контекст, обычно содержащий «обозначения качественного признака», т.е. «такого признака, который представляется как изменяемый, способный выявляться в разной степени или, будучи присущим кому-чему-нибудь, может выявляться или не выявляться, оцениваться, квалифицироваться» [16, с. 82–83]:

– Жизня-то какая была! Не приведи господи!.. – жаловалась бабушка (В. Астафьев. Последний поклон); Двадцать лет тому назад мы пришли на Ботик и, прикоснувшись к местной природе, в себе самих открыли детей, способных радоваться при добывании себе пищи ружьём в лесу и сетью в озере. <...> Какие были тогда над Ботиком звёзды! Теперь мы пришли сюда, измученные не своим личным горем, а ужасным бедствием всего человечества на земле <...>. И вот они опять над Ботиком, те же самые большие блестяще-лучистые звёзды. Какие они теперь стали холодные, какие стойко-равнодушные к человеческому горю! (М. Пришвин. Соловей).

В качестве текстовых конкретизаторов неопределённого признака вспоминаемого объекта в первом примере выступают фразеологизм Не приведи господи! (“2. Выражение оценки, характеристики чего-либо, обычно со стороны силы, степени и т.п.” [15, с. 353]) и глагол жаловалась (жаловаться – “1. Высказывать жалобы (в 1 знач.)”; жалоба – “1. Выражение неудовольствия по поводу чего-н. неприятного, страдания, боли” [14, с. 192]), которые характеризуют жизнь бабушки и её современников как очень тяжёлую.

Во втором фрагменте конкретизация вспоминаемого предмета и его предикативного признака осуществляется в рамках более широкого художественного контекста, построенного на основе контраста. Антитеза «двадцать лет тому назад, тогда – теперь» в описании внешне одинаковых звёзд (те же самые большие блестяще-лучистые звёзды) вводит две их противоположные «психологические» характеристики. Вторая из них чётко вербализована: холодные, стойко-равнодушные к человеческому горю, а первая «расшифровывается» на фоне второй по принципу «от обратного», т.е. через подбор антонимов: тёплые, участливые, приветливые, добрые и т.п.

Повтор местоименного слова какие (местоимения в первом случае и эмоционально-оценочной частицы во втором) в ключевых предложениях, характеризующих звёзды, усиливает антитезу и акцентирует на ней внимание читателя.

«Качественная признаковость» местоимения какой обуславливает его яркий оценочный характер, связанный прежде всего с индивидуальным отношением персонажа к вспоминаемому / воображаемому признаку объекта действительности. Н.Ю. Шведова отмечает: «В этом местоимении обособилось также значение собственно оценочное» [16, с. 85]; для какой «характерна функция введения индивидуализации смысла» [16, с. 89]. Например:

– Наши идеи не погибнут. Какие были идеи! – теперь уже никто не помнит этого, товарищи, кроме нас (Б. Пильняк. Красное дерево); – Помнишь ли, Еленочка, каков был Восточный Крым при татарах? А Внутренний? Какие в Бахчисарае были сады! А сейчас по дороге в Бахчисарай ни деревца: всё свели, всё уничтожили... (Л. Улицкая. Медя и её дети); – И может быть, он участвовал в битвах... В походах, во всяком случае, и в опасностях тоже... <...> Какие бывали времена на нашей Украине! – Как это ужасно, – вздохнула Анна Михайловна. – Как это было хорошо, – возразил молодой человек (В. Короленко. Слепой музыкант).

Очевидно, что идеи в первом отрывке и сады во втором фрагменте субъективно оцениваются литературными героями как положительные: соответственно, великие, правильные, вечные и большие, густые, великолепные. Времена же в третьем примере характеризуются разными персонажами по-разному: с одной стороны, опасные, тяжёлые, ужасные из-за войн, а с другой – славные, героические, «пропитанные» духом патриотизма.

Нельзя не отметить также, что в семантике местоимения какой, употреблённого в эмоционально окрашенном высказывании (особенно в предложениях с оценочным предикатом типа *Какая красавица!*), ощущается «служебный» компонент – эмоциональная оценочность усилительной частицы. Это обусловливается, во-первых, нетипичным употреблением собственно вопросительного местоимения в восклицательном предложении и, во-вторых, существованием в русском языке функциональных омонимов: местоимения какой и частицы какой.

Ср. соответственно: *Ах, какая была команда: весь город колыхнуло!* (И. Ратушинская. *Одесситы*) и *Какой заговорщический вид был потом вечером у синей кушетки!* (В. Набоков. *Подвиг*).

Наличие в семантике местоимения какой «служебного» компонента эмоционально-оценочной частицы нередко приводит к противоречивой, неоднозначной квалификации местоименного слова какой. Так, например, П.А. Купоросов в предложениях типа *Какое счастье!* – говорила Екатерина Ивановна с увлечением (А. Чехов. *Ионыч*) определяет какое как частицу [12, с. 10]. Думается, что такая морфологическая характеристика данного местоименного слова в данном контексте является односторонней и не раскрывает богатства его семантики.

На наш взгляд, какое в рассматриваемом предложении не может быть «чистой» частицей, поскольку указывает пусть на неопределённый, но качественный признак предмета и может быть заменено одним из качественных прилагательных: *большое, огромное, великое, безграничное* и т.п. К тому же используемое учёным в качестве иллюстративного примера эмоционально окрашенное высказывание может быть трансформировано в высказывание вопросительное (*Какое счастье?*), что подчёркивает больший смысловой вес местоименного слова какое как местоимения-прилагательного по сравнению с соответствующей частицей.

Вместе с тем нельзя говорить и о «чистом» местоимении, ибо какое употребляется при оценочном существительном счастье, которое уже содержит в себе качественную характеристику предмета речи. В результате у местоименного слова какое, действительно, появляется особая экспрессивность, присущая эмоционально-оценочным частицам. Мы считаем, что в подобных случаях корректнее квалифицировать какое как синкретичную морфологическую единицу, совмещающую в своей семантике значения местоимения, прилагательного и частицы.

Подобный синкретизм семантики местоименного слова какой можно также наблюдать в контекстах, где оно повторяется, участвуя в формировании такой стилистической фигуры, как градация, усиливая предикативную характеристику предмета речи и наглядно-чувственный фон высказывания в целом. Например:

– И тут Алёшенька заболел... Какой мальчик был, Вера Петровна, какое дитё! Чуть больше года – разговаривал уже! Светленький, личико кукольное, глаза громадные серо-голубые (П. Санаев. *Похороните меня за плинтусом*).

Таким образом, в предложениях типа *Какой крокодил!* мы квалифицируем какой как местоимение (с «качественной признаковостью» прилагательного) (трансформируется в вопросительную модель *Какой крокодил?*), в высказываниях типа *Какой противный этот крокодил!* (Ф. Достоевский. *Крокодил*) – как эмоционально-оценочную частицу (не трансформируется в вопросительную модель [11, с. 69]), а в контекстах типа *Какой хищник!* и при повторе-градации *Какой крокодил, какой экземпляр!* – как местоимение-частицу.

Семантическая неопределённость и вместе с тем «стремление» конкретизировать свою семантику в речи, яркий эмоционально-оценочный характер и проявление экспрессии, свойственной усилительным частицам, позволяют прономинативу какой маркировать в художественном произведении описание представлений и аккумулировать в себе смыслы, которые «рассыпаны» по фрагменту или всему тексту и которые должен «собрать» и обобщить читатель порой в одном слове, называющем качественный признак вспоминаемого / воображаемого объекта действительности. Например:

– Сафо говорит, что они вчера очень веселились у вас. – Ах, какая тоска была! – сказала Лиза Меркалова. – Мы поехали все ко мне после скачек. И всё те же, и всё те же! Всё одно и то же. Весь вечер провалились по диванам. Что же тут весёлого? (Л. Толстой. *Анна Каренина*).

В приведённом фрагменте местоимение какой может быть заменено одним из оценочных прилагательных (причастий): *страшная, ужасная, мучительная, тягостная, убийственная, невыносимая, гнетущая* и т.п. Безусловно, «качественная» семантика данного прономинатива понятна благодаря художественному контексту, отрицательная оценка тоже очевидна, однако выбор адекватного коррелята весьма субъективен, поскольку определяется индивидуальностью читателя, его особенностями восприятия текста, лексическим запасом и речевой практикой. Местоименная природа какой оставляет место читательскому воображению, которое в соответствии с чувственным опытом личности побуждает читателя выбирать из системы его представлений самое актуальное в предложенной писателем художественной ситуации и адекватное ей с точки зрения субъективные отношения.

Прониматив *каков* в функции именного присвязочного члена в составном именном сказуемом с глаголом-связкой *быть* так же, как и местоимение *какой*, содержит в своей семантике «компонент оценки, субъективного отношения» [16, с. 89] и тоже «означает (подчёркивание наше) градуируемый (открываемый или приписываемый [16, с. 80]) признак, но представляет его как стабильный, как сущностное, неотъемлемое свойство или качество: этот признак, заключённый в ком-чём-нибудь, выступает как основная характеристика – внутренняя или внешняя» [16, с. 86]:

На третий день после донесения Кутузова в Петербург приехал помещик из Москвы, и по всему городу распространилось известие о сдаче Москвы французам. Это было ужасно! Каково было положение государя! Кутузов был изменник, и князь Василий <...> говорил, что нельзя было ожидать ничего другого от слепого и развратного старика (Л. Толстой. Война и мир).

В приведённом примере положение государя, с точки зрения князя Василия, было ужасно в своей фатальности и непоправимости: оно не имело каких-либо вариантов и «шансов» к изменению. По словам князя Василия и эмоциональной оценке им представляемой ситуации, изменник Кутузов заставил, вынудил «бедного» государя принять подобное решение. Государь должен был сделать то, что сделал.

В данном фрагменте проявляется одна из характерных функциональных особенностей местоимения *каков*: оно обычно употребляется в контекстах, в которых сообщается «о необходимости, возможности, долженствовании, т.е. там, где лексически или содержательно обозначена модальность, модальные состояния» [16, с. 89].

В отличие от местоимения *какой*, у прономинатива *каков*, по мнению Н.Ю. Шведовой, «сегмент неопределённости <...> оказывается незаполненным» [16, с. 87]. Особенно ярко это проявляется в вопросительных высказываниях, например:

<...> Он опустил в изнеможении на лавочку и горькими слезами приветствовал новую, неведомую жизнь, которая теперь начиналась для него... Какова-то будет эта жизнь? (А. Чехов. Степь).

Именно «незаполненная неопределённость» превращает местоимение *каков* в более действенное, чем местоимение *какой*, средство актуализации наглядно-чувственного фона высказывания, поскольку не получает в художественном контексте «качественной» конкретизации и вводит в повествование подтекст, в центре которого очень «размытое» и максимально субъективное представление.

Данная особенность местоимения *каков*, а также указание им на стабильный, сущностный, неотъемлемый признак предмета даже в восклицательных предложениях, на наш взгляд, не «проявляют» в его семантике «служебный» компонент эмоционально-оценочной частицы, как это наблюдается у местоимения *какой*. Доказательством такого суждения служит отсутствие параллельных речевых контекстов с «чистой» частицей *каков*.

Учитывая же этимологическую, семантическую и грамматическую близость местоимений *какой* и *каков*, немаловажно подчеркнуть их функциональное и стилевое сходство: они «более характерны для разговорного стиля речи, т.е. для ситуации непринуждённого общения» [13, с. 15], поэтому в художественной прозе они часто встречаются в прямой речи литературных героев, особенно в репликах-реакциях, а также в несобственно-прямой, художественно изображённой внутренней речи литературных героев. Назначение последней – показать «внутренние мысли и чувства персонажа, объективируя субъективную сторону жизни человека» [1, с. 3], в том числе его представления, на фоне которых эта внутренняя, субъективная жизнь и разворачивается.

Довольно часто предмет речи в высказываниях с предикатом, включающим глагол-связку *быть* / *бывать*, выражается субстантивированным местоимением *это*, которое, по мнению В.В. Бабайцевой, «указывает на наглядно-чувственные образы» [2, с. 34] и включает их в структуру мысли, выражаемой соответствующим предложением:

На одиннадцатые сутки у меня появились галлюцинации. Это были примитивные кошки. Белые и серые, несколько штук (С. Довлатов. Заповедник); Наш диалог продолжался именно так, слово в слово, как он только что прозвучал в моей душе. Это было потрясающе! (Архимандрит Тихон. Послушничество).

В.В. Бабайцева подчёркивает, что субстантиват *это* сохраняет значение указательности, которое доминирует в его сложной синкретичной семантике и дополняется «субстантивными семами предметности и идентификации» [2, с. 37].

Субстантивированный прономинатив *это* может иметь разный денотат: предметный, ситуативный, контекстный, но в художественных описаниях воспоминаний литературных героев или воображаемых ими картин – обычно предметный либо ситуативный, поскольку оба денотата связаны «с миром предметных реалий» [2, с. 49], которые по сравнению с понятийными абстракциями представить намного легче. Это очень важно для установления эффективного диалога писателя и читателя, адекватного восприятия и толкования последним

художественного произведения при сохранении субъективного отношения к нему, обусловленного глубоко личностным, индивидуальным характером наглядно-чувственных образов. Ср., например:

И чёрное платье с пышными кружевами не было видно на ней. Это была только рамка, и была видна только она, простая, естественная <...> (Л. Толстой. Анна Каренина); Патуля Антипов, сын арестованного Павла Ферাপонтовича и помещённой в больницу Дарьи Филимоновны, поселился у Тиверзиных. Это был чистоплотный мальчик с правильными чертами лица и русыми волосами <...> (Б. Пастернак. Доктор Живаго); Бабушкины светлые глаза глянули на меня с жалкой и просящей приветливостью: «Умер дедушка». Я опустил голову. Это была первая смерть в моей жизни (П. Храмов. Инок).

В первом случае «это с предметным денотатом отсылает к предмету, названному препозитивным существительным» [2, с. 45] платье.

Во втором фрагменте денотатом является лицо – Патуля Антипов. «В предложениях этой разновидности», как утверждает В.В. Бабайцева, «на фоне указательности и бытийности доминирует семантика наименования» [2, с. 46].

Субстантивированное местоимение-подлежащее это в третьем контексте обнаруживает ситуативный денотат и «относит к калейдоскопу наглядно-чувственных образов, отражающих ситуацию» [2, с. 47], – взаимосвязанных в памяти персонажа представлений: Бабушкины светлые глаза глянули на меня с жалкой и просящей приветливостью: «Умер дедушка». Я опустил голову.

Иногда однозначно квалифицировать денотат субстантивированного прономинатива это невозможно вследствие его синкретизма – совмещения признаков предметного и ситуативного денотатов:

Мария Черни осторожно дотронулась до щеки маршала, провела пальцем по глубокому шраму и спросила: – Это было очень больно? – Да, – ответил, смешавшись, маршал, – это был крепкий сабельный удар (К. Паустовский. Ручьи, где плещется форель).

В приведённом примере субстантивированное местоимение это указывает на предмет, обозначенный предложно-падежной формой существительного по шраму. Вместе с тем героиню интересует не шрам как таковой, а ранение и сопровождавшая его боль. Отвечая на вопрос Марии Черни, маршал объясняет причину появления шрама – крепкий сабельный удар, в результате которого была нанесена глубокая рана, вызвавшая сильную боль. Отглагольное существительное удар в именной части составного сказуемого, называющее опредмеченное действие, подчёркивает ситуативный характер представления. Таким образом, субстантивированный прономинатив это указывает и на ситуацию, вечным напоминанием о которой стал «След на теле от зажившей раны, рубец» [14, с. 897].

Повтор субстантивата это формирует наглядно-чувственный ореол целого художественного фрагмента, побуждая читателя «интенсивнее» представлять то, на что данное местоименное слово указывает. См., например, ещё:

Очень славился в моё время наш сосед Иван Устиныч. Никогда он не пользовался сеткой, чтобы защитить своё лицо от пчёл. А какое это было лицо! Это был небольшой кружок тёмно-красного цвета, вроде яблока апорта, упакованного в седой бороде. Но дымок он всегда держал возле себя, незаметно попыхивал дымарём и подбавлял (М. Пришвин. Заполярный мёд).

Вмещая содержание одного или нескольких высказываний, субстантивированный прономинатив это выражает «указательно-чувственную семантику» [2, с. 49]. Он «высвечивает» теснейшую диалектическую взаимосвязь чувственной и абстрактной ступеней познания действительности, и эта взаимосвязь на грамматическом уровне языковой системы проявляется в том, что наглядно-чувственные образы входят непосредственным компонентом в семантику двусоставного предложения [2, с. 49], реализующего логико-психологическое суждение [3, с. 49–57]. В результате субстантивированное местоимение это выступает в речи, в том числе художественной прозаической, в качестве самого яркого и самого эффективного лексико-грамматического интенсификатора наглядно-чувственного фона высказывания.

Итак, предложения с глаголом связкой быть / бывать очень часто содержат лексико-грамматические компоненты, которые актуализируют наглядно-чувственную основу высказывания. К таким средствам относятся эмоционально-оценочные частицы, местоимения какой, каков и субстантиват это.

Чаще всего в художественной прозе употребляются эмоционально-оценочные частицы какой и как, которые, выражая различные эмотивные значения, усиливают положительную или отрицательную оценку вспоминаемого или воображаемого предикативного признака предмета, отнесённого в план прошлого или будущего глаголом-связкой быть / бывать в соответствующей временной форме.

Местоимения какой и каков в функции именной части составного сказуемого, тяготея к качественным прилагательным, приобретают в речи «качественную признаковость», которая обуславливает актуализацию в

семантике этих прономинативов оценочного компонента и, как следствие, индивидуализацию смысла высказываний литературных героев.

Сегмент неопределённости в семантическом пространстве данных местоимений, который заполняется (какой) или не заполняется (каков) коммуникативным контекстом, характеризует их как весьма значимые средства интенсификации наглядно-чувственного фона высказывания.

Местоименные слова каков и какой характеризуются ярко выраженным синкретизмом семантики: в первом сочетаются признаки местоимения и прилагательного, а во втором в определённых контекстных условиях – местоимения, прилагательного и частицы.

Самым «мощным» интенсификатором семантики представления в предложениях с глагольной связкой быть / бывать является ещё одно синкретичное местоименное слово – субстантивированное местоимение это, которое не только указывает на наглядно-чувственные образы, но и вводит их в семантическую структуру двусоставного предложения как компонент логико-психологического суждения.

Имея преимущественно предметный или ситуативный денотат, субстантивированный прономинатив это отсылает к предметным реалиям, которые можно представить по-разному, но намного легче, чем, например, мысль или какую-нибудь абстрактную категорию.

Данная лингвокогнитивная особенность субстантивата это превращает его в эффективное средство воздействия на память / воображение слушателя / читателя, который по словесным «ориентирам» должен самостоятельно нарисовать в своём сознании субъективную и одновременно соответствующую коммуникативному замыслу говорящего / пишущего наглядно-чувственную картину. Такая реакция становится особенно актуальной в плане гармонизации процессов творческого прочтения художественного произведения и его адекватной интерпретации.

Все интенсификаторы наглядно-чувственного фона высказывания с предикатом, включающим глагол-связку быть / бывать, выполняют в художественной прозаической речи функцию активизации читательского внимания и актуализируют тесную взаимосвязь и постоянное взаимодействие лингвокогнитивных категорий представления, бытийности и оценочности.

Список литературы

1. Артющков И.В. Внутренняя речь и её изображение в художественной литературе (на материале романов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого): моногр. М.: МПГУ, 2003. – 348 с.
2. Бабайцева В.В. Местоимение это и его функциональные омонимы: моногр. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 168 с.
3. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке: моногр. М.: Дрофа, 2004. – 512 с.
4. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке: моногр. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 496 с.
5. Востоков В.В. О категории бытийности и бытийные глаголы в русском языке // Рациональное и эмоциональное в русском языке: междунар. сб. науч. тр. М.: МГОУ, 2012. – С. 79–84.
6. Голайденко Л.Н. Глагол-связка быть / бывать в составном / сложном сказуемом как лексико-грамматическое средство выражения семантики представления в художественной прозе // Научные перспективы 21 века. Достижения и перспективы нового столетия: м-лы 11 междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 22–23 мая 2015 г.). Новосибирск, 2015 [в печати].
7. Голайденко Л.Н. Глаголы быть, бывать как лексико-морфологические средства выражения семантики представления в художественной прозаической речи // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. Челябинск: ЧГПУ, 2015. – № 4 [в печати].
8. Голайденко Л.Н. Категория представления как структурно-семантическая (на материале художественной прозы) // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Томск: ТГПУ, 2013. – № 3 (131). – С. 140–145.
9. Голайденко Л.Н. Лексика со значением представления в современном русском языке (на материале художественной прозы): моногр. Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. – 142 с.
10. Голайденко Л.Н. Лексико-грамматический статус *быть* в составном / сложном сказуемом в аспекте взаимодействия категорий бытийности и представления (на материале художественной прозы) // Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук: м-лы 2 междунар. заоч. науч.-практ. конф. (Омск, май 2015 г.). Омск, 2015 [в печати].
11. Колесникова С.М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции: моногр. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 112 с.

12. Купоросов П.А. Семантика эмоционально-экспрессивных частиц современного русского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. – 22 с.
13. Макарова Р.С. Конструкции со словами “как”, “какой” в современном русском языке: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. – 22 с.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1991. – 917 с.
15. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Фёдоров; Под ред. А.И. Молоткова. 3-е стереотип. изд. М.: Рус. яз., 1978. – 543 с.
16. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.

СЕКЦИЯ №17.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)

СЕКЦИЯ №18.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)

СЕКЦИЯ №19.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Пантия Б.С., Данилова М.А.

МОУ «Лицей № 7 Дзержинского района Волгограда», г.Волгоград

Что такое Гендер в лингвистике? На самом деле, изучая языки и вообще какие-либо явления окружающего мира, мы рассматриваем только общее, наиболее употребляемое значение явления. Хотя, в каждом языке существует несколько синонимичных обозначений одного и того же явления, как в нашем случае с концептом «красота». Ведь синонимичный ряд и создается в языках потому, что каждому явлению придается новая смысловая или экспрессивная окраска, связанная с разным отношением к явлению.

Мы, мужчины и женщины, на многие вещи смотрим с разных позиций. Женщины сначала отмечают внешнюю привлекательность предмета, а мужчины сразу обсуждают его рациональность. Мы воспринимаем окружающий мир не всегда одинаково, и, следовательно, можем использовать в речи разные вербалии для обозначения одного и того же явления.

С некоторых пор, в психологии, а затем и в других науках, стали проводиться гендерные исследования или гендерный подход к проблеме. Давайте посмотрим, что же это такое, и почему нужно рассматривать этот аспект при изучении иностранных языков. Конечно, можно использовать, в речи или при переводе, одно и то же общее значение концепта «красота», но сможем ли мы тогда передать настроение говорящего и того, что же он хотел нам сказать. Как минимум, язык наш будет бедным и однообразным, одноликим.

Итак, что такое гендерная характеристика языка? Гендер - это повседневный мир взаимодействия мужского и женского, воплощенный в практике; это системная характеристика социального порядка, от которой невозможно отказаться, она постоянно воспроизводится и в структурах сознания, и в структурах действия.

Гендерная лингвистика — научное направление в составе междисциплинарных гендерных исследований, при помощи лингвистического понятийного аппарата изучающее гендер (социокультурный пол, понимаемый как конвенциональный конструкт, относительно автономный от биологического пола).

В самом общем плане гендерная лингвистика изучает две группы вопросов:

- Отражение гендера в языке: номинативную систему, лексикон, синтаксис, категорию рода и ряд сходных объектов. Цель такого подхода состоит в описании и объяснении того, как манифестируется в языке наличие людей разного пола, какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее распространены, какие лингвистические механизмы лежат в основе этого процесса.

- Речевое и в целом коммуникативное поведение мужчин и женщин: исследуется, при помощи каких средств и в каких контекстах конструируется гендер, как влияют на этот процесс социальные факторы и коммуникативная среда.

Концепт «Красота» представляет собой концепт-качество, вернее, качественные оценки, большинство которых выражают оценочные признаки, и поэтому их роль в перестройке всей концептуальной системы той или иной культуры является ведущей. Этот концепт является одним из основных человеческих эмоционально-чувственных ментальных образований, свойственных людям. Он связан с инстинктивным пониманием прекрасного, с одной стороны, и сложившимися в обществе канонами красоты, с другой стороны. Можно сказать, что инстинктивное в понимании красоты есть общечеловеческая часть рассматриваемого концепта.

Зная, что физиологические и психологические особенности человека накладывают свой отпечаток на языковую культуру, мы попытались рассмотреть понятие концепта «красота» в гендерном, т.е. половом аспекте. Как же мы, мужчины и женщины воспринимаем красоту, с чем ее отождествляем? Нами было проведено исследование и для начала, методом компонентного анализа словарных дефиниций были выделены следующие лексические единицы английского языка, связанные с концептом «красота»:

loveliness, beauty, good looks, resplendence, magnificence, attractiveness, goddess, attraction, charm, excellence, handsomeness, handsome, good-looking, gorgeous, attractive, exquisite, ravishing, pretty, fair, bonny, seemly, beauteous, beautiful, very good, excellent, wonderful, fine, splendid, admirable, fine-looking, lovely, great, worthy, nice, sweet, marvelous и др.

Так же были выделены следующие лексические единицы русского языка, связанные с концептом «красота»:

красота, интересная внешность, красавица, красавец, красивый, прекрасный, интересный, пригожий, хорошенький, очаровательный, привлекательный, прелестный, пленительный, чарующий, обольстительный, обворожительный, неотразимый, манящий, соблазнительный, притягательный, симпатичный, изумительный, приятный, милый, славный, миловидный и др..

Для выявления важнейших характеристик концепта мы обратились к опросу информантов, предложив им написать короткие сочинения, объясняющие на конкретных примерах то, какие признаки мы выделяем у предметов, оцениваемых с позиций эстетической оценки. Сравнительный анализ реакций русских и англоязычных информантов, направленный на выявление сходства и различий в стереотипных образно-перцептивных характеристиках красоты, показал следующее. Сравнительный анализ реакций русских и англоязычных информантов, направленный на выявление сходства и различий в стереотипных образно-перцептивных характеристиках красоты, показывает следующее.

В гендерном аспекте концепт «красота» в русскоязычной и англоязычной культурах имеет схожие характеристики:

- женщины находят больше оттенков и характеристик для описания красоты, но при этом чаще всего увлекаются лишь внешними характеристиками;

- мужчины более рациональны и скупы в своих описательных характеристиках (если это не касается описания женской красоты и технических средств), чаще используют слова нейтральной направленности. Сравнив релевантные признаки синонимов, уточняющих концепт «красота» в английском и русском языках, мы можем сделать следующие выводы:

1. Общие признаки синонимов в сравниваемых языках совпадают.

2. Дифференциальные признаки синонимов обнаруживают как совпадение, так и различие. К совпадающим характеристикам можно отнести следующие: а) соответствие идеалу, б) интенсивность, в) ироничная оценка красивой внешности. Различительные признаки таковы: 1) противопоставление непосредственного и мысленно опосредованного созерцания (в английском языке), 2) противопоставление внешней и внутренней красоты (в русском языке), 3) противопоставление рационального и эмоционального удовлетворения от созерцания красоты (в английском языке), 4) акцентирование выбора как основания для эстетической оценки (в английском языке), 5) акцентирование сверхъестественной силы красоты (в русском языке), 6) конкретизация величины объекта эстетической оценки (маленький размер, хрупкость, деликатность) (в английском языке), 7) конкретизация неспорченности объекта эстетической оценки (чистота, свежесть, безупречность) (в английском языке).

Русское мироощущение бинарно в другом отношении: противопоставляется здешнее, внешнее, земное и нездешнее, внутреннее, небесное. Соответственно, подлинной красотой признается красота внутренняя. Поэтому и самым существенным противопоставлением признаков концепта «красота» в русском языковом сознании является контраст между красивым и прекрасным, чего нет в английском языке. Английское мироощущение, напротив, синкретично в этом отношении: для англичан внешнее и внутреннее неразрывно связаны, они акцентируют внимание на внешнем, полагая, что оно должно коррелировать с внутренним содержанием, хотя признают, что внешность может быть обманчива.

Поскольку различия в эстетической оценке явлений, а в данном случае отношение к красоте, между английской и русской лингвокультурами изначально носят глубинный закономерный характер, то наложение гендерных различий в отношении к красоте делают их еще более очевидными.

Список литературы

1. Аскольдов, С.А. Концепт и слово [Текст] / А.С. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. - М., 1997. С.267–279.
2. Берн Г.И. Гендерная психология [Текст] / Г.И.Берн – СПб Прайм –Еврознак, 2001. – 320с.
3. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С.Г.Воркачев // Филол. науки. - М., 2001. - N 1. - С. 64-72
4. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты [Текст] / В.И.Карасик. - Волгоград-Архангельск, 1996. С. 3–16.
5. Кирилина А.В. Гендерная идентификация [Текст] / А.В. Кирилина// Филол. науки. - М., 1998. - N 2. - С. 51-58
6. Кирилина А.В. Гендерные стереотипы, речевое общение [Текст] / А.В. Кирилина// в кн.:Имидж лидера. Иваново, 1998. С 65-85
7. Леонтьева, А.Л. Так что же есть на свете красота? (Концепт красоты сквозь призму металексики) // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного/ отв. ред. Н.Д. Арутюнова [Текст] / А.Л. Леонтьева. – М.: Индрик, 2004. – С. 545-562.

ЗАИМСТВОВАНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ В ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Данилова М.А., Пантия Б.С.

МОУ лицей №7, г.Волгоград

Какой бы язык ни был выбран для исследования роли заимствований в нём, очевидно, что заимствования по-разному отражаются на обогащении словарного состава. В лексическом составе английского языка заимствования имеют неоспоримое значение: он буквально соткан из «чужестранных» корней, суффиксов и приставок (словообразовательных морфем). Следовательно, эта тема особенно актуальна для изучающих иностранный язык, она всегда будет интересна и, благодаря несметному количеству материала для рассмотрения и исследования, постоянно будет порождать новые темы для споров и дискуссий.

Заимствования составляют особый пласт лексики как с точки зрения процессов номинации, так и в плане мотивированности. Являясь одним из возможных ответов на потребности номинации, они представляют собой определённую экономию языковых усилий при порождении речи, так как для заполнения номинативных лакун, возникших в данном языке, используются готовые единицы чужого языка. Это вызывает существенные трудности при распознавании их смысла в процессе восприятия речи. Заимствование как процесс использования элементов одного языка в другом обусловлено противоречивой природой языкового знака: его произвольностью как разрешающей заимствование силой и произвольностью как препятствующим заимствованию фактором. Этим, по-видимому, и объясняется то обстоятельство, что процесс заимствования в современном английском языке, по имеющимся данным, весьма непродуктивен. Сказанное, однако, не означает, что доля заимствований в современном английском языке не столь велика. Заимствованные приблизительно из 50 языков мира, лексические единицы составляют почти 75% словарного состава английского языка и включают пласты лексики, заимствованные в различные исторические эпохи и под влиянием различных условий развития и существования. Среди них - исторические, географические, социальные, экономические, культурные и прочие условия. Примечательны также пути, формы и типы заимствований, а также преобразования, которые претерпевает заимствованное слово в новой для него языковой среде. Заимствования интересны, прежде всего, тем, какое

влияние они оказывают на системное устройство лексики конкретного языка, а также своим особым, в случае сохранения ряда генетических характеристик, статусом в заимствовавшем их языке.

Особо интересна жизнь заимствованных слов в новом для них языке. Многие заимствования под влиянием системы, в которую они вошли, претерпевают значительные фонетические, грамматические и даже семантические изменения, приспособляясь, соответственно, к фонетическим, грамматическим и семантическим законам данной системы.

Заимствование лексики может происходить устным и письменным путём. В случае заимствования устным путём слова быстрее ассимилируются в языке. Слова, заимствованные письменно, дольше сохраняют свои фонетические, орфографические и грамматические особенности.

Заимствование бывает непосредственным, а также происходит с помощью языка-посредника. Языками-посредниками были, например, латинский (через латынь в английский попало много греческих слов) и французский (из которого было заимствовано много латинских слов).

Среди основных способов заимствования лексики выделяются - транскрипция, транслитерация, калькирование и семантическое заимствование.

Транскрипция (фонетический способ) - это такое заимствование словарной единицы, при котором сохраняется её звуковая форма (иногда несколько видоизменённая в соответствии с фонетическими особенностями языка, в который слово заимствуется). Таким способом из английского языка заимствованы слова *football, trailer, jeans sport, labour, travel, people, castle, fortress* и другие.

Транслитерация - это способ заимствования, при котором заимствуется написание иностранного слова: буквы заимствуемого слова заменяются буквами родного языка. При транслитерации слово читается по правилам чтения родного языка. В английском языке много слов греческого, латинского и французского происхождения, которые сохранили свои графические особенности, хотя и читаются по правилам английского языка.

Калькирование - это способ заимствования, при котором заимствуются ассоциативное значение и структурная модель слова или словосочетания. Кальками называются заимствования в виде буквального перевода иностранного слова или выражения, т. е. точного воспроизведения его средствами принимающего языка с сохранением морфологической структуры и мотивировки. При калькировании компоненты заимствуемого слова или словосочетания переводятся отдельно и соединяются по образцу иностранного слова или словосочетания. Например, немецкое существительное *Vaterland*, переведенное по частям, дало английскую кальку *Fatherland*.

Методом калькирования в английском языке создано большое количество слов и фразеологических единиц на базе латинского и французского языков. Кальками являются, например, следующие словарные единицы: *below one's dignity* - 'ниже своего достоинства (из лат. *infra dignitatem*); *under consideration* - 'обсуждаемый' (из лат. *sub iudice*); *vicious circle* - 'порочный круг' (из лат. *circulus vitiosus*) и другие.

Семантическое заимствование - это заимствование нового значения, часто переносного, к уже имеющемуся в языке слову. Слова *pioneer* и *brigade* существовали в английском языке и до проникновения в него «советизмов», но значения: 'член детской коммунистической организации' и 'трудовой коллектив' они получили под влиянием русского языка послеоктябрьского периода.

Семантические заимствования происходят особенно легко в близкородственных языках. Целый ряд примеров можно найти, к примеру, среди скандинавских заимствований.

В результате влияния на английский язык других языков в его словарном составе произошли некоторые изменения, наиболее заметными из которых являются следующие:

1) В английском языке появилось много иноязычных словарных единиц, особенно слов, заимствованных из французского, латинского и греческого языков (греческие слова были заимствованы через латинский язык). Знание значений наиболее распространенных корней греческого и латинского происхождения помогает раскрыть мотивацию заимствованных слов и понять их значение. Знакомство с семантикой наиболее употребительных греческих и латинских корней необходимо также для правильного произношения и написания распространенных терминов и общенародных слов.

2) В английском языке появились иноязычные словообразовательные элементы. Как правило, аффиксы не заимствуются отдельно, а вычлениваются из потока заимствованных слов, после присоединяясь к исконным основам и создавая вместе с ним новые слова. В английском языке много латинских и французских аффиксов: *anti-, re-, pro-, counter-, -ism-, -age-, -able-, -ous* и др.

3) Под влиянием заимствований многие исконные английские слова вышли из употребления или изменили своё значение.

4) Появилось много разностилевых, оценочно неадекватных синонимов (главным образом романского происхождения).

5) Одним из следствий заимствования стало возникновение этимологических дублетов. Этимологические дублеты - это слова, этимологически восходящие к одной и той же основе, но имеющие в языке различное значение, произношение и написание.

6) В результате заимствования английский язык пополнился интернациональными словами. Интернациональными называют слова, встречающиеся во многих языках, но имеющие незначительные фонетические различия, связанные с особенностями произношения каждого языка. Интернациональные слова являются этимологическими дублетами, происшедшими в большинстве случаев от греческих и латинских корней.

7) Появилось много слов, произношение и написание которых не соответствует нормам английского языка.

Ознакомившись с многочисленными трудами учёных в области лексикологии, присоединимся к мнению тех, кто считал, что, несмотря на высокий процент заимствований, английский язык нельзя классифицировать, как язык международного происхождения или как один из романских. Местный элемент содержит огромное количество слов, а грамматическая структура осталась нетронутой.

Современный словарный запас английского языка менялся и дополнялся на протяжении многих веков и сейчас имеет в своём запасе большое количество слов, которые также оказали неоднозначное влияние на формирование его вокабуляра. Но, несмотря на это, английский язык не превратился в некий “гибрид” и не потерял свою самобытность.

Список литературы

1. Хлебникова И.Б. “Введение в германскую филологию и историю английского языка”, - Калининский Гос. Университет, Калинин, - 1972
 2. Гальперин И. Р. , Черкасская Е. Б. “Лексикология английского языка”, М. - 1956
 3. Антрушина Г. Б. , Афанасьева О. В. , Морозова Н. Н. “Лексикология английского языка”, Высшее образование, Дрофа, 1999
 4. Заботкина В.И. “Новая лексика современного английского языка”, М. , Высшая школа, 1989
 5. Маковский М. М. “Английская этимология”, М. , Высшая школа, 1986
 6. Ильиш Б. А. , “История английского языка”, Изд. 4-е, Изд-во лит-ры на ин. языках, М. , 1958
- Таблица 2. латинские аффиксы.

ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Поползина Л.П., Ворончихина М.В.

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

Аннотация.

Статья рассматривает проблемы обучения профессионально ориентированному английскому языку в современном образовании. Чтение текстов по специальности способствует улучшению навыков чтения и понимания прочитанного и развитию их профессиональной пригодности. Статья анализирует главные критерии развития коммуникативных и профессиональных компетенций студентов в обучении иностранному языку. Авторы исследуют методические приемы использования профессионально ориентированного английского языка в образовательной среде.

Ключевые слова: образовательная среда, коммуникативная компетентность, профессионально ориентированный английский, образовательный процесс.

Abstract.

The article is aimed at problems of training professional oriented English in a modern educational process. Reading special texts is the way of improving students' reading skills and increasing their proficiency. The article discusses chief criteria of communicative and proficient competence in learning language. The authors research teaching methods of using professional oriented English in educational environment.

Keywords: educational environment, communicative competence, proficient oriented English, educational process.

Вхождение нашей страны в единое образовательное пространство делает языковое образование неотъемлемым компонентом будущей профессиональной деятельности студентов. Целью обучения иностранному языку в неязыковом вузе является уровень владения иноязычной коммуникативной компетенцией, достаточной для профессионального общения на иностранном языке в современной информационной среде. В Кемеровском государственном Университете культуры и искусств в институте библиотечных и информационных технологий разработаны и успешно решаются задачи оптимизации образовательного процесса на основе

информационно – коммуникативных технологий. Преподаватели профилирующих кафедр и кафедры иностранных языков осознают необходимость объединения усилий вуза культуры и искусств по использованию информационно – образовательного пространства.

На практических занятиях по иностранному языку студенты совершенствуют навыки чтения и понимания иностранной литературы по специальности для следующих целей: составление аннотаций и рефератов, тезисов, докладов и курсовых работ. Тематика текстов отражает достижения в области библиотечных и информационных технологий. Статьи и тексты охватывают круг проблем, связанных с миссией библиотек, их менеджментом и маркетингом. Ряд текстов посвящены типам библиотек, их электронным ресурсам и связям с Интернет. Коммуникативные задания строятся с учетом языковых знаний и умений студентов в разных аспектах языкового образования. Работа над текстом по будущей специальности не прекращается на протяжении всего курса изучения английского языка в вузе. Каждый этап работы над текстом отличается своими особенностями и методическими приемами. Перед текстом дается словарь, необходимых для изучения терминов и выражений; цикл лексических упражнений, имеющих цель усвоения слов, их синонимических и антонимических отношений; семантических упражнений, направленных на выявление нужной информации и установление связности текста. Цель упражнений – научить компрессировать информацию, выделить главную мысль, найти интересные факты, практиковать навыки аннотирования и реферирования. Продуктивными упражнениями считаются упражнения, направленные на определение идеи текста и их связи с будущей профессией. Составление схем, нахождение опор и структурных особенностей способствуют последующей передаче информации текста посредством некоторой замены языковых средств и использования клишированных выражений. В систему тренировочных упражнений включены также грамматические упражнения на повторение основных явлений английского языка: употребление артиклей, активный и пассивный залогов грамматических времен, неличные формы глагола, придаточные предложения. Таким образом, снимаются трудности для понимания и интерпретации текста. Обучение переводу является обособленным видом работы с текстом по специальности и включается в экзамен по английскому языку. Проблемный характер текстов и их профессиональная направленность стимулируют студентов к более глубокому изучению английского языка и поддерживают интерес к профильным дисциплинам по будущей специальности. Отмечаем, что текст является центральным звеном дисциплины «Иностранный язык» и объектом лингвистического исследования. Информационно – коммуникативные технологии расширяют рамки образовательного процесса. Они содействуют повышению творческого потенциала и познавательной активности студентов, способствуют интеграции самостоятельной работы. Интернет – технологии дают возможности поиска статей англоязычных научных журналов, материалов международных научно – практических конференций, ведущих научных исследований в информационной среде. Обобщая тематику профессионально ориентированных текстов, студенты самостоятельно делают вывод, что в современном информационном пространстве библиотеки являются центрами ориентирования человека в информационных потоках. Благодаря новым информационным технологиям и интернет – ресурсам, зарубежная литература, брошюры, проспекты и каталоги стали доступными для практических целей студентов.

Умения ориентироваться и обрабатывать иноязычную информацию, эффективно обрабатывать фонды литературы, заниматься их каталогизацией и аннотацией являются главными комплексными задачами работников библиотек и информационных центров. Современный специалист не может совершенствовать свою профессиональную деятельность без знания иностранного языка, которое дает возможность изучать международный опыт, общаться с зарубежными коллегами, читать и понимать информацию по специальности. Все перечисленные причины, задачи, формы работы и современные технологии направлены на реализацию компетенций обучения иностранного языка. За период обучения студенты института библиотечных и информационных технологий осваивают большой поток иноязычной информации, терминов и понятий, технологий общения с зарубежными специалистами библиотечных ассоциаций. Характер и виды работы над оригинальными текстами строятся на ситуационном подходе и способствуют вовлечению студентов в межкультурную коммуникацию, познанию иноязычного мира и приобщению к реалиям страны изучаемого языка. Необходимо отметить, что содержание текстов развивает кругозор и эрудицию студентов и поддерживает интерес и мотивацию к их будущим специальностям в сфере культуры, искусств и информации.

Активизировать учебную деятельность студентов помогают творческие занятия на завершающем этапе освоения темы. Так, одним из авторов было проведено конкурсное занятие «Роль и миссия национальных библиотек в мировой информационной среде». Используя систему поиска и мониторинга в своей самостоятельной профессионально – ориентированной работе, студенты подготовили интересные в профессиональном плане сообщения и сформулировали проблемные вопросы для дискуссии. Сообщения отличались разнообразным материалом для отражения новейших данных в области библиотечного дела. Информация студентов отразила электронные системы и форматы, средства менеджмента и рекламные издания

крупнейших национальных библиотек мира, информационных центров, международной организации IFLA, Кемеровской областной библиотеки имени Федорова и библиотеки нашего вуза. Студенты продемонстрировали свои умения использовать информационные технологии поиска и презентации иноязычной информации. В презентации о Русской Государственной библиотеке были сообщены данные о количестве читальных залов, специальных помещений для справочной работы и отделе редких книг, хранящим 400,000 экземпляров огромной исторической ценности. В следующей презентации было сообщено, что на данный момент Британская библиотека имеет фонд 18 миллионов экземпляров, охватывая все аспекты человеческой мысли. Библиотека находится в Британском музее, имеет три подразделения: справочное подразделение, подразделение абонементов и подразделение библиографических услуг. В сообщении о национальной библиотеке Франции, бывшей королевской и имперской, подчеркнута ее главная миссия - гарантировать издателям, авторам и художникам сохранность произведений для будущего, показаны причины открытия нового здания. В процессе подготовки к занятиям студенты познакомились с темами и экспонатами выставок выставочного павильона библиотеки Конгресса в Вашингтоне. Созданная только для Конгресса, сегодня библиотека оказывает большой объем эффективных услуг для научно – исследовательской работы. Были представлены и библиотеки регионального масштаба: областная библиотека имени Федорова с ее обновляющимися тематическими выставками и галереей искусства – полотна живописи, подаренные местными художниками. Студенты тепло и со знанием дела рассказали и показали читальный зал, библиографический и абонементный отделы своей университетской библиотеки. Отметили, что пользуются и созданной электронной библиотекой. Присутствующие преподаватели были согласны во мнении, что характер презентаций, текстов и выступлений студентов творческого открытого занятия, активизировал учебную деятельность и приобщил студентов к современной информационной среде и выявил определенный уровень коммуникативной компетенции и профессионально ориентированного английского языка у студентов.

В заключении отмечаем, что английский язык выходит за рамки учебного процесса и становится инструментом конкурентного, способного и компетентного специалиста, умеющего ориентироваться в иноязычном профессиональном пространстве. Профессионально ориентированный английский интегрирует с профилирующими дисциплинами и формирует профессионально значимые свойства личности, которая способна решать профессиональные задачи в сложившейся образовательной среде.

Список литературы

1. Евко Ю.А. Педагогические условия формирования профессиональной ответственности при обучении иностранному языку // Высшее образование сегодня, 2013. № 7. С. 63 – 67.
2. Образцов П.И., Иванова Ю.А. Профессионально ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов. Орел: Изд-во Орлов. гос. ун-та, 2005. С. 12.
3. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.

СЕКЦИЯ №20.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)

СЕКЦИЯ №21.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)

СЕКЦИЯ №22. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Ковалева О.В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», Россия

Мировые миграционные процессы последних десятилетий оказывают влияние на формирование языковой политики государств, которые являются принимающей стороной. Быстро формирующаяся «Глобальная Деревня» представляет собой своеобразный плавильный котел, в котором перемешаны люди разных национальностей, политических и религиозных взглядов, укладов и образа жизни. Вслед за катаклизмами второй мировой войны и экономической перестройкой 50 – 60-х годов миграция изменила облик в 70 – 90-х годах XX века и стала всемирным феноменом. Намеченные тенденции находят продолжение и в настоящее время. Передвижение по странам в поисках лучшей жизни сейчас общепринятая практика. «Революция» Горбачева и ее продолжение в странах содружества, сворачивание и разворачивание движения модернизации в Китае и другие процессы явились причиной массивных демографических изменений на Европейском, Африканском континентах, в Индии, на Среднем Востоке и в азиатских странах, которые когда-то сами были источниками эмиграции. Сегодня многие из них становятся странами-хозяйками, встречающими новых иммигрантов, которые сразу же включаются в производственную деятельность. Эти «новые» иммигранты менее пассивны, чем их предшественники и более требовательны к своим коллективным и индивидуальным правам особенно в области языка.

В данных условиях государства вынуждены проводить поликультурную политику, которая в свою очередь может стать причиной конфликта. Так Б. Бейн, исследуя канадский поликультурализм, приходит к заключению о том, что поликультурная политика противопоставляет этнические группы, вызывает взаимную подозрительность, позволяет истеблишменту установить его культурную гегемонию и, как следствие, получает вызов от национальных меньшинств [6, С. 5-20]. Общеизвестно, что такая политика часто ведет к образованию расовых и гендерных гетто, что ведет к маргинализации меньшинств. Относясь к этнокультурным группам как к гомогенному коллективу, такая политика отрицает индивидуальные таланты. Одной из причин, по которой они покинули свою родину, было создание новой жизни и мечта о новых мечтах. Когда же их заставляют быть более «этническими», чем они были на своей родине, то отрицается их личное право расти и изменяться. Иллюстрацией этому могут служить печально известные пожары, полыхающие в пригородах Парижа весной и осенью 2006 года, напряженная социальная ситуация в Афинах (Греция), где количество мигрантов превышает количество коренных жителей столицы.

Россия также активно вступила в мировой миграционный процесс. Соотношение и динамика универсалистских и националистических настроений в России безусловно представляют интерес для научного социологического знания, анализа, мониторинга. В данном контексте особенно актуальной становится проблема толерантности. Академик А.Г. Асмолов подчеркивает, что толерантность как цивилизационная норма выполняет функции, которые обеспечивают устойчивое развитие человека и социальных групп в мире разнообразия; право каждого человека быть иным; баланс интересов противоборствующих сторон в экономике и политике; возможность диалога и накопления согласия различных мировоззрений и культур [2]. В настоящее время толерантность является основой глобального сосуществования в «глобальной деревне», основой для развития и процветания «больших» и «малых» культур, цивилизаций, языков.

Толерантность находит отражение и в языковой политике нашей страны. Ряд вопросов языковой политики решается как на федеральном, так и на региональном уровнях. Наряду с возрастанием интереса различных слоев населения нашей страны к изучению и овладению иностранными языками, в России проводится языковая политика поддержки региональных языков или языков меньшинств, что нашло отражение в принятой во многих регионах России Хартии региональных языков или языков меньшинств [3]. Так, жители республики Хакасия проявляют интерес к изучению хакасского языка как родного, так и второго, а также традиций, обычаев, музыкального наследия хакасского народа. В республике традиционно популярны национальные праздники Чыл Пазы, Тун Пайрам, музыкальные фестивали горлового пения и этнической музыки.

Любой язык по выражению Б. Бейна, который превосходит азбуку Морзе, не является ни мертвым продуктом, ни исключительной собственностью социальной группы [5, С. 2]. Язык – это живой процесс. По мере

освоения детьми все большего количества слов в одном или нескольких языках они могут лучше воспринимать старые и создавать новые понятия, при этом ребенок-билингвал имеет значительно большую когнитивную «эластичность», а воспитывать и учить в билингвальной среде, значит предоставить ребенку уникальную форму развития. Этнокультурные фанаты, для которых социальная эндогенность - стиль жизни, пытаются лишить язык его эволюционной энергии, загоняя его в этнические анклавы. Б. Бейн предостерегает, что также как биологическое кровосмешение создает генную дисфункциональность, так и язык регрессирует, если он ограничен лишь эндогенными социальными группами, то есть по определению Людвиг фон Бертаманфи «эволюция биологических или символических форм прогрессирует посредством экзогенных взаимоотношений» (там же). Очень важным в этом плане видится замечание А.Г. Здравомыслова о том, что « в современном соревновании технологий и информационных сетей выигрывает в практическом плане то государство или то сообщество, которое признает доминирующую роль глобальных процессов. Реальный парадокс современной национальной политики состоит в следующем: чем меньше делается упор на национальную обособленность или особенность, тем полнее включение в глобальные процессы и тем больше выигрыш для конкретной нации. И наоборот, чем сильнее акцентируется национальная идея, тем больше степень изоляции и тем очевиднее проигрыш в глобальном масштабе» [4, с. 98].

Изучение иностранного языка - это не только, а вернее не столько процесс приобретения фонетических, лексических и грамматических навыков и их адекватное использование в речи, сколько сложнейший процесс узнавания и взаимодействия с другой культурой, процесс преодоления сложившихся барьеров и стереотипов. Американский лингвист Г. Дуглас Браун [7, С. 122 – 123] считает, что человек, изучающий иностранный язык, заставляет вступать в контакт не просто два языка, но две культуры, и, в некотором смысле, он должен изучать и другую культуру наряду с другим языком.

Уильям Ламберт [9, с. 194] был одним из первых, кто утверждал, что индивид, успешно овладевающий вторым языком, присваивает различные аспекты поведения, которые характерны для членов другой этнолингвистической группы. Этноцентрические тенденции индивида и его отношение к другой этнолингвистической группе определяют его успех в изучении и овладении вторым языком. Его мотивация определяется его отношением и ориентациями в изучении второго языка. Эта формулировка явилась отправной точкой для последующих исследований и легла в основу социально-образовательной модели Роберта Гарднера [8].

В своих исследованиях Р. Гарднер особое внимание уделяет изучению влияния социальной среды на овладение иностранным языком. Социальная среда эксплицитно включается в его социо-образовательную модель в качестве компонента, подчёркивающего тот факт, что процесс изучения и овладения вторым (иностраным) языком должен рассматриваться в более широком контексте. Основной при этом становится переменная, обозначенная как «культурные верования (убеждения)». Предполагается, что социальная среда даёт толчок ожиданиям учителей, родителей, учащихся, которые они связывают в целом с процессом изучения и овладения вторым языком. Студент (учащийся), который является представителем сообщества, где билингвизм общепризнан и станет частью его собственного культурного наследия, будет иметь и имеет культурные верования (убеждения) отличные от тех, которые имеет учащийся - представитель сообщества, где нормой является монолингвизм. Точно также, если учащийся находится в обществе, где носители другого языка не оцениваются высоко, или где ведутся споры о ценности данного языка и целесообразности его изучения, то те верования (убеждения), которые он привнесёт с собой в учебную ситуацию, будут в корне отличаться от убеждений учащегося, который будет вести себя как представитель того общества, где данный язык оценивается высоко. Акцент на социальный контекст носит общий характер. Например, в дополнение убеждениям учащегося, о которых говорилось выше, данная концепция включает в себе и концепцию Ламберта о «дополняющем» и «вычитающем» билингвизме, когда в одном случае билингвизм обогащает индивида, предоставляя ему доступ к другим культурным сообществам, в другом - несёт с собой чувство потери идентичности, увводя его от собственного культурного окружения к другому. Очевидно, что данное различие основано не на развитии индивидом двух языковых кодов, но на его убеждениях и на убеждениях окружающего его сообщества относительно изучения и овладения данным языком. Таким образом, если его убеждения включают толерантное отношение к другой культуре и носителям языка и общество поддерживает и одобряет это, то и процесс овладения данным иностранным языком будет более легким и эффективным.

В своем докладе «Искусство жить в мире разнообразия» академик А.Г. Асмолов выражает надежду, что новый век станет веком достоинства и толерантности, когда люди, общаясь друг с другом, будут дарить и обогащать. А не отнимать и обездоливать, понимая, что ради этого они живут, действуют и совершенствуются [1].

Как гармонично сочетать национальную и глобальную «идеи», не потерять собственную идентичность и усвоить лучшее из культуры стран родного и изучаемого языка, заложить основы толерантного сознания у учащихся и воспитать в них культуру достоинства, которая выражается в стремлении к поиску, самореализации, саморазвитию и поддержке развития другого человека – эти и другие вызовы стоят перед преподавателями иностранного языка на современном этапе.

Список литературы

1. Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. О смыслах понятия «толерантность»// Век толерантности: Научно-публицистический вестник. №3, 2001.
2. Асмолов А.Г. Искусство жить в мире разнообразия// Век толерантности: Научно-публицистический вестник. № 3-4, 2001.
3. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и пояснительный доклад. Серия «Европейские договоры». – М.: Изд-во Совета Европы. №148, 2000.
4. Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса. Статьи и доклады 90-х годов. – М.: Наука, 1999.
5. Bain B. Toward an Integration of Piaget and Vygotsky: Bilingual Considerations// Linguistics: An International Review. №160, 1975.
6. Bain B. Romancing the Rosetta Stone: Language, Totems and Taboos in Canadian Bilingual Education. Draft // Our School / Ourselves. – 1992.
7. Brown H. Douglas. Principles of language learning and teaching – Englewood Cliffs, NJ: Prentice – Hall, 1987.
8. Gardner R. Social psychology and second language learning: the role of attitudes and motivation. – Ontario: Edward Arnold, 1985.
9. Lambert W. Language and social psychology. – Oxford: Basil Blackwell, 1979.

ЮМОР КАК СРЕДСТВО ЭКОЛОГИЗАЦИИ ОБЩЕНИЯ

Колосова (Солодовникова) Н.Г.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г.Волгоград

Наверняка Вам нравятся люди,
которые никогда не злятся.
Ещё бы, с ними так легко общаться!
А, может быть, Вы сами такой человек?
Тогда признайтесь:
легко ли Вам сохранять хорошую мину
даже при плохой игре?
О. Подольская

Лингвистическими «сейсмостанциями», по меткому выражению В.И. Шаховского, можно фиксировать потрясения, происходящие в сфере эмоциональных переживаний человека. Эта красивая метафора сформулирована учёным относительно недавно, хотя сама мысль об эмоциях в языке глубоко и убедительно обосновывается им в таком фундаментальном труде, как «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» [Шаховский, 2008]. Названная и многочисленные другие публикации основателя и руководителя волгоградской научной школы лингвистики эмоций посвящены разнообразным аспектам эмотивности языка, который системой своих средств способствует выражению, описанию и называнию эмоций человека в коммуникации.

В наших собственных научных изысканиях идеи лингвистики эмоций получают развитие в экологическом аспекте. В целой серии предыдущих публикаций мы обосновываем, почему лингвистика эмоций выступает методологической базой эмотивной лингвоэкологии / эколингвистики (эмоциональность выступает в качестве важнейшего регулятора экологичности высказывания) [Колосова (Солодовникова), 2015 и др.]. Через эмоции сам язык становится ключом к изучению человека: он номинирует, категоризует, классифицирует, структурирует, комментирует, эксплицирует, имплицитно, моделирует эмоции и формирует, транслирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры [Шаховский, 2008]. Мы понимаем эмотивную лингвоэкологию как новое лингвистическое направление, объектами которого являются языко-/ речеохранение и

здоровьеохранение человека с помощью языка. Вводя элемент «эмоциональный», можно отметить, что объектом эмотивной лингвоэкологии является здоровьеохранение эмоций и использование эмотивно здорового языка.

Мотивом написания данной статьи послужила научно-популярная публикация в Интернете, посвящённая тому, надо ли быть позитивным человеком. Нас заинтересовал тот факт, что автор названной работы использовала термин «экологичность» в отношении эмоциональных проявлений человека. Это имеет непосредственное отношение к сфере наших научных интересов, что получило отражение ещё в кандидатской диссертации [см.: Колосова (Солодовникова), 2010]. В настоящее время мы занимаемся изучением проблемы экологизации эмотивной коммуникации в широком смысле, что предполагает интегрирование достижений экологии, коммуникативной и эмотивной лингвистики, объединившихся в парадигму эмотивной лингвоэкологии / эколингвистики. Мы разделяем мнение В.И. Шаховского, что экология, валеология и эмотивная лингвистика являются тремя источниками эмотивной эколингвистики. Соединение эмотивной лингвистики с валеологией обеспечивает признание экологии человека в коммуникации, т.е. сбережение его эмоций и языка, главным объектом эмотивной эколингвистики. И если сохранение и совершенствование языка – общая задача всех лингвоэкологов, то экология (сохранение здоровья) эмоций человека в коммуникации через использование эмотивно здорового (экологичного) языка – это предметная область экоэмотиологов [Колосова (Солодовникова), 2015: 22].

Введение экологического аспекта в эмотиологию и выделение эмотивной эколингвистики произошло совсем недавно, и это вызывает множество вопросов и сомнений у представителей смежных областей знания.

В наших собственных и совместных с другими авторами публикациях в экологическом аспекте исследуются параметры экологичного общения, эмоциональный интеллект, эмоциональная память, эмоциональный шантаж, рационализация эмоций, реверсия оценочного знака эмоций, экологическая функция языка и эмоций и др.

Обобщая, можно отметить, что мы заняты поиском эмотивных текстов, отвечающих критерию экологичности.

Вероятно, именно тем фактом, что потребность в экологизации жизни современного российского общества остро осознается не только одними лингвоэкологами, можно объяснить введение экологического аспекта в целый ряд научных парадигм. В настоящее время активно развиваются такие отрасли, как экпсихология, экпедогогика, эколингвистика, эмотивная лингвоэкология и др.

Термин «экологичность» ассоциируется уже не с природоведением, а с человековедением и является для нас ключевым. Именно потому, что он прозвучал уже в научно-популярном употреблении (доказательством чему служит его появление в разделе «Психология» на ЛЕДИ@MAIL.RU), публикация по психологии «Надо ли быть позитивным человеком» процессуально-ориентированного психотерапевта О. Подольской привлекла наше внимание.

Доминантой экоэмотиологов, по нашему мнению, является возвышение человека в коммуникации. С этой точки зрения успешная коммуникация всегда экологична. Это означает, что: 1) адресант и адресат реализовали все поставленные в конкретной эмоциональной ситуации цели; 2) эта реализация произошла через использование этических эмотивов; 3) после окончания общения все его участники почувствовали себя лучше, чем до него. Выполнение этих трех условий зависит от позитивности, эмоциональности, эмотивности и эмотиогенности: 1) изначальный эмоциональный импульс должен быть положительным (искренняя доброжелательность); 2) языковая реализация должна быть этичной и эстетичной (отбор и использование положительнооценочных эмотивов); 3) у коммуникативного партнера должны возникнуть ответные положительные эмоции.

Данные положения, как правило, вызывают вопрос о том, всегда ли экологичны только положительные эмоции. А статья О. Подольской отвечает на вопрос, нужны ли в экологичном общении только положительные эмоции.

По нашему мнению, эмотивная лингвоэкология, в первую очередь, должна определиться с тем, какое общение считать нормированно-экологичным, а во-вторых, найти примеры такого общения. В первом приближении в данной статье мы хотели бы представить пример такого текста, который имеет экологическую направленность. И перспективой дальнейших изысканий мы видим экологический мониторинг эмотивных текстов.

Поскольку мы изначально исходим из тезиса лингвистики эмоций, что эмоции сопровождают человека повсюду, окрашивая всю его жизнь, ведь человек, по К. Изарду, – биопсихосоциальное существо [Изард, 1980], нас не может не интересовать вопрос о балансе положительных и отрицательных эмоций в коммуникации, которая претендует на статус экологичной. А поскольку методологической базой эмотивной эколингвистики выступает, согласно нашим убеждениям, эмотивная лингвистика, то в экологическом аспекте необходимо рассматривать соотношение называния, описания и выражения положительных и отрицательных эмоций.

По словам С.В. Ионовой, потребность в экологизации жизни появляется тогда, когда осознается реальная угроза нарушения экологического равновесия в важнейших аспектах жизнедеятельности человека. Экологический аспект лингвистических исследований, актуализировавшийся сегодня, связан с потребностью общества в восстановлении экологического баланса в сфере речевой коммуникации, нарушения в котором ощущаются носителями языка, учеными и фиксируются официальной статистикой. Значительная часть неэкологичных речевых действий всегда связана с эмоциональной сферой общения, поскольку не существует неэмоциональных личностей, а нарушение баланса в системе ценностей, личностных смыслов, мотивов, физических рефлексов и социальных чувств являются зримыми, имеют очевидные психологические и социальные проявления, остро переживаются участниками коммуникативных ситуаций [Ионова, 2013: 323–324].

Необходимо упомянуть о трёх основных составляющих экологичного общения: искренности, доброжелательности, этичности.

Мы выдвигаем искренность на первую позицию в списке, поскольку она составляет начало любого экологичного общения. Его основу образует доброжелательность, поскольку в ней изначально заложена бережность в отношении коммуникативного партнера. А истинная этичность – это уже уровень экспликации эмоций в соответствующих эмотивах. Считаем необходимым развести понятия истинной этичности, которая исходит, прежде всего, из заботы о партнере по коммуникации, а не своего собственного удобства, а также отвечает условиям искренности, доброжелательности и справедливости, и «приличной» упакованности (термин С.В. Ионовой) негативного, неискреннего, недоброжелательного, несправедливого отношения (а оценка, с точки зрения лингвистики эмоций, сопряжена с эмоцией). Приличная упаковка неэкологичных эмоций находит воплощение в таких формах, как нетолерантное (или конфликтное) общение, эмоциональное игнорирование (умышленное неиспользование положительных эмоций в определенных ситуациях – невнимание, пренебрежение) и эмоциональное (де)табуирование (ограничение на интенсивное выражение переживаний или,

Ранее в совместной публикации с В.И. Шаховским нами были предложены параметры экологичного общения [Шаховский, Колосова (Солодовникова), 2010]. В настоящее время мы считаем, что благорасположенность участников коммуникативного акта, уважение друг друга, этичность, готовность выслушать, а в некоторых случаях даже принять точку зрения собеседника, воздержание от употребления как негативных эмоций, так и негативно окрашенных слов в адрес партнёра по коммуникации, эмоциональная поддержка, уместное применение стилистических средств согласно определенной ситуации являются способами экологизации общения. Необходимо добавить к данному перечню и юмор, поскольку он сопряжён с позитивными эмоциями общающихся сторон. Юмор позволяет «переработать» негативные эмоции в положительные, так как является средством их рационализации. Человек как бы поднимается над собой, когда может шутить. Именно в доброжелательном юморе негативные эмоции претерпевают позитивные трансформации. Таким образом, юмор двусторонне экологичен: он позитивен (терапевтичен, позитивно эмоциогенен) как для адресанта и адресата, так и для их языка, поскольку юмористическая вербальная «упаковка» этична. Особенно в коммуникативных эмоциональных ситуациях, требующих выхода из конфликта.

Иллюстрацией экологии юмора в рамках данной статьи может выступить несколько фраз дирижеров симфонических оркестров, которые доказывают, что они умеют ругаться на оркестрантов. Однако делают это тонко и очень интеллигентно [<http://vk.com/leprazo>]:

1. Осталось всего три репетиции до позора! (метафора)
2. Смотрите одним глазом в партию, а двумя на меня! (антитеза)
3. Вы так фамильярно все это играете, как будто лично с Прокофьевым пили! (эпитет)
4. Я скажу вам сейчас, какие тут ноты, вы очень удивитесь.(антитеза)
5. Это вам не симфонический оркестр, здесь в толпе не спрячешься, надо играть чисто! (антитеза)
6. Ребята, это ведь «кукушки звуки», а не приближение вражеской авиации! (антитеза)
7. И если кто-то сыграл фальшиво, главное — успеть посмотреть с укором на соседа.
8. Не захлебнитесь в собственном таланте! (ирония)
9. Дома прийти и заниматься так, чтоб вся семья у тебя умела это играть... (гипербола)
10. Мендельсона надо играть без «мендельсовщины». (метонимия)
11. Уберите свой маникюр с грифа! (синекдоха)
12. Это ж надо так ненавидеть друг друга, чтоб так играть! (антитеза)
13. Почему вам в детстве не объяснили, чем труба отличается от пионерского горна? (антитеза)
14. Если вы еще раз так сыграете первую цифру, я убью всех вас по очереди, похороню, отсижу, а потом наберу новый оркестр! (гипербола)
15. Вы не боитесь выходить на второе отделение? Скажите спасибо, что в консерваторию ходят интеллигенты. А то пролетарии встали бы со своих мест и набили всем вам морду за такую игру! (антитеза)

16. Альты, куда вы лезете? И ладно бы что-то приличное лезло, а то фа-диез! (антитеза)
17. От себя попробуйте дуть! У меня такое впечатление, что вам еще в музыкальной школе не объяснили направление потока воздуха в мундштуке! (антитеза)
18. Я знаю, что вы все меня ненавидите. Теперь подумайте, как к вам должен относиться я? (антитеза)
19. Мне не место с вами в одной музыке! (метонимия)
20. Я обещаю вам трудоустройство в подземном переходе, и лично договорюсь с ментами и бандитами, чтоб вас не трогали. Но за прохожих я не ручаюсь.(антитеза)
21. Вам бы вместо саксофона — бензопилу «Дружба» в руки. Звук тот же, а денег больше! (антитеза)
22. У вас очень красивые, сильные руки. Положите инструмент и задушите себя ими, не глумитесь над музыкой!
23. Я прекращаю всякие церемонии и с сегодняшнего дня начну вас учить любить, если не меня, то хотя бы музыку! (антитеза)

В данной подборке присутствует значительное количество оценочных эмотивов и стилистических приёмов, наиболее распространенным среди которых является антитеза, положенная в основу иронии.

Выявлены случаи называния (Я скажу вам сейчас, какие тут ноты, вы очень удивитесь. И если кто-то сыграл фальшиво, главное — успеть посмотреть с укором на соседа. Это ж надо так ненавидеть друг друга, чтоб так играть! Я прекращаю всякие церемонии и с сегодняшнего дня начну вас учить любить, если не меня, то хотя бы музыку! и др.), описания (Я знаю, что вы все меня ненавидите. Теперь подумайте, как к вам должен относиться я? и др.) и выражения эмоций (Вам бы вместо саксофона — бензопилу «Дружба» в руки. Звук тот же, а денег больше! У вас очень красивые, сильные руки. Положите инструмент и задушите себя ими, не глумитесь над музыкой! и др.).

Не все из приведённых примеров в полной мере отвечают параметру «этичность», так как в них используется разговорная и даже вульгарная (Я обещаю вам трудоустройство в подземном переходе, и лично договорюсь с ментами и бандитами, чтоб вас не трогали. Но за прохожих я не ручаюсь. Вы не боитесь выходить на второе отделение? Скажите спасибо, что в консерваторию ходят интеллигенты. А то пролетарии встали бы со своих мест и набили всем вам морду за такую игру!.) лексика. Некоторые из 33 примеров в подборке мы по этическим соображениям не приводим.

Экологичным же данный текст, составленный из высказываний дирижёров, является, на наш взгляд, потому, что в нём представлена осознанная экспликация негативных эмоций через иронию и юмор.

Найти текст, идеально соответствующий всем параметрам экологичного общения, представляется перспективой данной отрасли знания, реализующей функцию экологического мониторинга эмотивности.

Список литературы

1. Изард К. Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980.
2. Ионова С.В. Неэкологичное общение в «приличной» упаковке // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: Сб. науч. трудов, посвященный 75-летию профессора В.И. Шаховского. Волгоград: Волгогр. научн. изд-во, 2013.
3. Колосова (Солодовникова) Н.Г. Экологичность эмотивной коммуникации (на материале предвыборных креолизованных газетных текстов): дис. ... канд. филол. н. – Волгоград, 2010.
4. Колосова (Солодовникова) Н.Г. Экологическая функция эмоций / Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». №1(35). Февраль 2015. [www.grani.vspu.ru].
5. Подольская О. Надо ли быть позитивным человеком [https://lady.mail.ru/article/485776-nado-li-byt-rozitivnym-chelovekom/] (дата обращения: 31 мая 2015 года).
6. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
7. Шаховский В.И., Колосова (Солодовникова) Н.Г. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. 2010. № 1 (31).
8. 33 фразы дирижёров, или как ругаются интеллигентные люди [http://vk.com/leprazo] (дата обращения: 31 мая 2015 года).

**СЕКЦИЯ №23.
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20)**

**ЛИНГВО-КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СПОСОБОВ ПОДАЧИ ТЕМЫ СООБЩЕНИЯ В
РОССИЙСКОМ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ НОВОСТНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ**

Тимофеева А.А.

Московский Педагогический Государственный Университет

На основе данных базовых лингво-когнитивных моделей нами были выделены модели, характерные для способов подачи информации в российском и англо-американском новостном медиадискурсе.

Говоря о российском новостном медиадискурсе, необходимо отметить, что довольно часто модели с глаголом в качестве базисного элемента встречаются в новостных сообщениях криминалистического характера: «Обычно следственные органы не разглашают имя преступника до решения суда. Но в этом резонансном случае они не смогли молчать. В пятницу следователи назвали имя подозреваемого...» [1].

Следующие лингвокогнитивные модели, которые довольно часто можно встретить в российском новостном медиадискурсе, условно названы клишированной моделью – CI-model и коллоквиальной моделью – C-model.

Так, например, в российских СМИ отмечаются клишированные модели с явным оттенком разговорных конструкций: «Студента ударило током на железнодорожных путях в Иркутской области» [2].

В российских СМИ помимо активно функционирует метафорическая модель — M-model. Метафора – размышление о ситуации, предмете или явлении как о чём-то другом, в иноказательной форме, например, в историях, притчах и аналогиях.

Так, например, в «Комсомольской правде» встречаем высказывание: «Современные политики «гуттаперчивы», «не мужчины, а облака в штанах», а у Путина есть свой стиль - твердость, уверенность, сарказм» [4]. Здесь прослеживается аллегория со знаменитой поэмой В.В. Маяковского «Облако в штанах». Это типичный пример индивидуальной, авторской метафоры, которая давно стала достоянием русского языка. Однако следует отметить тот факт, что такая метафора не имеет чёткой смысловой отнесённости, поэтому адресант новостного сообщения может придать ей собственный, единственно верный, с его точки зрения, смысл. Статья посвящена вопросу популярности российского президента В.В. Путина в России и существенной антипатии по отношению к нему со стороны западных держав. Автор новостного сообщения приравнивает метафору «облако в штанах» к понятию «гуттаперчевый», что означает «пластичный», «бесформенный», «легко принимающий любое обличие», «не имеющий «внутреннего стрежня», «собственного мнения» (ср: «гуттаперчевый мальчик» - главный герой романа русского писателя Д.В. Григоровича, подручный акробата – весьма пластичный и ловкий юноша). Но, отмечая употребление данной характеристики по отношению к образу современного политика, автор статьи конкретизирует значение этого выражения – в понимании адресата «гуттаперчевый» политик подобен «облаку в штанах», т.е. чему-то бесформенному, не точному, бессвязному. В противовес этому, говоря о достоинствах российского президента, он употребляет лексемы, подтверждающие преимущества В.В. Путина над другими политиками – «твёрдость», «уверенность», «сарказм».

Интерес для лингво-когнитивного исследования представляет также гиперболическая модель (Hb-model).

В контексте нашего исследования Hb-model предполагает преувеличение, придающее тексту большую выразительность и драматизм, стремление произвести сенсацию и увеличить читательский интерес, например: «Правила дорожного движения жители Приамурья нарушили более тысячи раз» [3].

Следует отметить, что, как и в русском, так и в англо-американском медиадискурсе одной из наиболее часто встречающихся является V-model – модель с глаголом в качестве базисного элемента.

В частности, можно отметить, что сочетание в одном новостном заголовке сразу двух глаголов в повелительном наклонении (stand up + sing) придает тексту новостного сообщения яркий эмоциональный оттенок, подчёркивают прагматическую установку к действию: «BOOK REVIEW: ‘Stand Up Straight and Sing’» [9] («Литературный обзор: «Встань прямо и пой» - перевод А.А. Тимофеевой).

Также в англо-американском новостном медиадискурсе отмечается употребление клишированных моделей – CI-model и коллоквиальных моделей – C-model.

Например, в одном из заголовков британского еженедельника «The Guardian» можно обнаружить фразу, хорошо отражающую бешеный ритм современной действительности: «Do Something active» [17] («Живи активно» - перевод А.А. Тимофеевой). В статье вниманию читателей предлагается точка зрения американских учёных, утверждающих, что активный образ жизни положительно влияет на состояние здоровья и улучшает настроение.

Так, например, одним из самых частотных приёмов употребления просторечий в коллоквиальных моделях является так называемый «обратный сленг»: «In the '80s and '90s, Red Star Belgrade supporters learned the hooliganism trade from newspaper accounts of English yobs» [5] («В 80-е и 90-е фанаты Белградской «Красной Звезды» столкнулись с хулиганской продажностью на страницах газетных статей, написанных британскими пацанами» - перевод А.А. Тимофеевой). Английское жаргонное слово «yob» - «пацан», производное от «boy» - «мальчик», в данном случае придаёт тексту новостного сообщения яркий оценочный оттенок и выражение отрицательной коннотации, негативной оценки автором статьи ситуации, представленной в тексте; ср: «It is the behavior of yobs. Soon enough it will lead to violence» [6] («Этот «пацанский образ жизни» до добра не доведёт» - перевод А.А. Тимофеевой).

Кроме того, в англо-американском новостном медиадискурсе отмечается частотность употребления фразеологических моделей типа Ph-model, как и в российском новостном медиадискурсе основанных на сочетаниях слов, укоренившихся в языке, но употребляющихся в качестве готовой единицы.

Так, например, в англо-американских СМИ фразеологические модели часто употребляются в совершенно иных, не присущих им, общепринятых значениях: «Bleeding Hearts Club»: Welcome back to the Jungle» [7] («Клуб добросердечных»: Добро пожаловать обратно в джунгли» - перевод А.А. Тимофеевой).

Интересным для лингво-когнитивного исследования является употребление в новостных текстах англо-американских СМИ гиперболической модели (Hb-model).

Функциональными особенностями употребления данной модели в англо-американском новостном медиадискурсе также является преувеличение, придающее тексту большую выразительность и драматизм, стремление произвести сенсацию и увеличить читательский интерес, например: «We are the patients who lie neglected in hospital wards, suffering malnutrition or literally dying of thirst» [8] («Мы - пациенты, валяющиеся в больничных отделениях без должного ухода, страдающие от истощения или буквально умирающие от жажды» - А.А. Тимофеевой).

Подводя итог анализу лингво-когнитивных моделей подачи темы сообщения в англо-американском новостном медиадискурсе отмечаем, что негативная коннотация представленной информации в примерах, взятых из англо-американских СМИ, подчёркнута менее, чем в российском новостном медиадискурсе.

Список литературы

1. Колганова, А. «Комсомольская правда», 27.03.15
2. Нисифоров, Д. «Комсомольская правда», «Студента ударило током на железнодорожных путях в Иркутской области», 31.03.15
3. Новосельцева, О. «Комсомольская правда», «Правила дорожного движения жители Приамурья нарушили более тысячи раз», 02.04.15
4. Радзиховский, Л. «Комсомольская правда», 26.10.14
5. Beith, M. «Newsweek», 07.12.04
6. Brenkley, S. «The Independent», 19.01.15
7. Davis, A. «Newsweek», «Bleeding Hearts Club»: Welcome back to the Jungle», 28.01.01
8. Rantzen, E. «The Sunday Times», 04.12.11
9. Taylor, P.S. «The Washington times», «BOOK REVIEW: 'Stand Up Straight and Sing'», 07.08.14

**СЕКЦИЯ №24.
ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21)**

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МАНИФЕСТАЦИИ СОМНЕНИЯ И СПОСОБЫ
ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Ильясова А.Ф., Тарасова Ф.Х.

Казанский Федеральный Университет, г.Казань

Аннотация.

В статье рассматриваются синтаксические средства выражения сомнения в английском языке и способы их перевода на русский язык на примере художественного произведения Мюриэл Спарк «Мисс Броди в расцвете лет».

Ключевые слова: синтаксические выражения сомнения, перевод

Категория сомнения давно изучается в таких областях наук как философия и психология. Несомненно, сомнение с этих позиций раскрывается и расширяет наше о нем представление. Однако стоит отметить, что именно в языке данная категория может выражаться и интерпретироваться. В лингвистике исследованию категории сомнения посвящено большое количество работ. Сомнение изучалось с разных точек зрения: как категория эпистемической модальности (Беляева, 1985; Арутюнова, 1999); как модусная категория (Шмелева, 1990); как лингвокультурный концепт (Юровицкая, 2005); как макрополе категории некатегоричности (Топка, 2000). Внимание уделялось глаголам сомнения (Щелканова, 2001), а также его семантическому (Никольская, 2011) и прагматическому (Емельянова, 2010) аспектам [4].

В данном произведении на синтаксическом уровне сомнение интересно выражается в вопросах. Можно предположить, что любой вопрос выражает сомнение. Это утверждение основано на том, что человек, задающий вопрос, не уверен в чем-то, он хочет что-то уточнить и поэтому задает вопрос. Однако в своем исследовании Юровицкая отмечает, что не в каждом вопросе может выражаться сомнение и там, где нет когнитивной позиции, нет и сомнения [3, С.93]. Рассмотрим примеры из анализируемого романа:

"Season of mists and mellow fruitfulness. I was engaged to a young man at the beginning of the War but he fell on Flanders Field," said Miss Brodie. "Are you thinking, Sandy, of doing a day's washing?" [6].

Обращение к контексту показывает, что мисс Броди собирается рассказать девочкам историю своей любви, однако, она замечает, что рукава у одной девочки засучены. Учительница предполагает, что Сэнди собирается стирать. Конечно, это ирония, тем не менее, приведенный вопрос выражает семантику сомнения в намерениях к девочке. Мисс Броди считает, что в приличном обществе девушки должны выглядеть опрятно и аккуратно. Закатанные рукава, по мнению учителя, совершенно не подходят случаю.

В следующем вопросе мисс Броди хочет уточнить значение поговорки:

We shall drink water and walk slow. What does the saying signify, Rose?" [6].

Мисс Броди рассказывает ученицам о своем женихе. Она сообщает, что ее жених был из бедной семьи и для придания образности своему рассказу использует фразеологизм - We shall drink water and walk slow. Конечно же, смысл этой поговорки хорошо известен мисс Броди, но она сомневается, знают ли девочки, в каких случаях используется поговорка и решает уточнить. Таким образом, этот вопрос выражает сомнение мисс Броди в знаниях девочек. Аналогичным образом сомнение выражается и в следующем примере:

They talk nasally. Mary, what does to talk nasally mean?" [6].

Данная фраза относится к рассказу Мисс Броди о ее визите в Рим, где она повстречала одного американца. Учительница хочет отметить особый говор ее нового знакомого и использует для его характеристики прилагательное nasally, однако, она не уверена, что значение этого слова знакомо ученицам и она решает уточнить это, поэтому и задает вопрос. Сомнение у Мисс Броди в частности вызывают интеллектуальные способности Мэри, так как среди девочек она слыла глупенькой девочкой.

Сомнение мисс Броди в компетенции девочек можно проследить и в следующем примере:

Mary, sit up and don't slouch. It was a sublime moment in a sublime love. By whom was the picture painted?" Nobody knew [6].

"It was painted by Rossetti. Who was Rossetti, Jenny ?" "A painter," said Jenny [6].

Мисс Броди рассказывает своим ученицам о своем пребывании в Италии. Она упоминает картину Россетти, где изображена встреча Данте с Беатриче на Понте Веккьо. Говоря о картине, мисс Броди не уверена в том, что эта картина знакома девочкам и решает уточнить – она задает вопрос «By whom was the picture painted?» Девочки действительно не знают, кто написал картину, тогда мисс Броди называет им имя автора и опять сомневается в том, знают ли ученицы ее любимого художника. Рассмотрим следующий пример:

"You did well," said Miss Brodie to the class, when Miss Mackay had gone, "not to answer the question put to you. It is well, when in difficulties, to say never a word, neither black nor white. Speech is silver but silence is golden. Mary, are you listening? What was I saying?" [6].

Обращение к контексту показывает, что мисс Броди хвалит своих учениц за то, что они повели себя правильно, когда в класс вошел директор школы. Обращаясь к своим ученикам, учительница засомневалась, что одна из учениц Мэри слушает ее и задает ей вопрос для того, чтобы привлечь ее внимание. Также мисс Броди сомневается в том, что Мэри слышала ее последние слова и просит повторить то, что она говорила буквально пару мгновений назад.

"I don't think they took their clothes off, though," Sandy said, "do you?" [6].

Вопросительная форма в приведенном выше примере выражает сомнение девочек относительно интимных отношений мисс Броди с ее женихом. Школьницы еще слишком юны, чтобы знать все нюансы отношений между мужчиной и женщиной и у них возникает много сомнений относительно того, как должны строиться отношения, а также, что они должны в себя включать. Аналогичным образом сомнение выражается и в следующем примере:

Sandy said to Monica Douglas, "Are you sure it was Mr. Lloyd who kissed her?" [6].

Are you sure it wasn't Mr. Lowther?" [6].

Девочки рассуждают о том, кто бы мог поцеловать мисс Броди. Никто из них не знает этого наверняка, они сомневаются между двумя мужчинами.

It was twenty-eight years after Eunice did the splits in Miss Brodie's flat that she, who had become a nurse and married a doctor, said to her husband one evening: "Next year when we go for the Festival——"

"Yes?" [6].

Приведенный выше пример демонстрирует фрагмент диалога мужа с женой. Юнис сообщает мужу о своем намерении поехать в следующем году на фестиваль. Супруг выражает сомнение в намерениях жены и переспрашивает ее, чтобы убедиться, что он ее правильно понял.

Таким образом, проведенный анализ выражения сомнения на синтаксическом уровне показывает, что сомнение выражает в вопросительных конструкциях. Всего в корпусе произведения было отмечено 87 примеров выражения сомнения таким образом. В подавляющем большинстве случаев вопросительная конструкция фигурирует в прямой речи героев произведения, а не в авторской речи.

В своем исследовании способов перевода сомнения на русский язык мы опираемся на работу Комиссарова В.Н.. Ранее было отмечено, что на синтаксическом уровне сомнение выражается за счет вопросов.

Таблица 1

Оригинал М. Спарк	Перевод А. Михалева
"Season of mists and mellow fruitfulness. I was engaged to a young man at the beginning of the War but he fell on Flanders Field," said Miss Brodie. "Are you thinking, Sandy, of doing a day's washing?"	Пора туманов, зрелости полей... В начале войны я была помолвлена с одним молодым человеком, но он пал на полях Фландрии, — сказала мисс Броди. — Сэнди, ты что, решила затеять стирку? [2].

В данном случае в вопросе, который выражает семантику сомнения используются типично английская грамматическая форма, которая не имеет аналога в русском языке – герундий *doing*. Указанная герундиальная форма функционирует в выражении, которое характеризуется определенным типом устойчивости – *to do a washing day*. Обращение к электронному двуязычному словарю АБВУУ показывает, что «washing day» имеет прямое словарное соответствие – день стирки [5]. Тем не менее, переводчик отказывается от использования словарного соответствия и прибегает к переводческой трансформации – приему модуляции или смыслового развития и выражение устроить день стирки переводит как затеять стирку. При этом герундиальная форма английского глагола, которая не имеет аналогов в русском языке, подвергается лексическому опущению. В переводе также подвергается модуляции выражение «are you thinking», которое как раз и содержит семантику сомнения, которое исходит от мисс Броди. В переводе это выражение заменяется на личное местоимение с союзом – ты что. Отметим, что это сочетание широко распространено в разговорной русской речи и по своей семантике также выражает недоверие, сомнение, вопрос. На этом основании вариант перевода, предложенный А. Михалевым считаем удачным.

Таблица 2

Оригинал М. Спарк	Перевод А. Михалева
"You did well," said Miss Brodie to the class, when Miss Mackay had gone, "not to answer the question put to you. It is well, when in difficulties, to say never a word, neither black nor white. Speech is silver but silence is golden. Mary, are you listening? What was I saying?"	Вы благоразумно поступили, не ответив на заданный вопрос, — сказала мисс Броди, когда директриса ушла. — В сложных ситуациях лучше не говорить ни слова — ни плохого, ни хорошего. Слово — серебро, а молчание — золото. Мэри, ты меня слушаешь? Повтори, что я сказала. [2].

В данном примере интерес представляют собой два вопроса, которые адресованы одной из учениц мисс Броди. Когда учительница сомневается в том, что Мэри ее внимательно слушает, она задает ей соответствующий вопрос «Mary, are you listening?» Для перевода этого вопроса переводчик использует прием лексического добавления. В переводе есть местоимение меня, которое отсутствует в ИЯ. Что касается перевода второго вопроса «What was I saying?», то интересно отметить прием модуляции, который использовал А. Михалев. Проследим логику переводчика. Если бы девочка слушала бы то, что говорит учительница, то смогла бы без труда это повторить. Отметим, что в обоих случаях переводчику удалось создать адекватный перевод и должным образом передать семантику сомнения ИЯ в ПЯ.

Таблица 3

Оригинал М. Спарк	Перевод А. Михалева
"I don't think they took their clothes off, though," Sandy said, "do you?"	Ну и что? Они же, наверно, одежду при этом не снимали, — сказала Сэнди. — А ты как думаешь? [2].

В данном примере переводчик использует целый комплекс трансформаций, как лексических, так и грамматических. Прежде всего, отметим грамматический прием членения предложения. Вместо одного предложения в ИЯ «I don't think they took their clothes off, though» употреблено два в ПЯ - Ну и что? Они же, наверно, одежду при этом не снимали. Считаем данное решение переводчика оправданным, поскольку добавление эллиптического предложения «Ну и что?» привносит дополнительный оттенок сомнения, которое выражает девочка как реакцию на предположение ее подруги о той страсти, которая была между мисс Броди и ее женихом.

В этом примере также использован прием антонимического перевода. Отрицательная конструкция ИЯ - I don't think заменяется на утвердительную в ПЯ. Дополнительным средством выражения сомнения в ПЯ является также лексическая единица «наверное», которая привносится в текст перевода при помощи лексической трансформации добавления. Прием смыслового развития применяется и для перевода конструкции «do you?», которая является маркером вопросительного предложения и средством выражения сомнения. Вариант перевода «А ты как думаешь?» можно признать удачным, т.к. он выражает семантику сомнения сразу в двух направлениях. Во-первых, сама вопросительная конструкция свидетельствует о наличии сомнения у говорящего, а, во-вторых, адресованность этого вопроса собеседнику свидетельствует о том, что говорящий не уверен в своей точке зрения и хочет услышать мнение своего собеседника. На этом основании данный вариант перевода считаем удачным.

Таблица 4

Оригинал М. Спарк	Перевод А. Михалева
They talk nasally. Mary, what does to talk nasally mean?"	Американцы произносят слова с назализацией. Мэри, что означает «произносить с назализацией»? [2].

В данном примере семантика сомнения выражена вопросительной конструкцией, которая передается в ПЯ путем синтаксического уподобления. Поскольку вариант А. Михалева в полной мере передает семантику оригинала и выражение сомнения мисс Броди, можно признать его удачным.

Таблица 5

Оригинал М. Спарк	Перевод А. Михалева
Mary, sit up and don't slouch. It was a sublime moment in a sublime love. By whom was the picture painted?"	Мэри, сядь прямо и не сутулься. То был великий момент в великой любви.

<p>Nobody knew. "It was painted by Rossetti. Who was Rossetti, Jenny?" "A painter," said Jenny.</p>	<p>Кто написал эту картину? Никто не знал. — Она написана Россетти. Кто такой Россетти, Дженни? [2].</p>
---	--

В этом примере фигурируют сразу два вопроса. Сначала мисс Броди спрашивает у девочек, что за картину она описывает, а потом, кто автор этой картины. В первом вопросе автор использует пассивный залог, который очень типичен для английского языка и менее типичен для русского. Переводчик использует грамматическую трансформацию и заменяет страдательный залог в ИЯ на активный в ПЯ. Это действие считаем вполне оправданным, так как переводчик тем самым сохранил стилистические нормы русского языка. Второй вопрос был переведен А. Михалевым путем синтаксического уподобления. Поскольку переводчику удалось в полной мере передать семантику оригинала и коннотацию выражения сомнения, можно признать этот вариант перевода удачным.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что переводчик использовал целый комплекс трансформаций для выражения сомнения на синтаксическом уровне. В подавляющем большинстве для передачи средств выражения сомнения используются лексические трансформации. Однако мы считаем, что делать окончательные выводы относительного сомнения в английском языке не представляется возможным, так как изученный нами корпус языка слишком мал.

Список литературы

1. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Учеб. пособие для институтов и факультетов иностранных языков. Высш. Школа. 1990. 253 с.
2. Мюриэл Спарк. Мисс Броди в расцвете лет. [Электронный ресурс].
3. Юровицкая Л.Н. Английский лингвокультурный концепт «сомнение» и способы его языковой манифестации. дис. ... канд. филол. наук. С., 2005. С. 93.
4. Якубова Н.М. Изучение сомнения в современной науке. Б.: Вестник Амурского Государственного Университета. 2015. С. 159.
5. АBBYY Lingvo. Двухязычный словарь. URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru> (дата обращения: 27.05.2015)
6. Muriel Spark. The Prime of Miss Jean Brodie. [Электронный ресурс].

СЕКЦИЯ №25.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД

Январь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны**», г.Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2015г.

Февраль 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом**», г.Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2015г.

Март 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы современных гуманитарных наук**», г.Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2015г.

Апрель 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках**», г.Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2015г.

Май 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук**», г.Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2015г.

Июнь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Современные проблемы гуманитарных наук в мире**», г.Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2015г.

Июль 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**О вопросах и проблемах современных гуманитарных наук**», г.Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2015г.

Август 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Новые тенденции развития гуманитарных наук**», г.Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2015г.

Сентябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Гуманитарные науки в современном мире**», г.Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2015г.

Октябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы гуманитарных наук**», г.Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2015г.

Ноябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития», г.Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2015г.

Декабрь 2015г.

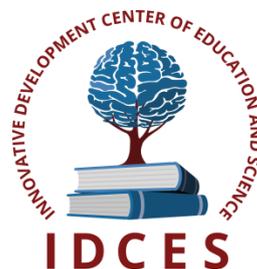
II Международная научно-практическая конференция «Перспективы развития современных гуманитарных наук», г.Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2016г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Гуманитарные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В МИРЕ

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(8 июня 2015г.)**

**г. Казань
2015 г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 09.06.2015.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,53.
Тираж 250 экз. Заказ № 205

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58